

ДАТСКОЕ И НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ в XI веке

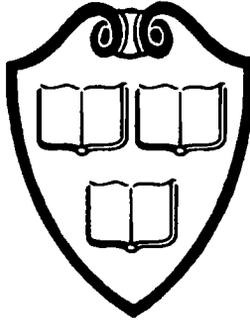
Рух
Britannica

М. М. ГОРЕЛОВ



ДАТСКОЕ
И НОРМАНДСКОЕ
ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ
в XI веке

**Рак
Britannica**



Редколлегия серии «Рак Britannica»:

*М. В. Винокурова, О. В. Дмитриева,
Т. Л. Лабутина, М. В. Муха, Л. П. Репина,
Л. П. Сергеева, С. Е. Федоров, А. А. Чамеев*



ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

M. M. Gorelov



**DANISH AND NORMAND
CONQUEST OF ENGLAND
in XI century**

St. Petersburg
ALETHEIA
2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

М. М. Горелов



**ДАТСКОЕ И НОРМАНДСКОЕ
ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ
в XI веке**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2007

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)
Г68



*Рекомендовано к изданию Ученым Советом
Института всеобщей истории РАН*

Горелов М. М.

Г68 Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке / М. М. Горелов. — СПб. : Алетейя, 2007. — 176 с.

ISBN 978-5-91419-018-4

Автор затрагивает малоисследованные в отечественной историографии проблемы политической истории Англии на рубеже раннего и классического Средневековья, помещая их в контекст общеевропейского развития всего северо-западного региона Европы. Большое внимание уделяется англоскандинавским отношениям и культурной интеграции донормандской Англии в «мир викингов». История Англии рассматривается через призму двух переломных моментов, повлекших за собой сколь значительные, столь и разные последствия — завоевания Англии датчанами в начале XI в. и нормандцами во второй половине XI в. Автор скрупулёзно реконструирует фактологию этих событий, что особенно ценно на фоне общеизвестной скудости источниковой базы по данной проблематике. Подробно исследуются экономические, политические, социальные и этнокультурные последствия двух завоеваний — в корне различающиеся, что обусловлено особенностями социально-экономического уклада жизни самих завоевателей. Большое внимание уделено историческим персоналиям, подробно рассматривается роль элит и природа этнополитической раздробленности. Важнейшая сторона исследования — тематика отображения событий и их последствий в массовом сознании современников и последующих поколений, в средневековой литературе, в языке и исторической памяти, анализ этнического самосознания раннесредневековых обществ и проблема исторических альтернатив.

В монографии применяются современные достижения в жанре политической истории — компаративный анализ, комплексное рассмотрение исследуемой проблематики с привлечением подходов из арсенала социальной и культурной антропологии, истории ментальности, микроистории, интеллектуальной истории.

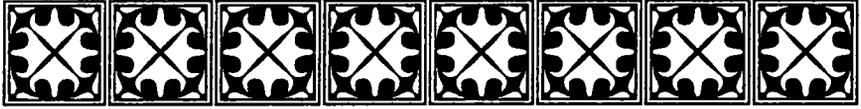
УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-91419-018-4



9 785914 190184

© М. М. Горелов, 2007
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2007
© «Алетейя. Историческая книга», 2007



ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XX в. традиционная политическая история в значительной мере была оттеснена на задний план различными новыми направлениями, характерной чертой которых стало исследование не столько событий, сколько тенденций; кроме того, наблюдалось явное преобладание в исторических исследованиях интереса к социально-экономической и правовой проблематике. Однако, как показывает практика, событийная история может существовать на вполне современном уровне, обогатившись достижениями прочих направлений, в том числе появившихся сравнительно недавно (культурная антропология, история ментальностей, и т.д.), что способствует комплексному подходу к ее изучению. Как бы там ни было, изучение событий как таковых является основой, становым хребтом истории вообще, поэтому, вероятно, известное высказывание основателей школы «Анналов», объявивших традиционную политическую историю «трупом», не следует понимать буквально. Ренессанс политической истории в последние десятилетия доказывает ее жизнеспособность, что соответствует и мнению автора данной работы, старавшегося мобилизовать все еще не исчерпанные до сих пор возможности политической истории в ее современной трактовке (с элементами этно- и социокультурного анализа).

Настоящая работа имеет своей задачей исследовать политическую историю Англии на рубеже раннего и классического Средневековья. Если в зарубежной (прежде всего, разумеется, англоязычной) историографии существуют десятки трудов, посвященных указанной тематике, то в отечественной историографии она изучена совершенно недостаточно. Между тем, эта тематика важна не только в страноведческом плане или применительно лишь к политической истории. Она приводит к рассмотрению более глубоких, общеисторических проблем, таких, как отношения между разными типами и стадиями цивилизационного развития, формирование этнического самосознания, проблемы сепаратизма и целостности государства, роль элиты в обществе, проблема сохранения культурной

идентичности в условиях насильственно насаждаемой иной модели исторического развития, наличие исторических альтернатив. Все эти проблемы находятся в центре внимания современной гуманитарной науки. Благодаря сравнительному подходу, появляется возможность показать те процессы и явления, относящиеся к исследуемым событиям, которые до сих пор были мало освещены в международной историографии.

Мы рассматриваем политическую историю Англии XI в. на срезе двух переломных моментов, повлекших за собой включение Англии в полиэтничные державы и вызвавших глубокие цивилизационные, социальные и этнокультурные изменения в английском обществе. Речь идет о датском и нормандском завоеваниях, а также о сравнительном анализе различных аспектов этих изменений в контексте внутренней политики завоевателей в завоеванной стране. Эта тема выводит исследователя на такие задачи, как:

1) изучение и подробная реконструкция событий политической истории рассматриваемого региона в данный период;

2) установление взаимосвязи внутренней политики датских и нормандских завоевателей в Англии с социальной структурой их собственных обществ, что определяло характер завоеваний и оседания на завоеванных землях;

3) установление взаимосвязи между уровнем этнического самосознания англосаксов и феноменом политического сепаратизма («регионализма»), а также рассмотрение роли знати как основного выразителя этого самосознания;

4) оценка роли культурных и идеологических аспектов в политике ассимиляции и в процессе складывания новых государственных образований;

5) выяснение возможностей альтернативных вариантов развития событий и пределов этих возможностей.

Как правило, при обращении к истории Англии XI в. прежде всего возникают ассоциации с нормандским завоеванием и последующей земельной переписью, отраженной в «Книге Страшного Суда». Действительно, нормандское завоевание стало поворотным моментом английской (да и, в какой-то степени, общеевропейской) средневековой истории, открыв в Англии период «развитого феодализма», с его английской спецификой. Однако в тени историографической популярности этого события и его последствий теряется другое, ничуть не менее интересное событие — датское завоевание Англии в начале XI в., не уступавшее по масштабам и значению нормандскому, но значительно меньше привлекавшее внимание как средневековых, так и современных историков. Причин этому можно указать несколько. Для авторов, писавших в конце

XI–XII вв., датское завоевание виделось чем-то полузабытым, поскольку было отодвинуто на задний план социальными, политическими и культурными сдвигами, вызванными нормандским завоеванием и потрясшими до основания английское общество. Идеологическое оправдание нормандского господства, которым занимались нормандские хронисты XI в., или анализ и осмысление результатов нормандского завоевания, присущие более поздним авторам, таким, как Ордерик Виталий, Уильям Малмсберийский — вот что занимало умы тогдашних писателей. Что же касается историографии второй половины XIX–XX вв., то именно нормандское завоевание Англии представляло для историков оптимальный фундамент для дискуссий о феодальном строе, «феодальной революции», сущности феодализма, и прежде всего о том, было ли донормандское англосаксонское общество феодальным, или нет, и т.д.

Между тем, датское завоевание Англии (можно даже условно назвать его вторым датским завоеванием, дабы отличать его от первого, имевшего место в IX в. и приведшего к образованию Области Датского права), не уступая нормандскому по длительности и размаху военных действий, открыло в истории Англии тоже весьма интересный, хотя и не очень долгий период, когда Англия входила в состав империи Кнута Великого (1017–1035). Но датское завоевание Англии протекало в рамках одного культурно-исторического ареала. Несмотря на неизбежные жертвы, разрушения, насилие и прочие явления, сопутствующие любому подобному событию, датское завоевание с исторической точки зрения было менее болезненным для Англии, чем нормандское, так как не ломало местные социальные, политические, культурные традиции. Ведь это было не первое «вливание» германской, в том числе скандинавской, крови в английское общество. Еще историки XIX в., в частности, Дж. Грин, отмечали языковое и культурное родство англосаксов и скандинавов¹. В наше время историки говорят, основываясь на данных археологии, лингвистики, и т.п., уже о более широкой этнокультурной общности германских племен, населявших берега Северного моря и говоривших некогда на одном языке, который Е. Шервуд называет «древнефризским» (вероятно, правильнее было бы называть его древнезападногерманским)². В эту общность, сложившуюся еще на рубеже нашей эры и упоминавшуюся Тацитом («ингевоны»), входили и англосаксы, и скандинавы, и фризы, и континентальные саксы³. На протяжении раннего Средневековья, несмотря на изменения в политической карте

¹ Грин Дж. Р. Краткая история английского народа. Вып. 1. М., 1897. С. 61.

² Шервуд Е. От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 79–82.

³ Lawson M.K. Snot: the Danes in England in the early XIth century. P. 1.

региона, связанные с миграциями и становлением государственности у указанных и прочих племен, эта общность в известной степени сохранялась, так как была обусловлена изначальным генетическим родством прежних племен, их языка, культуры, традиций — то есть, самими истоками данного культурно-исторического типа.

В связи с рассматриваемыми событиями возникает также и проблема исторической альтернативы: как могли развиваться английская государственность и цивилизация при неудачном исходе или лишь частичном успехе обоих завоеваний? Методы «альтернативного» подхода в истории в наше время получают все большее признание, несмотря на консервативную аксиому о том, что «история не терпит сослагательного наклонения». Современная историко-философская мысль призывает выдвигать гипотезы, изучать то, что могло бы произойти, соблюдая при этом, конечно, осторожность и здравомыслие, не отрываясь от реалий. Поссибилистский и контрфактический подходы только обогащают исследовательский арсенал историка¹.

Особый интерес и дискуссии вызывают в настоящее время проблемы национального самосознания и национальный фактор вообще. Примером дискуссий в рамках этих проблем может служить сборник «Concepts of national identity in the Middle Ages» (1995), где представлен спектр мнений современных западных исследователей. Этот спектр довольно широк, что подтверждает актуальность самих проблем. Так, например, Б. Андерсон считает, что в единой христианской Европе в средние века не было и быть не могло национального самосознания²: один из его аргументов — культурная роль христианства и латыни как общеевропейского языка. Л. Джонсон утверждает, что как народы, так и их самосознание «создаются государствами»³, то есть, оформляются в процессе становления государственных институтов, центральной власти, и т.д. С другой стороны, как историки XIX в., так и современные исследователи подчеркивают локальный, местный характер этнического самосознания в раннее Средневековье, в эпоху лоскутных варварских государств с постоянно меняющимися границами, искусственно объединявших разные этнические общности, еще и не оформившиеся в этносы как таковые⁴. Эти дискуссии, в част-

¹ См.: Мило Д. За экспериментальную, или веселую историю; Хук С. «Если бы» в истории // THESIS, NS'94; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Эжштут С.А. В поиске исторической альтернативы. М., 1994.

² Concepts of national identity in the Middle Ages. P. VII.

³ Johnson L. Imagining communities: medieval and modern // Concepts of national identity... P. 11.

⁴ Буданова В.П. Этнические процессы и власть в раннее Средневековье // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., 1992. С. 44–45.

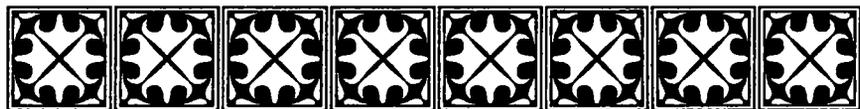
ности, проблема англо-нормандского этнокультурного синтеза, последовавшего за нормандским завоеванием, имеет непосредственное отношение к оценке его последствий.

В связи с этническим аспектом данного исследования следует особо сказать о соответствующей терминологии: то, что в западной историографии обозначают словом «nation», в отечественной обычно называют «народностью». Применительно же к раннему Средневековью, когда еще и народности только начинали складываться, можно говорить об этносах, или этнических группах, объединенных общностью происхождения, культурных традиций и исторической памяти. Эту точку зрения, принятую в отечественной историографии, разделяют Л. Джонсон и А.Д. Смит¹. Что касается терминов «раса», «расовый», столь часто употребляемых в англоязычной историографии, в том числе и применительно к раннему Средневековью, то их следует понимать, конечно, не в современном, принятом у нас смысле, а скорее как этнокультурные категории.

Часто употребляемый здесь термин «регионализм», заимствованный из англоязычной историографии, подробно объясняется по ходу повествования. Отметим лишь, что он соотносится с терминами «раздробленность» (политическая, экономическая, и т.п.), или «обособленность», но характеризует также и субъективную сторону этих явлений, то есть, восприятие их самими людьми.

Что касается общего направления данной работы, то она представляет собой исследование политической истории на стыке с этнокультурной и социальной историей (насколько, конечно, источниковая база это позволяет). Следует отметить, что, например, по эпохе нормандского завоевания эта база гораздо шире, нежели по Империи Кнута; именно поэтому нормандское завоевание занимает больший объем нашей работы, хотя и по проблематике датского завоевания и царствованию Кнута был задействован практически весь имеющийся материал.

¹ Smith A.D. National identities: modern and medieval // Concepts of national identity... P. 28–29. Johnson L. Op. cit. P. 11–12.



ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография нормандского завоевания довольно обширна, но собственно политической истории вопроса посвящено не так много работ, как может показаться на первый взгляд; нередко за всевозможными вариациями названия «Norman Conquest» стоит анализ социально-экономических и институциональных сдвигов, последовавших за конкретными историческими событиями, нас интересующими. Историография нормандского завоевания восходит в Англии еще к XVII в. Авторы того времени рассматривали институционально-правовые изменения, произошедшие после завоевания, этого «коренного перелома в конституциональной преемственности», по выражению Дугласа¹. В XVIII в. была издана «Книга Страшного Суда», и проблематика нормандского завоевания постепенно стала доступной для сравнительно широкого круга образованной общественности, предметом научных дискуссий. Это способствовало плюрализму мнений; если редкие авторы XVII — начала XVIII в. ограничивались верноподданническими оценками завоевания в духе монархического патриотизма, то революционные потрясения второй половины XVII в., приведшие к власти либеральную буржуазию, вывели на сцену так называемую «вигскую» концепцию, доминировавшую в английской историографии двести лет. Этой концепции были свойственны буржуазно-патриотическая точка зрения на рассматриваемые события, изображение героической борьбы англосаксов с завоевателями. В основе вигской концепции в известной степени лежала политическая конъюнктура эпохи, традиционная неприязнь либералов к сильной королевской власти и симпатия к демократическим традициям народного представительства. Собственно, основной недостаток вигской концепции и состоит в этом модернистском подходе к прошлому, базировавшемся на самом менталитете вигов, с его корнями в идеях Просвещения XVII—XVIII вв. Вместе с тем, вигская школа достигла

¹ Douglas D.C. The Norman Conquest & British historians. Glasgow, 1946. P. 29.

определенного совершенства в разработке прежде всего событийной истории, несмотря на модернистские апелляции к понятиям «нация», «демократия», и т.д., больше свойственным эпохе Просвещения, а не Средневековью.

Лейтмотивом концепции историков-вигов было противопоставление демократических порядков англосаксов военно-монархическому режиму нормандцев. Национально-освободительная борьба саксов виделась как всенародное сопротивление с целью возвращения к демократическим порядкам донормандской старины. Англосаксонский континуитет выступал в роли единственно прогрессивной тенденции. Эта концепция варьировалась по-разному у разных историков. Известный историк и публицист Т. Карлейль (хотя он не был вигом) сожалел о былом величии саксов, ушедшем безвозвратно. Честертон, Грин, Поллард пошли дальше, оформляя постепенно идею о том, что завоевание и нормандское владычество на двести лет прервали национальную историю, традиции, и т.д.¹

XIX век — время массовой публикации источников, подлинного открытия архивов — дал либеральным историкам обширную источниковую базу. Если общие позиции вигской историографии не раз подвергались критике и пересмотру, то заслуги их в разработке событийной истории непреходящи, поскольку многотомные труды этих историков базировались на серьезном анализе источников. В этом отношении, вершина своего расцвета либеральная историография достигла в 70–80-е гг. XIX в. в лице Э. Фримена, Дж.Р. Грина, У. Стаббса, и др.

У. Стаббс, занимавшийся юридическими и экономическими вопросами на основе «Книги Страшного Суда», сделал ценный вклад в изучение и нормандского завоевания. В целом, оценка Стаббсом нормандского завоевания была такой же уравновешенной, как и вся его концепция конституционного развития, отраженная в «Конституционной истории Англии»². Можно сказать, что Стаббс положил начало концепции англо-нормандского синтеза, ставшего залогом сбалансированного политического развития Англии в будущем; завоевание, по его мнению, спасло англосаксонскую государственность от политического распада. Концепция Стаббса получила известное развитие в середине XX в. в трудах Стентона и других «англо-норманистов» (см. ниже).

Фримен, горячий сторонник теории англосаксонского континуитета, сделал нормандское завоевание основным научным интересом своей жизни, результатом чего стал обширный шеститомный труд «История

¹ Ibid. P. 11–13.

² *Stubbs W. The constitutional history of England in its origin & development. Oxford, 1883–1884.*

нормандского завоевания Англии, его причины и результаты» (1877–1885)¹. Несмотря на некоторую предвзятость, обусловленную типичным для вигов модернизаторским подходом и личными германистскими пристрастиями Фримена, этот известнейший труд, по словам Д.Дугласа, «является непревзойденным в качестве детального описания нормандского завоевания и истории Англии XI в. в целом»². (Имеется в виду политическая история). Книга Фримена — подробное и красочное повествование, яркий образец «описательной» истории XIX в. Концепцию же автора лучше всего характеризуют слова самого Фримена о том, что он сам был бы рад сражаться при Гастингсе за «старую, добрую свободу»³. Лидеры саксов — Гарольд, эрл Вальтьоф — выглядят у Фримена эпическими героями; Фримен отождествляет древнюю германскую свободу, за которую, по его мнению, они пали, со свободой в либерально-демократическом понимании вигов.

Наконец, Дж.Р. Грин, в отличие от вигских историков больше заострявший внимание на роли именно народа в истории, отдает дань проблематике нормандского завоевания в книгах «Краткая история английского народа» (1874), «История английского народа» (1877–1880) и «Завоевание Англии» (1883). В целом, описательный стиль повествования роднит труды Грина и Фримена, но у Грина гораздо меньше подробностей, событийной скрупулезности, а также отсутствует какая-либо четкая концепция. В частности, это характерно для «Завоевания Англии», где Грин рассматривает и англосаксонское, и скандинавское, и нормандское завоевания Англии в качестве последовательных этапов, предпочитая не столько анализ, сколько этнографические экскурсы. В «Краткой истории английского народа» Грин все же делает ряд принципиальных выводов, противоречащих Фримену: так, он говорит, что феодализм зародился и «уничтожил прежнюю английскую свободу» еще в англосаксонское время, до нормандского завоевания, только завершившего этот процесс⁴. Нетипично для вигов также то, что Грин позитивно оценивает некоторые результаты завоевания, в частности, установление в стране правопорядка и политической стабильности взамен прежней анархии и сепаратизма, что дало импульс к развитию экономики, культуры, городской жизни, укреплению авторитета церкви⁵. Вместе с тем, он сдержанно сочувствует англосаксам, понесшим боль-

¹ *Freeman E.* The history of the Norman Conquest of England, its causes and results. L., 1877–1885.

² *Douglas D.C.* Op. cit. P. 18.

³ *Ibid.* P. 21.

⁴ *Грин Дж.Р.* Краткая история английского народа. Вып. 1. М., 1897. С. 164.

⁵ Там же. С. 109, 114.

шие жертвы, и эта сдержанность в корне отличает его от пламенного германиста Фримена.

Главным оппонентом Фримена был видный консервативный историк Дж.Х. Раунд, выдвинувший теорию «феодальной революции», заключающейся в распространении рыцарских земельных держаний, с сопутствующими этому социальными и правовыми изменениями. Нормандское завоевание с этой точки зрения означало слом патриархального англосаксонского уклада и смену его развитым феодализмом континентального типа. Что касается саксов, то Раунд считал английскую государственность середины XI в. нежизнеспособной; она разложилась, по его мнению, от «избытка свободы», отсутствия сильной центральной власти, дисциплины и порядка, как позднее Речь Посполитая, хотя при этом Раунд не отрицает достижений англосаксонской демократии. Вместе с тем, торийская школа была не меньше вигов склонна к конъюнктурной либерализации истории в угоду политическим симпатиям; в установлении жесткой монархической власти торийские историки видели прогресс, декаданс англосаксонской политической системы объясняли ее «вигской» либеральной ориентацией¹. Концепция Раунда (наряду с концепцией Стаббса) получила развитие в работах Стентона и других консервативных историков «пронормандского» направления, доминировавших в середине XX в. — приверженцев королевской власти и «нового порядка», принесенного нормандцами в Англию.

Что касается неанглийской историографии нормандского завоевания в XIX в. — начала XX в., то здесь прежде всего следует упомянуть книгу известного французского историка О. Тьерри «Завоевание Англии норманнами» (1825, перевод на русский 1904) — типичный образец «описательной» истории, довольно популярного характера. Тьерри рассматривал процесс оседания нормандцев в завоеванной Англии, разделив его на ряд этапов. Однако, в описании событий политической истории он целиком следовал сюжетным линиям нормандских и англо-нормандских авторов, механически перенеся в свою работу многие недостоверные сведения — в частности, легенду о клятве Гарольда (см. ниже), выдуманную нормандскими хронистами.

Российские историки рубежа XIX — XX вв. лишь попутно касались проблематики нормандского завоевания, главным образом в связи с изучением конституционно-институциональной истории английского средневековья (эволюция королевской власти, судебной системы, представительных органов, и т.д.). Так, Д.М. Петрушевский в книге «Очерки из истории английского государства и общества в средние века» (1903)

¹ См.: Round J.H. Feudal England. Historical studies on the XIth & XIIth centuries. L., 1909.

склонялся к поддержке вигской концепции в духе Грина; М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Т.Н. Грановский занимали более нейтральную позицию, интересуясь больше историей Парламента, то есть, более поздним периодом.

В ключе конституционно-институциональной истории (*Verfassungsgeschichte*) выдержана и работа немца Р. Гнейста «История государственных учреждений в Англии». Апологизируя англосаксонскую систему местного самоуправления и выводя ее напрямую из «трезвого, нравственного характера» германских народов¹, Гнейст тем самым косвенно превозносит и англосаксонскую государственность, гибель которой он несколько наивно объясняет «чувством островной безопасности», под влиянием которого саксы выказали невнимание и небрежение к военному делу и организации обороны страны на должном уровне, почему и были побеждены нормандцами². В Англии же IX в. Гнейст, напротив, видит едва ли не великую державу в расцвете сил³, хотя сегодня подобная точка зрения кажется более чем сомнительной. (В корне противоположную точку зрения, подчеркивающую крайний регионализм и политическую раздробленность Англии IX–X вв., см. в ст.: P. Wormald. *The making of England // History Today*, vol. 2, Feb. 95.) В конечном счете, как отмечает Гнейст, англосаксы ассимилировали нормандцев и остались «германской нацией... с трезвым и нравственным характером, в отличие от подвижных и блестящих нравов франков» (нормандцев)⁴.

Существенным для нашей темы достижением исторической мысли на рубеже XIX — XX вв. стало углубление интереса со стороны нескандинавских историков к истории европейского Севера, к миру викингов и его роли в судьбах народов Европы. Эта проблематика стала выходить за рамки собственно скандинавского исторического достояния. Для истории Англии изучение скандинавского фактора имеет непреходящее значение. Если ранее рассматривалась дуалистическая схема — нормандцы и саксы — то теперь она включила в себя третье звено — скандинавов, и акценты сместились в сторону рассмотрения Англии как арены столкновения разных локальных цивилизационных типов.

В XX в. в исторической науке произошли серьезные изменения; в частности, значительно возрос интерес к исследованиям социально-экономической проблематики. Отчасти здесь сказалось влияние марксизма, акцентировавшего внимание на базисных явлениях. Влияние это

¹ Гнейст Р. История государственных учреждений Англии. М., 1885. С. 265.

² Там же. С. 18.

³ Гнейст Р., Ук. соч. С. 35.

⁴ Там же. С. 265.

было воспринято историками школы «Анналов», объявившими событийную историю «трупом», не заслуживающим интереса. Изучение нормандского завоевания тоже перешло в новое русло, согласно этим новым тенденциям. Если либеральная историография XIX в. описывала войны, борьбу за власть, интриги и междоусобицы правящих элит, то историография 20–60-х гг. XX в. делает упор на социально-экономическую проблематику, изучая долговременные последствия завоевания. В основном это делается в ключе концепции англо-нормандского синтеза, почему мы условно и называем историков этого направления «англо-норманистами», взяв за основу термин «Anglo-Norman studies». Наиболее видные «англо-норманисты» — это, конечно, Ф. Стентон и Д. Дуглас, чьи труды представляют собой фундаментальные исследования аграрной истории английского феодализма и связанных с ней правовых институтов. Они взяли на вооружение концепцию Раунда, развивая традиции торийской историографии. Гегемонию консервативного направления в историографии середины XX в. можно объяснить, по-видимому, и успехами тори на политическом поприще, ведь они долго стояли у руля управления Британской Империей, тогда как либералы уже сошли с политической арены.

Вместе с теорией «феодальной революции» Раунда в труды Стентона и Дугласа перекочевали и симпатии к «сильной руке», к имперско-монархической идее, выпестованной в недрах континентального феодализма. Приоритет государственнического, имперского начала над национальным и единственная правильность континентального пути развития феодализма — таковы основные позиции этих двух авторов по вопросу о нормандском завоевании.

В книге «Вильгельм I и правление нормандцев» Стентон выводит из аграрно-экономического базиса характеристику социально-политических отношений в Англии середины XI в., делая акцент на различиях между югом (Уэссексом) и севером (Нортумбрия и Денло): на Юге — бурно развивающийся феодализм, буквально каждое село имеет своего лорда; на Севере — патриархальное общество свободных крестьян, не знающих над собой господина рангом ниже эрла, архиепископа или короля; патриархальному аграрному укладу соответствует слабая, загнивающая, разлагающаяся в условиях сепаратизма и борьбы за власть между аристократическими группировками государственность; страна раздроблена в социально-экономическом и политическом смысле, связь центра с властью на местах отсутствует, как отсутствует и финансовая система, и боеспособная армия; династия вырождается, на местах всем заправляют группировки знати, особенно на Севере, и т.д. Так оценивает Стентон до-нормандскую Англию. Идеал для него — динамичное разви-

тие континентальной Западной Европы, рядом с которой Англия выглядит застойной провинцией¹. Далее, положительно оценивая миграцию нормандских колонистов в Англию при Эдуарде Исповеднике (купцов, военных, и др.), и их созидательную деятельность на местах, Стентон делает довольно рискованный, на наш взгляд, вывод, что завоевание 1066 г. удалось потому, что было органически подготовлено этой мирной «норманизацией» Англии². Вообще, Стентон сильно грешит односторонне-пронормандскими симпатиями на протяжении всей книги, ничуть не хуже германиста Фримена. Рядом с нормандцами — носителями всех мыслимых добродетелей и прогресса — англосаксонская знать выглядит оплотом варварства и сепаратизма. Оправдывая вторжение Вильгельма в Англию, Стентон всячески поносит Гарольда и дом Годвинов, пришедших к власти в 1052 г. якобы в результате путча, с помощью пиратов и наемников. Хорошо, что Гарольд погиб при Гастингсе, делает вывод Стентон, ибо, в отличие от Вильгельма, реформ по укреплению государства он все равно не провел, а будущего у англосаксонской государственности не было. Что касается сопротивления саксов, то его Стентон объясняет всецело варварским партикуляризмом местной знати, привыкшей к смутам, а не патриотическим подъемом, поэтому сопротивление завоевателям и было раздробленным, сугубо местным — ведь основы для массового движения не было, так как национальное чувство в то время еще не сложилось³. Таким образом, для Стентона сущность конфликта сводилась к борьбе централизаторских устремлений королевской власти (неважно какой этнической принадлежности) и сепаратистской местной аристократии; в этом отношении, Стентон ставит в один ряд столь разные события, как феодальную смуту эрлов 1075 г., патриотические выступления саксов 1068–1071 гг. и борьбу региональных элит в Англии X — первой половине XI вв., объединяя их по принципу «антицентристской» направленности⁴.

Понятия «прогресс» и «континентальный феодализм» для Стентона абсолютно идентичны; апологизируя французский вариант развития феодализма в качестве единственно верного пути и увязывая политические тенденции непосредственно с аграрными отношениями, Стентон отказывает в праве на существование другим моделям развития — в данном случае североевропейской, характерной для Англии до нормандского завоевания.

¹ *Stenton F.M. William the Conqueror & the rule of Normans. P. 13, 18, 22.*

² *Ibid. P. 53.*

³ *Ibid. P. 210, 270.*

⁴ *Ibid. P. 322–323.*

Политической истории вопроса посвящена в известной мере также монография Стентона «Англосаксонская Англия» (1943); его концепция остается в силе, хотя резюме выглядит более нейтральным: он видит заслугу Вильгельма Завоевателя в преобразованиях в сфере политического строительства, и с этой точки зрения предлагает оценивать плюсы завоевания, тогда как никакого культурного наследия нормандцы с собой якобы не принесли¹.

Концепцию Стентона в целом разделяет Дуглас. Правда, в книге «Эпоха нормандцев» (1958) он рассматривает завоевание через призму политических и культурных изменений, не углубляясь в аграрно-экономическую сферу, как Стентон. Зато политические аспекты концепции Стентона он развивает и углубляет до предела. Единственно правильным и прогрессивным путем исторического развития Дуглас считает континентальную феодальную цивилизацию, основанную на трех идеях — империи, монархии и христианства римско-католического толка. Любые другие варианты, по его мнению, являются тупиковыми, чему свидетельством стал развал Империи Кнута и упадок англосаксонской государственности накануне нормандского завоевания. Англия 1066 г. — это застой, бескультурие, засилие олигархических группировок, и т.д., все по Стентону². Англосаксонская аристократия сверху донизу представляется Дугласу «людьми злого и варварского прошлого»³, а вся борьба с нормандцами — плодом политической отсталости, косности и анархии саксов, не желавших вкусить истинной цивилизации; не случайно, по мнению Дугласа, передовые элементы населения и знати, напротив, поддержали Вильгельма при подавлении Эксетерского восстания 1068 г., отражении набегов англосаксонских оппозиционеров из-за моря, наконец, против восстания эрлов 1075 г.⁴ Сакральность королевской власти для него, как и для Стентона, столь велика, что вопрос о национальной принадлежности монарха отпадает, вполне в духе средневекового имперского универсализма. Упоминая о саксах — сторонниках Вильгельма, Дуглас как-то забывает о его противниках, как и о таких портящих образ цивилизаторов-нормандцев фактах, как опустошение Нортумбрии в 1069 г., и др. В целом, объективной исторической задачей Англии середины XI в. Дуглас считает присоединение к континентальной феодальной цивилизации любой ценой, и в нормандском завоевании усматривает ни много, ни мало удачную попытку Европы (!) выполнить

¹ *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1943. P. 678.

² *Douglas D.C.* The age of the Normans. L., Cambridge, 1958. P. 17–21, 28.

³ *Ibid.* P. 25.

⁴ *Ibid.* P. 73, 80.

эту задачу¹. Это наводит на очевидную мысль о проецировании присущих современной политической конъюнктуре глобалистских идей на Средневековье, точно так же, как было у виггов с идеями «демократии».

Интересно, что в более поздней работе «Вильгельм Завоеватель» (1964) торийские взгляды Дугласа становятся более умеренными. По-прежнему симпатизируя Вильгельму как объединителю страны и выдающейся исторической личности, он проводит идею синтеза новых тенденций в государственном строительстве, церкви, и т.д., с англосаксонским наследием, что обусловило своеобразие дальнейшего исторического развития Англии².

В подобных примиряющих тонах выдержано большинство работ по нормандскому завоеванию, вышедших в послевоенные десятилетия, вплоть до 1980-х гг. Вообще, для историографии 60–80-х гг. характерен взвешенный и беспристрастный подход; видимо, время политических баталий между тори и либералами окончательно минуло, и их отголоски перестали выплескиваться на страницы научных трудов³.

Впрочем, и в предыдущие десятилетия отнюдь не вся историография по интересующим нас вопросам отличалась тенденциозностью. Особенно это относится к исследованиям по истории донормандского периода. Ведь, как уже отмечалось, нормандское завоевание рассматривали (и небезосновательно) в качестве революционного, переломного момента английской истории, а предшествовавшие ему не менее масштабные события — завоевание Англии датчанами и образование Империи Кнута — как-то терялись в его тени. В блестящей монографии «Англия до нормандского завоевания» (1938)⁴ известный английский историк Ч. Оман дает исчерпывающую картину политической истории Англии от эпохи заселения страны кельтскими племенами до окончания правления Эдуарда Исповедника, то есть, кануна нормандского завоевания. Этот труд, основанный на обширнейшей источниковой базе и носящий поистине энциклопедический характер, для историка, изучающего донормандскую Англию, эквивалентен по своему значению фрименовской «Истории нормандского завоевания» для, соответственно, историка нормандского завоевания. Оман — вообще крайне разносторонний автор, писавший на самые различные исторические темы, в том числе по военной истории и т.д. — воздерживается от каких-либо идеологизированных

¹ Idid. P. 37, 58.

² Douglas D.C. William the Conqueror. L., 1964. P. 367.

³ Кроме того, легко понять, почему, например, «германские» концепции не были популярны в 40-е гг., во время и после Второй Мировой войны.

⁴ Oman C. England before the Norman Conquest being a history of the Celtic, Roman and Anglo-Saxon periods down the year. 1066. L., 1938.

выводов, предпочитая спокойный, взвешенный анализ фактического материала. Он заостряет внимание на принадлежности донормандской Англии к цивилизации патриархального Севера, к «миру викингов», и на том, что нормандское завоевание, собственно, столкнуло Англию с ее естественного пути исторического развития на путь англо-нормандского синтеза, вместо наиболее вероятного — англо-скандинавского, которому было положено давнее начало, начиная с завоеваний викингов на Британских островах и кончая Империей Кнута¹.

Известный медиевист Д. Уайтлок в статье «Отношения королей Англии с Нортумбрией в X–XI вв.» (1959)² подчеркивает традиционный сепаратизм английского Севера, связанный с особенностями его этнополитической истории, особенно в контексте вхождения большей части Нортумбрии в Область Датского права в IX в. В дальнейшем эта тема будет детально разработана У. Кэпеллом и П. Стаффорд (см. ниже). Северный сепаратизм на протяжении трех столетий (IX–XI вв.) служил одним из ключевых факторов возможного альтернативного развития Северной и Южной Англии по отдельности, абсолютно разными путями, о чем неоднократно будет идти речь в нашей работе.

Нельзя не отметить такие труды 70-х гг., как монографии Д. Фишера «Англосаксонская эпоха, 400–1042» и Х. Финберга «Образование Англии, 550–1042»³. Обе эти книги продолжают традиции Ч. Омана, отличаясь крайне насыщенной фактологией, анализом массы различных источников. Книга Финберга — блестящий, подробный очерк политической истории Англии со времени заселения ее англосаксами до реставрации уэссекской династии, причем большое внимание уделяется историко-географическим аспектам, что немаловажно. Фишер углубленно исследует англо-скандинавские связи, особенно в эпоху Империи Кнута, и их влияние на внутривнутриполитическую и социальную жизнь Англии. Кроме того, оба автора немало места посвящают вопросам социальной стратификации и социальных отношений в англосаксонский период, отмечая как значительную степень феодализации английского общества в X–XI вв., так и самобытность англосаксонского феодализма, его неразвитость в Нортумбрии и других районах Денло, где подобные порядки воспринимались как «уэссекская модель», несвойственная этим областям⁴. Финберг указывает на то, что скандинавская экспансия тормозила

¹ *Oman C.* Op. cit. P. 635.

² *Whitelock D.* Dealings of the kings of England with Northumbria in the Xth and XIth centuries // *Anglo-Saxons. Studies in some aspects of their history and culture.* L., 1959.

³ *Fisher D.J.V.* Anglo-Saxon age. P. 400–1042. L., 1973. *Finberg H.P.R.* The formation of England. P. 550–1042. St. Albans, 1977.

⁴ *Finberg H.* Op. cit. P. 229–230. *Fisher D.* Op. cit. P. 336–337.

развитие феодальных отношений в Англии¹. Фишер отмечает отличия английского феодализма от «классического» французского — возможность зависимости одновременно от нескольких господ с соответственно разными обязательствами и разной степенью этой зависимости, множественность форм самой этой зависимости. С другой стороны, Фишер чрезмерно абсолютизирует идею английского «национального» единства под эгидой королевской власти, ссылаясь на высказывания патриотически настроенных хронистов². Однако, предвзятое мнение хронистов, писавших в интересах централизаторской политики короны, следует рассматривать скорее как желаемое, а не как действительность. Как выяснится на протяжении нашей работы, ситуация была несколько иной.

К недостаткам работ Финберга и Фишера можно отнести не вполне удачную, на наш взгляд, но распространенную в английской историографии периодизацию, ограничивающую период раннесредневековой английской истории 1042 г. (реставрация уэссекской династии), а не 1066 г. Тем самым из повествования исключается период царствования Эдуарда Исповедника, по всем своим чертам тяготеющий к англосаксонской эпохе.

Большое значение для нашего исследования имеют работы известного медиевиста и источниковеда П. Сойера — специалиста по истории Англии, Скандинавских стран и англо-скандинавским отношениям в период раннего Средневековья. В монографии «От римской Британии к нормандской Англии»³ он дает комплексную (как и два вышеупомянутых автора) картину истории раннесредневековой Англии, особенно детально — в эпоху завоеваний викингов, увязывая в одно целое скандинавскую экспансию, эволюцию английской государственности, изменения в социальной структуре английского общества, проблемы этнокультурного синтеза между англосаксами и скандинавами. Последний аспект обретает концептуальную форму уже в отношении нормандского завоевания и англо-нормандского синтеза. В целом, будучи в значительной степени скандинавистом, Сойер, тем не менее, не выступает в качестве апологета именно своей «вотчины», отмечая оригинальность и позитивные моменты англо-нормандского синтеза, выведшего Англию на абсолютно новый, неповторимый путь развития⁴. Вместе с тем, в книге «Короли и викинги: Скандинавия и Европа в 700–1100 гг. н.э.»⁵ читатель имеет возможность взглянуть на ситуацию «со скандинавского берега»; книга посвящена

¹ *Finberg H.* *Op. cit.* P. 230.

² *Fisher D.* *Op. cit.* P. 347.

³ *Sawyer P.H.* *From Roman Britain to Norman England.* L., 1978.

⁴ *Ibid.* P. 260–261.

⁵ *Sawyer P.H.* *Kings and Vikings: Scandinavia & Europe AD 700–1100.* L., 1982.

собственно «миру викингов», его внутреннему развитию и внешним сношениям.

Большинство книг по нормандскому завоеванию, вышедших в 60-е гг., было приурочено к 900-летней годовщине этого события. Этому было посвящено множество материалов, от научных монографий до весьма интересных популярных публикаций, вроде историко-публицистической повести Р.Фюрно «Завоевание 1066 г.», автор которой хотя и является журналистом, а не ученым, демонстрирует, тем не менее, блестящее знание военной и политической истории эпохи¹.

Что касается научных работ этого периода, то для них характерен, во-первых, комплексный подход, когда авторы исследуют самые различные аспекты проблемы — политические, экономические, и т.д., а, во-вторых, наличие плюрализма и сдержанности в оценках. Одни исследователи продолжали работать в русле «англо-норманизма», другие — С.Холлистер, Ф.Барлоу — напротив, стали основателями «неофриманизма», и при этом не было больше гегемонии какого-либо одного идейного течения, как прежде; зато стиль и методы все больше унифицировались — бросается в глаза обилие статистики, социологических приемов.

Из «англо-норманистов» 60–70х гг. можно отметить Дж. Ле Патуреля, Х.Р. Лойна, Д. Мэтью. Ле Патурель, сам по происхождению «англо-нормандец» (уроженец Нормандских островов в Ла-Манше) — автор большого обзорного труда «Нормандская империя», в котором эпоха завоевания Англии представлена весьма добросовестным очерком военно-политической истории, причем Ле Патурель прослеживает динамику событий с конца IX — начала X вв., не ограничиваясь англо-нормандским периодом. Книга Ле Патуреля — пример историографии конца XX в.: минимум выводов, максимум информации, обилие социологических и экономических данных. Что касается судеб англосаксонской государственности, то Ле Патурель отмечает силу центробежных тенденций и фиктивность понятия «королевство Англия» в X — первой половине XI вв., учитывая размытость границ, слабость связей между историческими областями страны, фактическое отсутствие какого-либо влияния королевской власти на окраинах, ослаблявшейся по мере удаления от Лондона² — в общем, стоит на характерной позиции всех «англо-норманистов».

Х.Р. Лойн в большей степени следует традиции Дугласа и Стентона. В книге «Нормандское завоевание»³ он уделяет большое внимание

¹ *Furieux R. Conquest 1066. L., 1966.*

² *Le Patourel J. The Norman Empire. Oxford, 1978 P. 59–60.*

³ *Loyn H.R. The Norman Conquest. L., 1967.*

«феодальной революции» в Англии, прослеживая распространение нормандских феодальных держаний в годы завоевания. В политических воззрениях он следует Дугласу, апологизируя цивилизаторскую миссию нормандцев и изображая последних в качестве образца христианской добродетели, но игнорируя остроту этнического конфликта и факты массового истребления саксов.

Книга Мэтью «Нормандское завоевание»¹ в целом похожа на работы Дугласа и Лойна, но не содержит четкой концепции и носит в основном описательный характер, поэтому особого внимания вряд ли заслуживает.

В 60-е гг. гегемонию «англо-норманистов» нарушают «неофриманисты»: они, особенно Холлистер, реанимировали англосаксонский патриотизм Фримена, идею уважительного отношения к англосаксонскому наследию, традициям, и выяснилось, что напрасно торийские историки так третировали все это, видя в саксах едва ли не низшую расу. «Неофриманисты» выступили последовательными защитниками идей англосаксонского континуитета. Холлистер отрицал концепцию «феодальной революции», относя зарождение феодализма в Англии к донормандскому периоду и подчеркивая, что качественный скачок в развитии европейской цивилизации в XI в. произошел во всех странах на базе роста производительных сил аграрной экономики, с одной стороны, и изменений в духовной и культурной жизни общества, связанных с реформированием католической церкви — с другой², а не по одной лишь причине повсеместного распространения формально-юридических устоев феодализма (рыцарские держания, и т.д.), на чем делал акцент Стентон. В монографии Холлистера «Англосаксонские военные институты накануне нормандского завоевания» мы видим вполне отвечающее требованиям времени английское войско, относительно развитую военно-феодальную систему, нормальное развитие феодализма с местной германской спецификой — то есть, историческую альтернативу монистической схеме Стентона и Дугласа. На этом фоне успех нормандского завоевания видится чистой случайностью, возможной благодаря гибели лучших сил саксов на севере страны при отражении норвежского вторжения. «Общество и армия не были виноваты в этом», — пишет Холлистер³. Далее же, после нормандского завоевания, происходит слияние традиций военного и политического строительства: система замков и рыцарская кавалерия — от нормандцев, сильная пехота на базе народного ополчения свободных крестьян, флот и развитое наемничество — от саксов, и,

¹ *Matthew D.J.A. The Norman Conquest. L., 1967.*

² *Hollister C.W. The impact of the Norman Conquest. L., 1966. P. 2.*

³ *Hollister C.W. Anglo-Saxon military institutions... Oxford, 1962. P. 151.*

наконец, сильная верховная власть, консолидирующая нацию; «Это было фактическое использование англосаксонских традиций под властью нормандской короны», указывает Холлистер¹. Таким образом, он не отрицает позитивных результатов синтеза вообще, как Фримен, но и реабилитирует англосаксонское общество и государственность, их способность нормально развиваться самостоятельно.

Что касается Ф. Барлоу, то его позиция менее радикальна и по ряду пунктов близка к «англо-норманистам». Он не столь явно апеллирует к англосаксонскому патриотизму, как Холлистер; вместе с тем, его монография «Вильгельм I и нормандское завоевание» является одной из лучших работ последних трех десятилетий в области политической истории нормандского завоевания, отличаясь сдержанностью оценок и скрупулезностью фактов. В коллективном труде «The Norman Conquest, its setting and impact», изданном в 1966 г., в статье «Эффекты нормандского завоевания» Барлоу выделяет в качестве важнейшего последствия завоевания смену почти всей элиты в Англии, как светской, так и церковной²; пожалуй, с этого и началась разработка «концепции элит» в области изучения нормандского завоевания, характерная для историографии 80-х; согласно этой концепции, элиты были основной движущей силой и участником конфликта с обеих сторон, тогда как народ якобы оставался пассивным статистом, которому было мало дела до смены господ. В этом, пожалуй, можно усмотреть разрыв с традицией Фримена и Грина, и определенные реминисценции из консервативной историографии. Впрочем, что до патриотизма, то Барлоу здесь как раз характеризует образ жизни и манеры саксонской знати как более утонченные, чем у франко-нормандцев; он подчеркивает традиционное для германского общества либеральное отношение к женщине и ее правам, и другие преимущества северных нравов над «латинскими»³. Но в целом, «патриотизм» Барлоу распространяется только на знать, на элиту, выступающую творцом истории.

Из историографии политической истории нормандского завоевания 60–70-х гг. особо хочется отметить работы Р. Адама и У. Кэпелла. Книга Адама «Завоевание Англии: приход нормандцев»⁴ является также одним из лучших образцов подробной событийной истории, доказывающих, как далеко ушла эта история со времен Фримена и Грина, и что хоронить ее, как предлагали Блок и Февр, пока рано. В оценке состояния англосак-

¹ Ibid. P. 145; *Hollister C.W. Monarchy, magnates & institutions in the Anglo-Norman world.* L., 1986. P. 16.

² *Barlow F. The effects of the Norman Conquest // The Norman Conquest, its setting & impact.* L., 1966. P. 126.

³ Ibid. P. 130.

⁴ *A conquest of England: coming of the Normans.* L., 1965.

сонского общества накануне завоевания Адам следует точке зрения Холлистера, считая англосаксонский феодализм и монархию XI в. достаточно зрелыми, не идущими ни в какое сравнение с полиэтническим, лоскутным государством эпохи его объединения (IX — X вв.); таким образом, заслуги нормандцев в собственно объединении страны несколько бледнеют, как и в отношении «феодальной революции». «Англия не была архаической, изолированной страной», — указывает Адам¹. Хотя четкая политическая организация феодальной системы была ярче выражена, конечно, в Нормандии, в плане культурной и религиозной жизни эта страна не была настолько же передовой по сравнению с Англией², как считали Стентон и Дуглас. Кроме того, если в Англии сохранялся партикуляризм местных аристократических группировок и распри между ними, то там же, однако, не было известно феодальное право частной войны, бытовавшее в континентальной Европе³. Так что достоинства и недостатки в политическом устройстве имелись у обеих сторон. Что же касается самого завоевания, то здесь Адам разделяет взгляды Барлоу, подчеркивая решающую роль знати в событиях с обеих сторон и считая остальное население достаточно пассивным. Все действующие лица книги — это представители элит, англосаксонской и нормандской. Основной целью Вильгельма Завоевателя Адам видит смену элиты в завоеванной стране — с помощью конфискации земель и имущества, смешанных браков, прямого истребления, принудительной эмиграции, и т.д. Англосаксонское сопротивление Адам оценивает как сугубо аристократическое — отсюда его разбросанность и малочисленность: если бы конфликт носил этнический характер, отмечает Адам, то размеры армий XI в. вряд ли позволили бы справиться с народным сопротивлением англосаксов⁴, не заставившим бы себя долго ждать. Вместе с тем, он местами противоречит самому себе, отмечая факты перерастания аристократического сопротивления в массовое по мере роста недовольства населения разорениями и бесчинствами со стороны нормандцев. Впрочем, опустошение Севера 1069 г. Адам объясняет чисто военной необходимостью, стоявшей на повестке дня, а не «расовым» характером войны Вильгельма против саксов; то же самое он относит к англо-нормандской экспансии в Уэльс и Шотландию, усилившейся в ходе и после нормандского завоевания: там повторялась та же схема, что и в самой Англии перед этим⁵.

¹ *Adam R. A conquest of England...* P. 75.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 23, 75.

⁴ *Adam R. Op. cit.* P. 59, 152.

⁵ *Ibid.* P. 65, 150–151.

В целом, главная мысль книги — решающая роль элит в этом конфликте, где выигравшей стороной оказались франко-нормандские бароны; народ оставался в стороне от событий, поскольку чувство патриотизма тогда еще было слабо развито у масс, как и национальное сознание вообще, считает Адам. Что же до этнических разногласий между элитами, то «верность, а не национальность» была главным критерием для Вильгельма Завоевателя — главы новой, смешанной этнически аристократии. Нормандское завоевание — это процесс прихода к власти новой элиты; восстание эрлов 1075 г. доказало, по мнению Адама, приоритет групповых интересов знати над этническими чувствами¹.

У.Кэпелл в объемной монографии «Нормандское завоевание Севера», наоборот, выдвигает на первый план этническую и этнокультурную сторону конфликта, делая акцент на крайней обособленности английско-Севера, обусловленной особенностями этнополитической истории, в результате чего здесь произошло неповторимое наслаивание друг на друга кельтского, патриархально-англосаксонского, скандинавского элементов, и сложился особый уклад жизни, тяготеющий к варварскому Северу Европы в широком смысле. Кэпелл задался целью проследить социально-политическую эволюцию региона на протяжении всего XI в. Нормандское завоевание выступает важным эпизодом в этой эволюции, но Кэпелл видит в нем скорее продолжение прежних попыток королей Уэссекса, Юга, включить Север в орбиту влияния их власти. Кэпелл отмечает, что даже при Вильгельме Рыжем Север Англии еще не стал де-факто частью королевства и даже не был описан в «Книге Страшного Суда»². Отрезанный от Юга и исторически, и географически, Север выступает у Кэпелла как раз очагом массового сопротивления нормандцам — как и всем прежним «объединителям» с Юга, в котором и элита, и народ, связанные патриархальными связями, вместе выступали в защиту привычного архаичного уклада жизни от чуждого культурного влияния. Вместе с тем, легко заметить, что северная знать, погрязшая в междоусобицах, весьма напоминает полуварваров-саксов из книг Стентона и Дугласа. Кстати, Кэпелл рассматривает в основном Нортумбрию, несколько обходя стороной Восточную Англию и некоторые другие области Денло, хотя закономерности этнокультурного и социально-политического развития там были, вероятно, аналогичными. Кэпелл также отмечает факт смены элиты на севере Англии на нормандскую

¹ Ibid. P. 46, 192, 228.

² Kapelle W. The Norman Conquest of the North: the region & its transformation 1000–1135. L., 1979. P. 11–12.

как важную составляющую интеграции региона в английское королевство в конце XI — начале XII вв.¹ Анализ нормандского завоевания в общем контексте централизаторской политики короны по отношению к полунезависимым окраинам страны в книге Кэпелла перекликается с проблематикой уже упоминавшейся статьи П. Вормальда «The making of England».

Из историографии 60–70-х гг. можно упомянуть также Э. Линклейтера, который, как когда-то Грин, рассматривает нормандское завоевание без отрыва от предшествующей этнополитической истории страны, тесно связанной со скандинавской историей. Однако его книга «Завоевание Англии»² не вполне удачна по построению и страдает некоторой сумбурностью изложения, разбросанностью материала, отсутствием концепции. Впрочем, она лишней раз напоминает о важности скандинавского фактора в этнополитической истории Англии, в частности, в складывании региональных различий и особенностей уклада жизни, отмеченных Кэпеллом.

Говоря об историографии 80-х гг., нужно отметить, что, видимо, по причине 900-летнего юбилея «Книги Страшного Суда» (1086–1986), большинство работ по нормандскому завоеванию было посвящено социально-экономической проблематике. По собственно политической истории вопроса за последнее десятилетие не было создано столь значительных работ, как рассмотренные выше, как и ничего нового в концептуальном плане. Кроме того, внимание к «Книге Страшного Суда» обратило взоры историков в основном к англо-нормандской эпохе, отодвинув период завоевания на задний план. Впрочем, все эти новые работы обнаруживают интересную тенденцию к исследованию социальных и демографических аспектов нормандского завоевания, что тоже весьма полезно.

Так, в книге «Англия и ее правители: иноземное владычество и национальное самосознание, 1066–1272»³ М. Клэнчи, занимающийся проблемами англо-нормандского синтеза, исследует социально-демографическую статистику ассимиляции в годы завоевания и позже, подсчитывая долю иностранных имен собственников земель по графствам, и т.д. Кроме этого, он ставит вопрос о судьбе англосаксонской эмиграции, состоявшей в основном из знати и имевшей значительные масштабы⁴.

Более подробно эти вопросы разработаны Дж. Расселом в статье

¹ Kapelle W. Op. cit. P. 148.

² Linklater E. The conquest of England. NY, 1968.

³ Clanchy M.T. England & its rulers: foreign lordship & national identity. Totowa, New Jersey. 1983.

⁴ Clanchy M.T. England & its rulers... P. 49.

«Демографические аспекты нормандского завоевания». Численность англосаксонской эмиграции он оценивает в 30 тыс. чел., отмечая, что это была большая часть уцелевшей англосаксонской элиты, и что редко где еще правящий класс покоренной страны уничтожался так жестоко и методично, как в ходе нормандского завоевания¹. Кроме того, Рассел выдвигает концепцию развитого англосаксонского урбанизма, опиравшегося на сеть бургов, который был сильно подорван завоеванием, поскольку, во-первых, многие бурги разрушались в ходе военных действий, а, во-вторых, нормандский феодализм был по преимуществу «сельским» — бароны строили свои замки в сельской местности, тогда как города были запущены и пришли во временный упадок². Впрочем, отмечает Рассел, количественные потери населения были восполнены притоком колонистов из Европы; но качественные потери — в элите — были необратимы, произошла смена элит, утверждает он, подобно Р. Адаму³. М. Чибнелл в работе «Англо-нормандская Англия, 1066–1166»⁴, касаясь периода нормандского завоевания, отмечает такой любопытный факт: дети уцелевших представителей англосаксонской знати, выросшие уже в правление Вильгельма Завоевателя, мало отличались от нормандских рыцарей, являя собой образец новой, смешанной элиты⁵. Оценивая уровень развития англосаксонского и нормандского обществ накануне завоевания, Чибнелл подчеркивает их относительное равенство, хотя в Нормандии и были четче оформлены политические структуры феодализма. Но та развитая система милитаризованного феодализма под эгидой сильной королевской власти, которая установилась с приходом нормандцев в Англию, не была принесена с континента в готовом виде, а проистекала из условий самого завоевания, оформляясь чисто эмпирически; в этом Чибнелл следует идее Адама⁶.

П. Стаффорд в книге «Объединение и завоевание: политическая и социальная история Англии в X и XI вв.»⁷, анализируя общие тенденции политического развития страны в X–XI вв., выступает с «государственной» точки зрения, позитивно оценивая нормандское завоевание как импульс к окончательному объединению страны; англосаксонское сопротивление же она рассматривает как традиционные смуты против

¹ *Russel J.C. Demografic aspects of the Norman Conquest // Seven studies in medieval English history & other historical essays. Jackson, 1983. P. 15–16.*

² *Russel J. Op. cit. P. 12–13, 18.*

³ *Ibid. P. 19.*

⁴ *Chibnall M. Anglo-Norman England, 1066–1166. Oxford, NY, 1987.*

⁵ *Ibid. P. 35.*

⁶ *Ibid.; Adam R. Op. cit. P.180.*

⁷ *Stafford P. Unification & conquest: a political & social history of England in the Xth & XIth centuries. L., 1989.*

центральной власти. Стаффорд делает сильный акцент на концепции «регионализма», мешающего централизации страны. Рассматривая до-нормандский период, Стаффорд уделяет много внимания элите, ее этническому составу (в том числе в Империи Кнута), скандинавскому фактору в истории Англии. В монографии также имеется значительная конкретизация политико-географических аспектов истории отдельных областей Англии.

Книга Н. Лонгмэйта «Защищая остров: от Цезаря до Армады»¹ представляет собой обзорный труд по военной истории Англии, связующая тема которого — борьба страны с вторжениями внешних противников. Несмотря на свой отчасти научно-популярный характер, эта работа основывается на значительном количестве источников, тематически подобранных и широко цитируемых, что не лишено удобства при рассмотрении военных аспектов исследуемой темы.

Наконец, из историографии 80-х гг. следует упомянуть Д. Бейтса — специалиста, в частности, по истории Нормандии; это позволяет ему взглянуть на завоевание Англии с «французского берега». Собственно, для нас наибольший интерес представляет монография «Вильгельм Завоеватель», где в центре повествования, как и в более ранних одноименных произведениях Барлоу и Дугласа, стоит фигура герцога Вильгельма; автор подчеркивает роль этой незаурядной исторической личности в организации и проведении завоевания Англии, и на этом фоне само завоевание видится в известной мере случайным, обязанным своим успехом именно роли личности в истории. Что же до итогов завоевания, то Бейтс, как это ни странно для историка Нормандии, близок к позиции «неофриманистов», отмечая, что нормандцы не принесли с собой в Англию феодализм в готовом виде, и англосаксонские основы общества остались на своем месте, получив лишь надстройку в лице новой элиты².

Таким образом, мы видим, что историография 80-х, используя новые методологические подходы, в том или ином виде апеллирует к созданным ранее концепциям, комбинируя их по-разному: к «государственничеству» в духе тори, к англосаксонскому континуитету в духе «неофриманистов», к теории элит — наиболее новой из всех и являющейся как бы компромиссом между «патриотами» и «норманистами», и т.д.

Переходя к историографии 90-х гг., следует отметить такой позитивный момент, как углубление интереса исследователей-медиевистов к судьбам скандинавского Севера Европы в раннее средневековье и его

¹ Longmate N. *Defending the island: Caesar to Armada*. L., 1989.

² Bates D. *William the Conqueror*. L., 1989. P.186.

связям с другими регионами. Современный комплексный подход к изучению данной тематики, с привлечением данных археологии, культурной истории и истории ментальностей, способствует дальнейшему развитию исследований в этой области. Так, в 1991 г. вышел в свет сборник «Народы и места в Северной Европе, 500–1600»¹, где ряд статей (П. Сойера, С. Кейнса, и др.) относятся непосредственно к теме англо-скандинавских отношений и внутренней жизни Англии в X–XI вв.

Большое значение для всеобъемлющего, комплексного изучения такой, в сущности, малоизученной темы, как Империя Кнута, имел выход в свет монографии М.К. Лоусона «Кнут: даны в Англии в начале XI в.» (1993) и сборника «Царствование Кнута: король Англии, Дании и Норвегии» (1994)². Лоусон анализирует самые разные аспекты завоевания Англии датчанами и превращения ее в центральную по своему значению часть Империи Кнута, связывая воедино политические, экономические, этнокультурные, правовые факторы, а, кроме того, сопоставляя это завоевание с нормандским. Особое внимание Лоусон уделяет политике Кнута Великого и Вильгельма Завоевателя в отношении элиты покоренной страны. Также он подчеркивает наличие неоднократной возможности развития Англии по северному, англо-скандинавскому пути, представлявшиеся на протяжении XI в. В сборнике же «Царствование Кнута» представлены статьи разных исследователей, причем как британских, так и скандинавских, что позволяет взглянуть на Империю Кнута не только с «англоцентристской» позиции, но и узнать больше полезной информации о скандинавских владениях Кнута, их связях с Англией и о взаимном влиянии частей его империи друг на друга, в таких аспектах, как слияние датской и англосаксонской элиты в единый класс, организация вооруженных сил, монетное дело, и т.д.

В российской медиевистике англоведение получило заметную роль, начиная с рубежа XIX–XX вв. Но это были главным образом исследования аграрной истории периода развитого феодализма. Политическая же история Англии, в том числе история датского и нормандского завоеваний, интеграции Англии в раннесредневековые «империи» Кнута и Вильгельма, мало освещались в отечественной историографии. Вместе с тем, характерной чертой работ отечественных англоведов той эпохи был заметный уклон в социальную историю, и именно эту положительную черту российской исторической школы старается всемерно развивать и углублять автор настоящей работы, исследуя социальные аспекты и процессы, связанные с данными историческими реалиями.

¹ Peoples and places in Northern Europe, 500–1600. Woodbridge, 1991.

² The reign of Cnut: king of England, Denmark and Norway. Leicester, 1994.

Из работ современных отечественных историков для данной темы особенно важными являются труды А.Я. Гуревича, а также Г.С. Лебедева, К.Ф. Савело, Е.А. Шервуд, А.Г. Глебова.

А.Я. Гуревич, будучи скандинавистом, уделяет много внимания социальному и правовому устройству древнескандинавского общества эпохи викингов, внешней экспансии скандинавов; вместе с тем, он раскрывает сущность глубинных региональных различий в историческом развитии средневековой Европы, несводимом к какому-либо единому шаблону, образцу, что особенно подчеркивается и в настоящей работе.

Г.С. Лебедев в книге «Эпоха викингов в Северной Европе» рассматривает древнескандинавское общество с позиций археолога, заостряя внимание на материальной культуре норманнов и ее распространении в ходе их военно-колониционных и торговых экспедиций.

Монография К.Ф. Савело «Раннефеодальная Англия» содержит детальный анализ социально-правовых аспектов жизни англосаксонского общества, необходимый для понимания его внутренней жизни.

Е.А. Шервуд в своем труде «От англосаксов к англичанам. К проблеме формирования английского народа» исследует процесс формирования этнического самосознания у англосаксов на протяжении всего периода раннего средневековья, подчеркивая устойчивость общих его корней — языка, материальной и духовной культуры — в рамках обширной этногеографической общности северогерманских племен, живших по берегам Северного и Балтийского морей — англосаксов, скандинавов, фризов, и др.¹ Касаясь темы вхождения скандинавского этнического элемента в складывающуюся английскую народность, Шервуд, помимо всего прочего, отмечает тот факт, что нормандское завоевание помешало завершению этого процесса, привнеся новый этнический элемент (как, впрочем, в свое время и скандинавская экспансия), «усваивавшийся» еще довольно долго². Автор также подчеркивает прочность пережитков локальной, родоплеменной, по сути, этнической идентичности³, легшей в основу английского «регионализма» X–XI вв. Все эти проблемы имеют непосредственное отношение к нашему исследованию.

А.Г. Глебов в работе «Англия в раннее средневековье» дает всеобъемлющую картину жизни англосаксонского общества, начиная с расселения англосаксов в Британии и кончая периодом, предшествующим нормандскому завоеванию. В книге освещаются экономика, быт, правовые, государственные, церковные институты англосаксонской Англии, ее эт-

¹ Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам. С. 79–82, 223–224.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 184–185.

ническая и политическая история. В целом, книга А.Г. Глебова может претендовать на звание наиболее полного и всеобъемлющего труда по раннесредневековой истории Англии в отечественной историографии на сегодняшний день.

Важный вклад в источниковедение рассматриваемой нами эпохи делают современные российские ученые Т.В. Гимон и З.Ю. Метлицкая, уделяющие большое внимание исследованию англосаксонской хронистики и специфики раннесредневекового летописания.

Разумеется, здесь невозможно подробно рассказать о каждой книге или статье по интересующей нас тематике, поэтому пришлось ограничиться наиболее яркими и основополагающими публикациями, отражающими те или иные тенденции в историографии. В целом, историографическая база данного исследования достаточно обширна и позволяет успешно решить поставленные проблемы, предоставляя как значительный объем фактологической информации, так и различные концептуальные моменты, подчас противоречивые, но немаловажные для всестороннего анализа рассматриваемых проблем.



ИСТОЧНИКИ

Источниковая база по истории датского и нормандского завоеваний Англии относительно скудна по сравнению, например, с периодом первой половины XII в. Тем не менее, нарративные источники дают довольно четкое представление об интересующих нас событиях. Эти источники можно разделить на следующие основные группы:

1) материал, относящийся к англосаксонской летописной традиции донормандского периода, прежде всего «Англо-Саксонская Хроника» и работы ее продолжателей, писавших уже в англо-нормандский период — Флоренса Вустерского, Симеона Даремского;

2) труды континентальных (германских) хронистов;

3) «Похвала королеве Эмме» (анонимное панегирическое произведение 40-х гг. XI в.;

4) нормандские хроники времен нормандского завоевания, к которым относятся труды Гийома из Пуатье, Гийома Жюмьежского, а также имеющая много общего с ними поэма Ги Амьенского «Песнь о битве при Гастингсе»;

5) более поздние произведения англо-нормандских историков первой половины XII в., ставшие классикой английской средневековой литературы — труды Ордерика Виталия, Уильяма Малмсберийского, Эдмера;

6) скандинавские королевские саги;

7) англосаксонские королевские грамоты.

Помимо этих основных источников, составивших фундамент нашего исследования, в работе использованы фрагменты некоторых менее известных источников, играющих вспомогательную роль, в частности, местных монастырских анналов, имеющих лишь косвенное отношение к исследуемой теме, или историко-литературных произведений («История англов» Жеффрея Гаймара XII в.)

Нарративным по существу является и такой в высшей степени оригинальный источник, как гобелен из Байе, о котором будет сказано отдельно.

Перейдем к более подробной характеристике источников.

Англосаксонская традиция летописания основывалась на «Англо-Саксонской Хронике» — основном нарративном источнике донормандской эпохи. Начало ее составления восходит еще ко времени Альфреда Великого (конец IX в.) «Англо-Саксонская Хроника», начинавшаяся с истории расселения англосаксов в Британии, включала в себя сведения из «Церковной истории» Беда Достопочтенного (оканчивавшейся, в свою очередь, на 730-х гг.) и являлась, по сути, официальной государственной летописью. Она велась в целом ряде монастырей (Эбингдоне, Вустере, Йорке, Ившеме, Кентербери, и др.) и дошла до нас в пяти списках (А, В, С, D, E), отличающихся значительными разночтениями; фактически, это несколько хроник, объединенных общим названием. Из них D (вустерский или йоркский список) и E (список из аббатства св. Августина в Кентербери) — наиболее полные, продолжающие повествование после 1066 г. Это, очевидно, было связано с упадком некоторых центров хронистики в годы нормандского завоевания.

В 1861 г. «Англо-Саксонская Хроника» была издана в рамках знаменитых «Rolls Series» и с тех пор неоднократно переиздавалась.

Характерная черта «Англо-Саксонской Хроники» — предельный лаконизм; это и достоинство, и недостаток одновременно, так как четкое, без литературных излишеств, точно датируемое освещение событий своей беспристрастностью почти исключает возможность выяснить отношение хронистов к происходящему. «Англо-Саксонская Хроника» послужила образцом для таких видных хронистов, живших уже после нормандского завоевания, как Флоренс Вустерский и Симеон Даремский.

Вустерская «Хроника из хроник» — это, пожалуй, наиболее удачная и развернутая версия «Англо-Саксонской Хроники», включающая, подобно всем компилятивным произведениям такого рода, отрывки из «Жизни короля Альфреда» Ассера, сочинений Беда Достопочтенного и других авторов прошлых веков. Собственно, оригинальным произведением монаха Флоренса (Флоренция), писавшего эту хронику с 1095 по 1118 г., является лишь описание событий с конца XI в. по 1118 г. В остальном он следовал «Англо-Саксонской Хронике», которую он же перевел впервые на латынь¹.

Составление хроники по указанию вустерского епископа Вульфстана отражало тенденцию к поддержанию англосаксонского летописания, пришедшего в упадок в годы нормандского завоевания. Вульфстан, образованнейший человек своего времени, видный церковный и полити-

¹ Gransden A. Historical writing in England c. 550 to c. 1307. P. 115–116. Anglo-Saxon Chronicle. P. 143 (примечание).

ческий деятель, пошел на компромисс с нормандцами, поддерживая централизаторскую политику Вильгельма Завоевателя во имя укрепления государства и стабильности внутри страны. Это обеспечило процветание Вустера и культурный ренессанс многих монастырей Англии, где и продолжалось ведение «Англо-Саксонской Хроники».

Судьба «Хроники хроник» сложилась удачно. Доведенная после смерти Флоренса в 1118 г. до 1140 г., она распространилась в виде копий по многим крупным монастырям — в Глостер, Эбингдон, Сент-Эдмундсбери, Питерборо — где местные хронисты продолжали ее (кое-где вплоть до 60-х гг. XIII в.), при этом придавая оригиналу различные оттенки. Большинство хронистов урезало первоначальный объем, концентрируясь на сугубо местных событиях; глостерцы, наоборот, заостряли внимание на общеевропейской истории, и т.д.

Наиболее полный вариант хроники — рукопись монаха Дж. де Текстера из Сент-Эдмундсбери; ее-то и использовали издатели XIX в.

Вообще, сохранилось несколько списков «Хроники хроник», датированных 1110, 1118, 1128–1130 гг. Издавать ее начали довольно рано, в 1592 г., когда она была опубликована лордом Ховардом, владельцем одного из списков¹. В 1848–1849 гг. она, наконец, была издана в нынешнем виде Королевским Историческим обществом в Лондоне и с тех пор неоднократно переиздавалась, в том числе на английском языке.

В целом, вустерская хроника, дополняя и расширяя «Англо-Саксонскую Хронику», имеет неопределимое значение для изучения политической истории средневековой Англии.

Одна из копий вустерской хроники попала на север Англии, в Дарем — могущественный оплот власти епископов, управлявших значительной частью древней Нортумбрии — так называемой «землей св. Кутберта». Несмотря на некоторый упадок после карательного похода нормандцев в 1069 г., Дарем сохранял за собой роль культурно-религиозного и летописного центра на севере страны. Вустерский список здесь лег в основу местной хроники — «Истории королей» Симеона Даремского, освещавшей события с 616 по 1129 г. Создание хроники началось около 1100 г.² Помимо вустерской хроники, материалом для «Истории королей» послужили опять-таки Беда, Ассер, а также древние анналы Нортумбрии, сочинения Эдмера и Уильяма Малмсберийского (о двух последних см. далее). Само авторство Симеона Даремского, если можно в данном случае говорить об «авторстве», находится под сомне-

¹ *Gransden A. Op. cit. P. 116–117.*

² *Ibid.; Gransden A. Legends, traditions and history in medieval England. P. 131.*

нием¹, но это, в сущности, и не так важно. Главное заключается в том, что, будучи почти полностью списанной у Флоренса Вустерского, даремская хроника ценна прежде всего сведениями из местной истории, не входившими в другие анналы. Применительно к нормандскому завоеванию это описания многочисленных смут и антинормандских восстаний, особенно упорных в этом районе. Хранившаяся на протяжении веков в Дареме, хроника Симеона и была издана там в 1868 г., а затем в «Rolls Series» в 1882 г.

Характеризуя в целом англосаксонские летописные источники, следует еще раз отметить их крайнюю лаконичность. Представляя собой анналы, они отличаются точностью датировки, но лишены аналитического начала, являя собой пример чисто фактографического подхода. Это в корне отличает их от нормандских хроник того же времени, которые напоминают скорее литературные произведения и носят ярко выраженную эмоциональную, пропагандистскую окраску.

Своеобразным повествовательным источником, содержащим довольно обширные сведения по политической истории, являются скандинавские саги. Их своеобразие заключается в том, что, являясь устными сказаниями, передававшимися из поколения в поколение, начиная с эпохи викингов, и записанными лишь в XIII в., они представляют собой нечто среднее между собственно историческим нарративом и художественным произведением. Сохранение на протяжении многих столетий развитой устной традиции в скандинавском обществе обеспечило известную скрупулезность саг во всем, что касается событий, имен, в описании местности, поступков людей, при пересказе родословных, и т.д. Ведь задачей сказителей было сообщить своей аудитории сведения о том, «как было на самом деле». К «неудобным» для современного историка особенностям саг следует отнести, во-первых, относительную датировку событий (например: «В такой-то год царствования конунга такого-то...», или: «когда там-то и там-то произошло то-то и то-то, здесь случилось следующее...»). Для хронологической привязки событий из саг необходимо их сопоставление с летописными и прочими источниками других стран, в результате чего датировка легко устанавливается. Во-вторых, повествуя о событиях английской истории, саги нередко допускают неточности в датах, именах, самих событиях и мотивах поступков действующих лиц, поскольку скандинавские авторы саг были все-таки хуже осведомлены об английских делах, чем о местных.

Для нашей темы интересны, собственно, только так называемые «королевские» саги, повествующие непосредственно о событиях политической

¹ Gransden A. Historical writing in England... P. 148–149.

истории, как правило, в виде жизнеописаний скандинавских конунгов. Наиболее известным их собранием является «Круг земной», записанный около 1240 г. в Исландии под руководством¹ Снорри Стурлусона (ок. 1178–1241) — видного политического деятеля своей страны и эпохи. В этом собрании содержатся и саги о королях — предводителях викингов, имевших непосредственное отношение к событиям датского и нормандского завоеваний Англии — Олаве Трюггвасоне, Олаве Святом, Харальде Суровом Правителе (Хардрате), и др. В послевоенной России постепенно сложилась серьезная школа саговедов — историков и филологов — благодаря которым «Круг земной» и другие группы саг изданы на русском языке, а их содержание тщательно изучается. Но вообще нужно отметить, что использование саг в качестве исторических источников является чрезвычайно сложной источниковедческой проблемой, по-разному формулируемой не только для различных видов саг, но и для каждой саги в отдельности, в силу существования нескольких редакций каждой из них, различного соотношения устной, письменной, церковной традиций в разных собраниях королевских саг, и многих других причин. Поскольку в данной работе саги используются в качестве вспомогательных, второстепенных источников, вряд ли есть необходимость углубляться в нюансы саговедения, по которому написаны десятки и сотни трудов. В достаточной степени общие аспекты саговедения изложены в трудах М.И. Стеблина-Каменского и А.Я. Гуревича².

«Похвала королеве Эмме» (*Encomium Emmae Reginae*) является едва ли не единственным, помимо «Англо-Саксонской хроники», нарративным источником эпохи правления в Англии датской династии (1017–1042), повествующим о датском завоевании и царствовании Кнута Великого. Это произведение написано около 1041 г. неизвестным монахом французского монастыря Сент-Омер (но писавшим его в монастыре Сен-Бертен), каким-то образом причастным к делам Эммы Нормандской — супруги сначала короля Этельреда из уэссекской династии (978–1016, брак с Эммой с 1002 г.), а затем Кнута Великого (с 1016 г., умерла в 1052). Об авторе из его же повествования известно лишь то, что он лично встречался с Кнутом во время поездки того в Рим в 1031 г. Сама «Похвала» написана в жанре панегирика, в котором всячески превозносятся добродетели Эммы и подводится фундамент легитимности престолонаследия в пользу Хардакнута — сына Кнута и

¹ Снорри, скорее всего, не сам записывал саги, а диктовал писцам. См.: «Круг земной», М., 1995, предисловие. Это явствует из его же вводных фраз: «Я повелел записать...» и т.п.

² См.: Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. М., 1979.

Эммы, царствовавшего всего два года (1040–1042) и скоропостижно скончавшегося. Для лучшего выполнения этой задачи автор слагает дифирамбы в адрес предков Хардакнута из датской династии — Кнута Великого и Свейна Вилобородого, завоевателей Англии. Само же это завоевание, как и обстоятельства восшествия на английский престол двух упомянутых монархов, описаны в весьма общих чертах и с присущей более поздним рыцарским романам цветистостью. Как отмечает А. Грансден, «риторический элемент сильно снижает ценность «Похвалы» как исторического источника»¹.

В качестве вспомогательных нами использованы произведения немецких хронистов — Титмара Мерзебургского и Адама Бременского. «Хроника» первого, написанная в XII в., повествует в основном о континентальных событиях и лишь эпизодически касается завоевания Англии датчанами и воцарения Кнута. Первоначально осуждая датское вторжение, Титмар затем отмечает «перерождение» Кнута из завоевателя страны в ее покровителя и защитника. Что же касается Адама Бременского, этот каноник Гамбургского собора, посещавший Скандинавию с миссионерской целью в последней трети XI в., в своем широко известном труде «Деяния епископов Гамбургской церкви» затрагивает в основном континентальные и церковные дела, но приводит и ряд ценных сведений о правлении Свейна Вилобородого и Кнута, их взаимоотношениях с Германской Империей и о скандинавской внешней политике, а также о проблемах христианства и язычества в Дании и о церковной политике Кнута. Это немаловажно для нашей темы, тем более, что Адам Бременский лично общался с датским королем Свейном Эстридсенем, сообщившим ему различные сведения из области политической истории той эпохи, затем вошедшие в труд Адама.

Оба последних произведения содержат, к сожалению, много ошибок в именах и фактах. Кроме того, их жанровые особенности предполагают сжатость изложения собственно фактов при крайнем обилии религиозного морализаторства и дидактики, пространные отступления в сторону от основного сюжета. Все это, в сущности, свойственно и англо-нормандским нарративным произведениям XII в., рассматриваемым ниже.

При анализе этнических и социальных аспектов внутренней политики Кнута Великого в завоеванной им Англии использовались в качестве вспомогательных источников королевские грамоты о земельных пожалованиях и т.п. Они имеют именно вспомогательное, вторичное значение для нашего исследования, так как в нем не изучаются в подробностях проблемы аграрной и социально-экономической истории.

¹ *Gransden A. Historical writing in England c. 550 to c. 1307. NY, 1974. P. 58.*

Переходя к нормандским нарративным источникам, начнем с труда Гийома Жюмьежского, окончившего старую хронику «Деяния нормандских герцогов», которая велась с X в. Поскольку аббатство Жюмьеж было видным центром нормандской хронистики, тесно связанным с интересами герцогского двора, монах Гийом был летописцем на службе Вильгельма Завоевателя. Во всяком случае, он первым начал утверждать идею о легитимности прав Вильгельма на английский престол, подводя идеологический фундамент под вторжение в Англию. В какой-то степени «*Gesta Normannorum Ducum*» — это аналог «Англо-Саксонской хроники», то есть, официальная государственная летопись. Но по структуре они значительно отличаются друг друга.

Гийом довел свой труд до 1070 г., но собственно нормандское завоевание Англии подробно освещено в нем лишь до конца 1066 г., до момента коронации Вильгельма в Англии. Повествование Гийома Жюмьежского вообще довольно кратко, в нем опущены многие немаловажные подробности и эпизоды. Жюмьежская хроника была широко распространена в Нормандии, сохранившись более чем в 30-ти списках¹. Ее охотно использовали англо-нормандские писатели и хронисты XII в., в том числе Уильям Малмсберийский, Симеон Даремский².

Гораздо большую ценность, ввиду развернутости повествования, представляет труд Гийома из Пуатье «Деяния Вильгельма, герцога нормандцев и короля англов», посвященная уже конкретно Вильгельму Завоевателю и потому более детализированная, чем «*Gesta Normannorum Ducum*». Примечательна и сама биография автора: непосредственный участник вторжения в Англию в 1066 г. (причем именно в качестве воина), он затем совершил удачную духовную карьеру, став капелланом самого герцога Вильгельма. Это двояко отразилось на его работе. С одной стороны, постоянное присутствие при дворе, широкая осведомленность о государственных делах, доступ к самым различным источникам, равно как и непосредственное знание тонкостей военного дела — все это дало Гийому из Пуатье хорошие возможности для реализации писательского таланта на историческом поприще. С другой стороны, близость к Вильгельму обусловила откровенно апологетический характер его произведения, вполне в духе жюмьежской хроники, тем более что труд был написан при жизни герцога, в 1073–1074 гг. Впоследствии Гийом из Пуатье посвятил себя духовной карьере целиком, став архидьяконом в Лизье (Нормандия)³.

¹ *Gransden A.* Op. cit. P. 95.

² *Ibid.* P. 96.

³ *Gransden A.* Op. cit. P. 99.

Судьба «Деяний Вильгельма» оказалась не слишком удачной: оригинал вообще не сохранился, а до современных издателей (начиная с XIX в.) дошли лишь две сильно пострадавшие копии, где повествование начинается с юности Вильгельма¹ и обрывается на 1067 г. Стиль повествования напоминает «Gesta Normannorum Ducum», но «Деяния Вильгельма» отличаются гораздо большей подробностью².

Наконец, несколько особняком в ряду нормандских нарративных источников стоит «Песнь о битве при Гастингсе» Ги Амьенского. Особняком стоит потому, что это поэма эпического характера, имеющая очевидное сходство, например, с «Песнью о Роланде» и потому отличающаяся всеми характерными чертами подобного рода произведений, подчас весьма далеких от исторической достоверности. Сам автор, как и Гийом из Пуатье, был вхож в придворные круги; будучи епископом г. Амьена, он сопровождал жену Вильгельма Завоевателя Матильду из Нормандии в Англию ко двору нового короля в 1076 г. и вообще занимал не последнее место в нормандской церковной иерархии³. «Песнь» была написана им в последние годы XI в. явно под впечатлением успехов начавшегося к тому времени крестоносного движения. Это произведение, имеющее совершенно четкую хвалебно-пропагандистскую направленность, отличается крайней тенденциозностью, вполне в духе французского рыцарского эпоса. В целом, это скорее литературное произведение, чем историческое. Многие эпизоды противоречат всем остальным источникам, причем явно ради «красного словца». Вместе с тем, «Песнь» неплохо дополняет основные источники, давая развернутые описания некоторых эпизодов. Хронологически она охватывает довольно короткий отрезок времени от отплытия нормандского флота из Сен-Валери до коронации Вильгельма в декабре 1066 г., после победы при Гастингсе.

В целом, пользуясь этим источником, следует помнить о его жанровых особенностях и осторожно относиться к сообщаемым им сведениям, особенно если они не подтверждаются другими источниками. «Песнь» сохранилась всего в одном экземпляре, найденном известным немецким издателем XIX в. Пертцем в Брюсселе⁴.

¹ Ibid.

² Части работ Гийома Жюмьежского и Гийома из Пуатье, связанные непосредственно с историей нормандского завоевания, опубликованы в фундаментальном издании «English Historical Documents» в начале 1950-х гг. Это немаловажно в связи с труднодоступностью этих источников для российского исследователя; например, «Деяния Вильгельма» публиковались в «Rolls Series», этих выпусков в России не имеется.

³ Ibid. P. 97–98.

⁴ Gransden A. Op. cit. P. 97.

Нарративные источники первой половины XII в., авторами которых были англо-нормандские писатели, создавались уже в эпоху, когда эффект потрясения от нормандского завоевания несколько улегся, и прежние оценки, крайне пристрастные и идеологизированные, уступили место более спокойному, объективному осмыслению событий недавнего прошлого. Эдмер, Ордерик Виталий, Уильям Малмсберийский уже не были современниками завоевания, относясь к другому поколению, заставшему завоевание разве что в детском возрасте. Это сказалось с лучшей стороны на непредвзятости их произведений.

Первый из упомянутых писателей, Эдмер, англосакс по происхождению, родился за несколько лет до нормандского завоевания. Большую часть жизни он посвятил духовной карьере в качестве доверенного лица архиепископа Ансельма Кентерберийского — крупнейшего деятеля английской церкви конца XI — начала XII вв. Эдмер известен как автор биографии Ансельма — это был основной труд его жизни. Для нас интересна лишь часть этой биографии, озаглавленная «*Historia povogum in Anglia*» (то есть, «История новшеств в Англии».) Весь этот труд был написан Эдмером в Кентербери, в монастыре Крайстчерч около 1110 г., после смерти Ансельма¹. Ценность произведения Эдмера для нашей темы представляется весьма ограниченной, поскольку Эдмер был сугубо церковным историком, освещавшим проблемы церкви, ее взаимоотношения с государством, внутрицерковные дела, и т.д., притом в более поздний, чем нормандское завоевание, период. Вообще, это не столько историческое произведение, сколько агиографическое, житие св. Ансельма. Поэтому применительно к светской политической истории его можно использовать лишь фрагментарно. Труд Эдмера был мало знаком современникам и получил «второе рождение» только в XIX в., будучи найденным всего в одном экземпляре² и изданным в «*Rolls Series*» в 1884 г.

Гораздо более широкое признание имела «Церковная история» Ордерика Виталия, которая, в отличие от работы Эдмера, невзирая на название, была куда как более светским историческим произведением. Ордерик происходил из знатной и притом смешанной англо-нормандской семьи. Проведя детство и юность в Англии, он затем стал монахом монастыря Сент-Эврুলь в Нормандии, который был не только культурно-просветительским и летописным центром, но и своего рода «кузницей кадров» для англо-нормандской церковной элиты. Там Ордерик и создал свою «Церковную историю» между 1091 и 1123 гг.³ Надо заметить, что он

¹ *Gransden A.* Op. cit. P. 186.

² Ibid.

³ Ibid. P. 152–154.

располагал для этого неплохими возможностями: во-первых, покровителями монастыря была нормандская аристократическая фамилия Монгомери, представители которой, кстати, активно участвовали в завоевании Англии, а Р. де Монгомери даже был регентом нормандского престола в отсутствие Вильгельма в 1066 г.; во-вторых, Ордерик много путешествовал, собирая информацию для своей книги, а не был писателем-затворником¹. Видимо, благодаря всему этому, «Церковная история», довольно подробная и увлекательно написанная, стала исключительно ценным источником по истории Англии и Нормандии, в частности — нормандского завоевания.

Разумеется, Ордерик использовал труды предшественников — Гийома из Пуатье, и др. Но его исторический кругозор достаточно широк и охватывает, помимо всего прочего, и общеевропейские дела. «Церковная история» имела относительно широкую популярность, неоднократно издаваясь и переиздаваясь вплоть до нашего времени.

Большим своеобразием отличается другой важный англо-нормандский нарративный источник — труд классика английской средневековой литературы Уильяма Малмсберийского «Деяния королей Англии», написанный в Англии около 1125 г. Аббатство Малмсбери, располагавшееся, как и Вустер, в долине р. Северн, было также одним из центров, где сохранялись традиции англосаксонской хронистики. На рубеже XI–XII вв. оно переживало культурный расцвет, что отразилось на творчестве Уильяма Малмсберийского, написавшего массу работ и по литературной плодovitости сравнимого с другими известнейшими средневековыми писателями. Сам Уильям, как и Ордерик, происходил из смешанной англо-нормандской семьи, что, возможно, повлияло на взвешенность его исторических оценок, стремление к объективности².

«Деяния королей Англии» построены по биографическому, а не хронографическому принципу, на манер «Жизни 12 цезарей» Светония, несомненно, повлиявшего на Уильяма Малмсберийского. Это видно уже по принципу построения характеристик отдельных монархов и т.д. История нормандского завоевания представлена здесь через призму жизни и деятельности Вильгельма Завоевателя.

«Деяния королей Англии», также имевшие относительно широкое распространение, сохранились в нескольких копиях и были изданы У. Стаббсом в «Rolls Series» в 1887–1889 гг., после чего неоднократно переиздавались.

В целом, характерными чертами англо-нормандских повествователь-

¹ Ibid. P. 154, 161.

² Ibid. P. 170.

ных источников является, во-первых, сочетание англосаксонской и нормандской традиций и историографического наследия, но с известным перевесом в «нормандскую» сторону. И Эдмер, и Уильям Малмсберийский посещали Вустер и, будучи знакомы с «Англо-Саксонской хроникой»¹, активно использовали ее. Но, во-вторых, англо-нормандские авторы переняли такую характерную особенность нормандской историографии: увлекаясь красочными литературными повествованиями, они напрочь игнорировали, на манер прежних нормандских хронистов, датировку событий, что, конечно, не очень удобно для современного историка, в отличие от скрупулезности англосаксонских анналов. Проблемы с датировкой вынуждают обращаться к дополнительной литературе. Вместе с тем, цельностью, развернутостью и насыщенностью повествования эти источники хорошо дополняют лаконичные англосаксонские хроники.

Совершенно особняком в ряду нарративных источников стоит гобелен из Байе — уникальный в своем роде образец средневекового искусства, отображающий историю нормандского завоевания, начиная с клятвы Гарольда Вильгельму (1064 г.) и кончая победой нормандцев и коронацией Вильгельма в 1066 г. Эта грандиозная по замыслу и исполнению тканная эпопея венчается детальной картиной битвы при Гастингсе. О масштабах работы говорит такой факт: одних только изображений людей на гобелене насчитывается около 300, не считая лошадей, кораблей, строений, деревьев, и т.п.

О гобелене была написана серия исследований, одним из наиболее основательных в числе которых является статья Н. Брукса и Х. Уолкера «The authority & interpretation of the Bayeux Tapestry» (1978). В ней обосновываются некоторые принципиально новые взгляды на ряд вопросов, вновь ставших дискуссионными — например, о месте происхождения гобелена. Ранее считалось, что гобелен был изготовлен в Нормандии; Брукс и Уолкер же убедительно доказывают, что гобелен был выткан в Англии, в мастерских аббатства св. Августина в Кентербери, очевидно, на рубеже 70–80-х гг. XI в.², представляя собой шедевр англосаксонского ткацкого ремесла. Что касается содержания этого полотна, оно в целом следует линии нормандских хронистов — Гийома из Пуатье, Гийома Жюмьежского. Но имеется в повествовании ряд несоответствий и ошибок, одни из которых — случайные, а другие — умышленные. Так, гобелен называет местом клятвы Гарольда Байе, хотя другие источники указывают другое место; возможно, целью этого было преувеличить

¹ *Gransden A. Legends, traditions and history... P. 120.*

² *Brooks N.P., Walker H.E. The authority & interpretation of the Bayeux tapestry // Proceedings of the Battle Conference 1978. P. 18, 34.*

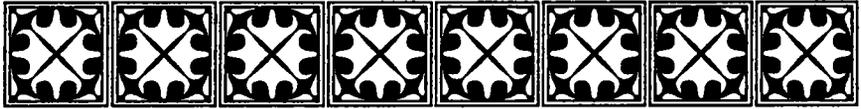
значение и поднять престиж Байе, поскольку гобелен был изготовлен по указанию Одо из Байе — родственника и ближайшего сподвижника Вильгельма Завоевателя, ставшего в завоеванной Англии эрлом Кента (и, следовательно, г. Кентербери.)¹

В целом, гобелен носит, конечно, вторичный, вспомогательный характер при работе с источниками. Вместе с тем, именно на его основе, например, реконструируются черты одежды, вооружения, военного дела той эпохи. Полностью сцены гобелена воспроизведены в издании «English Historical Documents», т. 2 (1953).

Наконец, встречающиеся в нашей работе ссылки на «Историю англо-» («*Estoire des Engles*») Жеффрея Гаймара заставляют в двух словах охарактеризовать этот источник. Написанная около 1140 г. нормандским собирателем народных сказаний, она представляет собой вольный перевод «Англо-Саксонской хроники», стилистически выдержанный в духе французского рыцарского романа². Поскольку основной мотив Гаймара — прославление героических «рыцарских» деяний и нормандцев, и англосаксов, польза от этого художественно-эпического произведения как от источника по политической истории крайне невелика.

¹ Ibid. P. 17–18.

² Gransden A. Op. cit. P. 209, 210–211.



ГЛАВА I

ДАТСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. ИМПЕРИЯ КНУТА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ В X—XI вв.

Переходя к событийной стороне повествования, следует отметить, что нельзя рассматривать, например, нормандское завоевание Англии в узких рамках событий 1066 г. — битвы при Гастингсе и коронации Вильгельма I, как это делали многие историки вплоть до конца XIX в., а в общих трудах нередко делают и сегодня. Во-первых, формальный акт коронации еще никак не означал свершившегося завоевания, собственно, и начавшегося после 1066 г. Во-вторых, нельзя рассматривать как датское, так и нормандское завоевание Англии в отрыве от политической истории всего региона Северо-Западной Европы, где происходило пересечение следующих политических тенденций: борьбы южноанглийских (уэссекских) королей за объединение Англии против группировок локальной, фактически родовой аристократии во главе с местными династиями; борьбы англосаксов с кельтскими государственными образованиями Уэльса, Шотландии, Ирландии, Корнуолла, шедшей уже долгие столетия с переменным успехом; борьбы англосаксов с викингами, приводившей к взаимной ассимиляции и огромному влиянию скандинавского этнокультурного элемента на политическую жизнь Англии, Ирландии, и др. Нормандское завоевание внесло заключительный аккорд — экспансию феодально-континентального политического начала в мир более патриархального Севера с его раннесредневековыми, по сути, процессами этногенеза и становления государственности. Объединив культурные традиции германского Севера и политические — континентальной Европы, нормандское завоевание в значительной мере обусловило своеоб-

разие исторического развития Англии. Власть нормандских королей, начиная с Вильгельма Завоевателя, выступила в роли преемника прежней уэссекской, а затем датской династии в борьбе с кельтскими государствами и местным сепаратизмом, за централизацию; власть сменилась, а политические задачи остались прежними. Учитывая незавершенность этнополитических процессов в регионе в XI в., крайнюю этнокультурную пестроту и политическую раздробленность, порой трудно провести грань между внешней и внутренней политикой английских королей того времени. Хотя сами понятия «Англия» и «английский народ» возникли еще во времена Беды Достопочтенного и были достаточно употребительны, на деле они оставались довольно аморфными, формальными. На деле этническое и политическое самосознание англичан в рассматриваемую эпоху не поднималось выше локального уровня в рамках крупных исторических областей страны. Типичный тому пример — история Нортумбрии, одного из наиболее сильных англосаксонских королевств, — данный в блестящей работе Кэпелла «Нормандское завоевание Севера»: сначала — постоянные войны с соседними англосаксонскими государствами и шотландскими кельтами; затем, в IX в. половина Нортумбрии завоевана датскими викингами, создавшими королевство с центром в Йорке, а в X в. их дополняют норвежцы, пришедшие из Ирландии через северо-западное побережье Англии и западные склоны Пеннин; одновременно другая часть Нортумбрии попадает в руки усиливающихся кельтских государств (Стратклайд и др.). Все это время этнические элементы смешиваются, несмотря на войны между представляющими их династиями, правящими элитами — англосаксонскими, кельтскими, скандинавскими. Географическая изоляция Нортумбрии и Восточной Англии также весьма способствовала обособленному развитию этих областей, отрезанных от основной части страны болотами, лесами, реками, бездорожьем. В силу этого, еще накануне нормандского завоевания (то есть, в середине XI в.) жители, например, той же Нортумбрии вообще не относили себя к «англичанам», хотя формально Английское королевство существовало с 829 г.: южная часть Нортумбрии была населена «йоркширцами», срединная — «нортумбрийцами»; северные жители и вовсе именовали себя «людьми св. Кутберта». П. Вормальд отмечает, что Область Датского права в X в. не столько была «отвоевана» англосаксами у датчан, сколько «завоевана» Уэссексом — настолько существенны были этнокультурные и другие различия между областями Англии, сохранившиеся вплоть до нормандского завоевания¹.

¹ *Wormald P. The making of England // History today, 2'95. P. 26.*

Многообразие тенденций политической истории этого периода определяет характер хронологических рамок нашей работы. Завоевание Англии датчанами рассматривается с момента возобновления набегов викингов на Англию в последнее десятилетие X в. до 1017 г.; далее начинается период правления Кнута (1017–1035), рассматриваемый в нескольких параграфах главы, посвященной датскому завоеванию. Нормандское завоевание ограничивается 1066–1074 гг., до момента примирения легитимного наследника английского престола Эдгара Этелинга с действительным властелином Англии Вильгельмом. Но в свете исследования упоминавшихся выше тенденций политической истории региона, отнюдь не начавшихся и не закончившихся с нормандским завоеванием, необходимо иногда выходить за эти рамки и делать экскурсы в события вплоть до начала 90-х гг. XI в., многие из которых тесно связаны с нормандским завоеванием и его последствиями (восстание эрлов 1075, восстание в Дареме 1080, войны с датчанами и шотландцами, колонизация Уэльса).

АНГЛИЯ НАКАНУНЕ ДАТСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЭКСПАНСИИ СКАНДИНАВОВ

Если IX в. прошел для Англии под знаком вторжений викингов, приведших к скандинавской колонизации значительной части страны и образованию Области Датского права (Денло), то X в. ознаменовался своего рода «англосаксонской Реконкистой», начатой еще Альфредом Великим и развернувшейся в полную силу при его потомках — Эдуарде Старшем (899–924), Этельстане (924–939), Эдмунде (939–946) и Эдредe (946–955). В результате этого процесса Англия была объединена в единое королевство под гегемонией Уэссекса, а прежде независимая Область Датского права была огнем и мечом приведена к покорности английской короне. Успехам англосаксов способствовали военно-политические таланты уэссекских королей, разобщенность самих скандинавов, в значительной мере превратившихся из завоевателей в обычных колонистов — земледельцев, торговцев, и т.п., что придало им уязвимость, свойственную оседлому населению перед лицом военной силы. В 954 г. пал последний крупный оплот скандинавов в Англии — Йорк, столица королевства викингов, правители которого состояли в родстве со скандинавской династией из Дублина¹. В ходе этой «англосаксонской Реконкисты» норманны абсолютно утратили наступательную инициативу и

¹ The Anglo-Saxon Chronicle // English Historical Documents. Vol. 1. P. 190. *Kapelle W.* The Norman Conquest of the North. P. 32.

выступали в роли преимущественно обороняющейся стороны. Для самих англосаксов этот процесс имел ряд немаловажных аспектов: поскольку борьба с викингами велась под руководством (да и преимущественно силами) Уэссекса, для прочих исторических областей страны, особенно подвергшихся скандинавской колонизации, эта борьба, как уже говорилось, означала не столько отвоевание прежде утерянных земель, сколько завоевание их Уэссексом, государственную централизацию, проводимую в интересах уэссекской династии. Это послужило одной из ключевых предпосылок феномена «регионализма», о котором еще неоднократно будет говориться ниже.

После взятия Йорка на 30 лет наступило относительное затишье. Новообразованное Английское королевство переживало подъем. Британский историк Ч. Оман называл царствование короля Эдгара «золотым веком», когда авторитет Англии, превратившейся из прежнего конгломерата варварских королевств в относительно единое, сильное государство, вырос во всей Европе¹. Оман также отмечает взвешенную этническую политику Эдгара в отношении скандинавского и англо-скандинавского населения страны, в том числе знати, которым гарантировались уважение их традиций, особенностей права и государственные должности (в том числе высокие) соответственно². Это, безусловно, способствовало лояльности скандинавского населения Англии и поощряло процессы англо-скандинавского этнокультурного синтеза, начавшиеся еще в IX в. на территории Денло.

Этническую картину раннесредневековой Англии дополняли кельты, отнюдь не истребленные англосаксами, как принято считать, а органично влившиеся в процесс взаимной ассимиляции, причем не только на уровне покоренного, полузависимого населения, но и на уровне знати, в том числе высшей. Сходство патриархального уклада жизни англосаксов и кельтов облегчало этот процесс. В целом, можно говорить о том, что донормандское общество в Англии было англо-кельто-скандинавским по своему этническому составу³.

После вступления на престол Этельреда II (978–1016) набеги норманнов на Англию возобновились. В историографии бытуют противоречивые мнения о причинах и характере этого движения. Одни исследователи делают акцент на том, что набравшие силу во второй половине X в. процессы классообразования и формирования ранней государственности в Скандинавии, сопровождавшиеся усилением королевской власти, при-

¹ *Oman C.* England before the Norman Conquest. P. 543.

² *Ibid.* P. 545.

³ *Sawyer P.* From Roman Britain to Norman England. P. 50.

вели к перерастанию обычных походов викингов, осуществлявшихся отдельными представителями знати, в централизованную военную экспансию под руководством королей (конунгов) с целью территориальных присоединений¹, что, в сущности, свойственно молодым государствам вообще. Другие историки заостряют внимание на том, что походы викингов в этот период осуществлялись зачастую как раз теми представителями скандинавского общества, которые боролись против централизации и сопровождавшей ее насильственной христианизации, проводившейся методами, достойными, по словам Ч.Омана, «Карла Великого или Торквемады»². Эта позиция подтверждается скандинавскими источниками, изобилующими описаниями откровенного вооруженного насилия и зверств по отношению к непокорному населению и знати со стороны скандинавских королей-христианизаторов — Харальда Синезубого в Дании, Олава Трюггвасона и Олава Святого в Норвегии. Проигравшие в этой борьбе вынуждены были бежать за море в поисках новых мест для проживания и средств к существованию, и неудивительно, что значительная часть этих изгнанников выбрала привычные занятия викингов — пиратство, наемничество, и т.п. В частности, многие из них нашли прибежище в портах герцогства Нормандии, откуда совершали набеги на Англию³.

Думается, истина лежит в совмещении обеих этих точек зрения. С одной стороны, завоевательные походы скандинавов конца X–XI вв. часто принимали государственный масштаб и возглавлялись конунгами, как, например, завоевание Англии Свейном Вилобородым и его сыном Кнудом, военные экспедиции Кнута в Норвегию и Швецию в 20–30-е гг. XI в., походы Харальда Сурового Правителя (Хардрады) и Свейна Эстридсена в Англию в 60–70-е гг. XI в. С другой стороны, значительная масса набегов осуществлялась в традиционной манере, небольшими отрядами пиратствующих вольных предводителей или правителей мелких государств викингов, расположенных на островах Ирландского и Северного морей, в Ирландии, Камберленде. Так, например, Олав Трюггвасон, покинув Норвегию в результате поражения в борьбе за престол, занялся привычным ему и ранее пиратством во главе внушительной рати, масштаб операций которой на Британских островах не уступал последующим завоевательным мероприятиям Свейна Вилобородого, хотя по сути своей это был простой грабительский рейд. Взойдя же на престол,

¹ *Sawyer P. Kings & vikings. P. 147; Stafford P. Unification & conquest. P. 65, 117.*

² *Oman C. Op. cit. P. 560. См. также: Sawyer P. Kings & Vikings.*

³ *The Anglo-Saxon Chronicle // English Historical Documents. Vol. 1. (далее — ASC// EHD). P. 216.*

Олав Трюггвасон стал королем и ревностным христианизатором Норвегии¹.

Другой пример — армия Свейна Вилобородого, завоевавшая Англию: она включала в себя как собственно королевское войско, так и отряды отдельных вождей — Торкеля Высокого, зятя Свейна ярла Эрика, и других. В норвежское войско Харальда Сурового в 1066 г. входили отряды ярлов Оркнейских островов, и т.п.² Таким образом, описанные выше попытки «классификации» походов викингов в данную эпоху лишь упростили бы комплексное восприятие этого явления.

Так или иначе, походы скандинавов в Англию возобновились именно с мелких рейдов отдельных отрядов, грабивших в 981 г. Девон и Корнуолл, в 982 г. — Дорсет, в 988 г. — опять Девон. В 991 г. последовал вышеупомянутый большой поход Олава Трюггвасона; пройдя огнем и мечом по побережьям Шотландии, Ирландии и Уэльса, норманны высадились в Восточной Англии и затем разбили ополчение Эссекса при Мэддоне³ (это событие отражено в известной англосаксонской поэме «Битва при Мэддоне»). Получив выкуп в 10 тыс. фунтов серебром, в 992 г. викинги благополучно ускользнули от английского флота, пытавшегося застать их врасплох у побережья Восточной Англии, и отправились грабить Линдсей и Нортумбрию, взяв в 993 г. Бамбург. В 994 г. к Олаву Трюггвасону присоединился датский король Свейн Вилобородый, и они с флотом в 94 корабля совместно осаждали Лондон, перезимовав в Саутгемптоне. В результате дипломатических усилий лично короля Этельреда Олав Трюггвасон согласился за большой выкуп уйти в море и никогда больше не нападать на Англию. Однако оставался еще Свейн Вилобородый, чей флот в 997 г. разграбил земли Уэльса и Корнуолла в устье р. Северн и юго-западное побережье Англии, а в 998 г. — южное, разбив фирд (ополчение) Кента⁴.

Здесь, перед тем как перейти непосредственно к событиям, повлекшим за собой датское завоевание Англии, целесообразно оторваться от повествования, чтобы охарактеризовать подробнее личности двух правителей — Этельреда и Свейна Вилобородого, и их царствования. Следует отметить, что информация о Свейне носит крайне отрывочный и полуполюбопытный характер, поэтому ручаться за ее абсолютную достоверность довольно трудно.

Свейн взошел на датский престол в конце 980-х гг., одержав верх в междоусобице с собственным отцом, Харальдом Синезубым. Поводом к

¹ Oman C. Op. cit. P. 560.

² Lawson M.K. Cnut: the Danes in England in the early XIth century. P. 83.

³ ASC//EHD P. 211–213.

⁴ Ibid. P. 214–215.

ней, как сообщают саги, стали настойчивые просьбы Свейна к отцу о разделении власти с ним. Согласно Адаму Бременскому, Свейна выдвинула в качестве претендента на престол языческая оппозиция (по всей вероятности, военная), недовольная христианизаторской политикой Харальда Синезубого; Адам Бременский называет их «заговорщиками против христианства»¹. Автор «Похвалы королеве Эмме», в свою очередь, отмечает, что Свейн был популярен в войсках и любим народом, тогда как отец его ненавидел². Активную военную поддержку Свейну оказали легендарные йомсвикинги — воинское братство, напомилавшее более поздние рыцарские ордена и базировавшееся, вероятно, в устье Одера. Так или иначе, в сражении с флотом отца Свейн был разбит, но Харальд умер от ран, поэтому престол все равно достался Свейну³. Однако, уже через год он попал в плен то ли к шведам, то ли к западным славянам (вендам), был выкуплен, затем, по легендам, несколько лет скитался по чужим землям, став в итоге таким же викингом, как Олав Трюггвасон, и проведя всю дальнейшую жизнь в заморских походах, мало уделяя внимания собственно датским делам⁴. Видимо, поэтому, как отмечает П. Сойер, о царствовании Свейна Вилобородого известно крайне мало⁵. В источниках и литературе имеются весьма противоречивые сведения об отношении Свейна к христианству (что было актуальным в ключе происходящей христианизации Скандинавии), на чем основываются и характеристики его личности. Адам Бременский, например, говорит об эволюции Свейна от «безжалостного язычника» и «отцеубийцы» к обратившемуся христианину, даже учредившему в Дании три епископства и умершему в «христианской благодати»⁶. Цитирующаяся выше «Похвала королеве Эмме» явно приукрашивает добродетели и Свейна, и его потомков, так как это произведение носит отчетливо тенденциозный характер. Ч. Оман дает Свейну крайне отрицательную характеристику, называя его «одним из последних представителей поколения языческих королей-разбойников», «жестоким варваром», «убийцей священников» и «поджигателем церквей»⁷, считая его ни много, ни мало лидером языческой оппозиции в Дании. Скандинавские саги предлагают более взвешенный вариант, указывая на то, что, если Харальд Синезубый насаждал в Дании христианство в обязательном порядке, то Свейн, живя

¹ *Adam von Bremen*. Hamburgische Kirchengeschichte. P. 87.

² *Encomium Emmae Reginae*. P. 9.

³ Сага об Олаве сыне Трюггви // *Снорри Стурлусон*. Круг земной. С. 119.

⁴ Там же; *Adam von Bremen*. P. 91.

⁵ *Sawyer P. Kings & vikings*. P. 139.

⁶ *Adam von Bremen*. P. 94–95.

⁷ *Oman C. Op. cit.* P. 559, 574.

в основном завоевательными походами, попросту не уделял этому внимания, и поэтому в некоторых местах началось возрождение язычества, хотя христианская церковь отнюдь не перестала функционировать¹. Сведения же об обращении Свейна в христианство ограничиваются упоминанием о его крещении около 976 г. Таким образом, по натуре это был скорее все-таки языческий король-воин, вроде русского Святослава, склонный к военным авантюрам за пределами родины.

Что касается короля Англии Этельреда II, то он был полной противоположностью Свейну, и за свои промахи и неудачи во внешней и внутренней политике, преследовавшие его на протяжении всего его царствования, получил в историографии прозвище «Нерешительный», или «Неспособный». Действительно, на первый взгляд, Этельред обладал весьма посредственными военными и организаторскими талантами, никак не напоминая такого харизматического вождя национально-освободительной борьбы против датчан, каким был Альфред Великий. Перед лицом внешней опасности он оставался пассивным и растерянным, предпочитая откупаться от «ярости норманнов» звонкой монетой. Военная удача никогда ему не сопутствовала, за редким исключением. В конечном счете, все это и послужило причиной того, что от него отвернулась значительная часть магнатов, служилой знати, массы подданных, уставших от многолетних войн, хаоса и разорения страны, и потому отдавших предпочтение энергичным и удачливым датским властителям — Свейну и его сыну Кнуту. Однако, историография XX в. несколько реабилитировала Этельреда, приняв во внимание объективные трудности, осложнявшие осуществление адекватной политики с его стороны. Прежде всего здесь следует упомянуть эгоистические, шкурнические, а порой и откровенно предательские настроения знати, как высшей, так и локальной, не раз приводившие к поражениям Этельреда. Так, например, неудача английского флота при попытке настичь эскадру Олава Трюггвасона у берегов Восточной Англии в 992 г. была обусловлена предательством элдормена (эрла) Мерсии Эльфрика, предупредившего викингов об этом (за что, правда, вскоре был ослеплен его сын)². Неоднократно имели место случаи сговора представителей местной элиты с лидерами викингов: в одних случаях это делалось из стремления спасти свою вотчину ценой разграбления викингами соседнего графства или местности, в других — из-за традиционного сепаратизма бывших районов Денло, всегда тяготевших к прежней независимости от уэссекских королей и поддерживавших все нашествия скандинавов

¹ Сага об Олаве сыне Трюггви // *Снорри Стурлусон*. Круг земной. С. 153.

² ASC/EHD. P. 213.

вплоть до 1070-х гг., в третьих — из-за явного нежелания сражаться и жертвовать своей жизнью (как, например, при взятии Олавом Трюгвасоном Бамбурга, когда командиры местного фирда (военного ополчения) первыми обратились в бегство, едва лишь начался бой, и увлекли за собой всех остальных)¹ или каких-либо личных корыстных интересов. Хрестоматийным образцом подобного поведения стал Эдрик Стреона — фаворит Этельреда, крупнейший магнат, многократно предававший и своего короля, переходя на сторону датчан в разгар боевых действий, и самих датчан. Придя к власти, Кнут Великий организовал показательное убийство Стреоны («и совершенно правильно», подчеркивает хронист), опасаясь держать при дворе подобного изменника². В 1009 г. из-за междоусобной распри магнатов Бритрика и Вульфнота фактически погиб английский флот, высланный против датчан (см. ниже). В целом, причинами всего этого, на наш взгляд, являлось «регионалистское» сознание знати, отождествлявшей свои интересы не столько с абстрактным «отечеством», сколько с собственными владениями, вотчинами, графствами, и т.п., а также преобладание настроений феодальной анархии в среде крупной аристократии, обретшей значительную силу и самостоятельность в ходе войн со скандинавами в X в. и «распоясавшейся» при слабом, безвольном короле.

Наконец, стихийные бедствия — голод 1005 г., наводнение 1014 г. — усугубляли весь этот комплекс проблем, преследовавших Этельреда и его королевство. Сам Этельред имел на своем счету и определенные успехи: в 1000 г. он совершил победоносный поход в Камберленд (Камбрию) против «гальвежцев» (кельто-скандинавской общности, сложившейся в результате взаимной ассимиляции пришлых норвежцев и бриттов), угрожавших северным границам Англии³; династические браки родичей Этельреда с семьями разных элдорменов Англии укрепляли влияние уэссекского двора на периферии, а брак самого Этельреда с сестрой герцога Нормандии Эммой в 1002 г. подкрепил англо-нормандский договор, закрывавший для викингов порты Нормандии⁴. Таким образом, Этельред не был вовсе обделен талантами политика, и, как показали дальнейшие события, добросовестно подходил к исполнению своих обязанностей перед страной и подданными. В частности, в 1008 г. по его указу в кратчайшие сроки был выстроен и снаряжен флот для войны с датчанами на море⁵. Собственно, прозвище «Нерешительный», как

¹ Ibid. ASC//EHD. P. 213.

² Ibid. P. 227.

³ Ibid. P. 215.

⁴ *Finberg H.P.R.* The formation of England, 550–1042. P. 185.

⁵ ASC//EHD. P. 219; *Oman C.* England before the Norman Conquest. P. 569.

указывает Д. Уайтлок — это искаженная вариация староанглийского слова «unraed» — «неразумный», каковой эпитет, в свою очередь, был придуман более поздними хронистами как рифма-антоним к «Этельред» — «благоразумный», с целью подчеркнуть несоответствие деяний короля его имени¹. Так или иначе, определенная непоследовательность и медлительность в принятии решений в сочетании с вышеупомянутыми неблагоприятными обстоятельствами привели Этельреда к ряду роковых промахов и ошибок, одна из которых, собственно, и послужила поводом для Свейна Вилобородого к развязыванию полномасштабной англо-датской войны.

Речь идет о так называемой «резне в день св. Брайса» (13 ноября 1002 г.), когда якобы в целях предотвращения возможности поддержки викингов внутри страны Этельред повелел вырезать всех датчан, проживающих в Англии (по-видимому, подразумевались скандинавы вообще, так как в Англии их всех, как правило, называли обобщающим этнонимом «даны»)². Надо заметить, современные историки скептически относятся к этому известию, записанному хронистами скорее всего на основе устной народной традиции³. Во-первых, скандинавы составляли добрую треть населения тогдашней Англии, а вкуче со смешанным англо-скандинавским населением эта цифра возрастает до 50 %⁴. Во-вторых, эти потомки воинственных норманнов за почти два столетия, прошедших с момента начала их массового переселения на Британские острова, превратились в обыкновенных мирных жителей, мало чем отличающихся от самих англосаксов и в массе своей верноподданных по отношению к английской короне. Более того, многие даны и англо-даны занимали руководящие посты в государстве, армии, местной администрации, и т.д., и также в основном были лояльны королю. Так, например, в 1003 г. во время датского вторжения наиболее упорное сопротивление датчанам оказали отряды эрла Ульфкютеля — дана по происхождению⁵. В XI в. статус Области Датского права основывался уже не на политическом суверенитете, а на ряде правовых привилегий и некоторой этнокультурной обособленности — в общем, на том, что в наше время назвали бы культурной автономией. Таким образом, версия о попытке «геноцида» датчан кажется несколько фантастической в силу и бессмысленности подобной затеи, и физической сложности ее осуществления. В «Англо-Саксонской Хронике», сообщающей о приказе Этельреда, лишь версия

¹ Whitelock D. Introduction to English Historical Documents. Vol. 1. P. 49.

² ASC / EHD. P. 217.

³ Oman C. Op. cit. P. 565; Finberg H. Op. cit. P. 184.

⁴ Ibid.

⁵ Oman C. Op. cit. P. 567.

«С» (эбингдонская) утверждает, что «это было сделано», а остальные списки умалчивают о претворении этого приказа в жизнь¹. Единственное свидетельство о массовой резне данов сохранилось в Оксфорде, в местной грамоте, датированной 1004 г. Это королевская грамота монастырю св. Фридесвиде от 7 декабря 1004 г., в которой Этельред упоминает об истреблении данов, «распространившихся по всему острову, словно плевелы среди зерна», предписанном им по совету и с согласия «лучших людей королевства», на благо страны и народа, и осуществленному «вплоть до смерти» (собственно, грамота подтверждает возмещение ущерба монастырю, чья церковь была сожжена вместе с укрывшимися в ней от преследования данами осаждавшими их англосаксами)². Хотя в качестве мотивировки указа Этельреда «Англо-Саксонская Хроника» указывает некие обобщенные «намерения данов... лишить жизни короля и всех его советников и после этого овладеть королевством»³, в целом в современной западной историографии преобладает мнение о том, что эта резня была локальной и распространялась на относительно небольшое количество данов из числа родни и соратников военного магната Паллига (датчанина на английской службе), изменившего королю и присоединившегося к очередному набегу викингов, грабивших английское побережье⁴. Таким образом, «резня» была карательной акцией в наказание за государственную измену, и в ходе этой акции пострадали, очевидно, не только родичи Паллига, но и значительное количество зависимого от него населения, ничем не виновного. Это соответствовало средневековой практике войны, когда вместе с противником уничтожались его деревни, челядь, имущество, скот, посевы, и т.д. С подобной беспощадностью было, например, подавлено восстание в Вустере в начале 40-х гг. XI в., вызванное повышением налогов, а ведь там речь шла уже даже не об этническом меньшинстве, вроде скандинавов или кельтов, а об истреблении коренных англичан английскими же войсками⁵. Наконец, следует заметить, что тогдашний уровень развития этнического самосознания вряд ли предполагал возможность идеи геноцида по национальному признаку.

Роковым это решение для Этельреда стало по другой причине. Жена Паллига Гуннхильд, также ставшая жертвой этой резни, была сестрой короля Дании — Свейна Вилобородого. Поэтому последовавшее в 1003 г. датское вторжение некоторые историки расценивают как акт

¹ ASC//EHD. P. 217.

² EHD. Vol. 1. P. 545.

³ ASC//EHD. P. 217.

⁴ Finberg H. Op. cit. P. 184.

⁵ Ibid.

кровной мести со стороны Свейна¹. Этот акт вылился, по сути, в войну, растянувшуюся на полтора десятилетия и окончившуюся завоеванием Англии датчанами.

Интересно, что скандинавские саги указывают совсем иную причину войны. «Сага об Олаве Трюгвасоне» сообщает, что якобы еще на тризне в память своего умершего отца Свейн Вилобородый дал обет в трехлетний срок завоевать Англию и свергнуть Этельреда. Однако, далее в саге говорится, что многие из присутствовавших на пиру, в числе которых были вожаки пресловутых йомсвикингов, надавали много подобных обетов, будучи, как и Свейн, в изрядном подпитии, и наутро вспомнили, что явно наговорили лишнего². Впрочем, эта версия является скорее типичным для устной традиции мотивом, вряд ли имеющим под собой реальную фактологическую почву. По мнению же Ч. Омана, идея завоевания Англии вызрела у Свейна позднее, в ходе войны³, вероятно, под впечатлением от ошеломляющих успехов датского оружия — войны, начинавшейся в духе обычных походов викингов. Действительно, характерной чертой этой войны на первом этапе (1003–1013 гг.) было преобладание тактики стремительных рейдов датчан с кораблей вглубь английской территории с целью грабежа и молниеносного отступления обратно на корабли. Практиковались и «сквозные» рейды, когда, высадившись в одном месте, датчане совершали поход к другому побережью, где их ждал подошедший туда флот. Но, в отличие от нормандских завоевателей (см. далее), старавшихся захватить именно земли, территории, укрепляемые затем замками, датчане на первых порах абсолютно не пытались где-либо закрепиться, предпочитая привычную тактику викингов — базирование на каком-нибудь острове, набеги, и т.п. — тактику пиратов, а не захватчиков.

АНГЛО-ДАТСКИЙ КОНФЛИКТ И ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ ДАТЧАНАМИ (1003–1017 гг.)

Итак, в 1003 г. войско Свейна Вилобородого высадилось в устье р. Экс и овладело крупным портом Эксетер. Местный элдормен Эльфрик, убоавшись боя, симулировал болезнь, в результате чего фирд, не могущий и не желавший сражаться без руководства, рассеялся, а датчане безнаказанно разграбили территорию южных графств вплоть до Солсбери и вернулись с добычей на корабли⁴.

¹ *Finberg H.* Op. cit. P. 184.

² Сага об Олаве сыне Трюгви // *Снорри Стурлусон.* Круг земной. С. 120.

³ *Oman C.* Op. cit. P. 567.

⁴ ASC / EHD. P. 217.

В 1004 г. Свейн высадился уже в Восточной Англии, где взял и затем сжег Норидж и Тетфорд, также большие и богатые города. Правда, на сей раз местное ополчение, возглавляемое даном (!) Ульфкютелем, оказало викингам ожесточенное сопротивление, существенно подорвав их силы, хотя и ценой собственного поражения. Тем временем в стране из-за неурожаев начался голод, и Свейн почел за благо увести флот домой, в Данию¹.

В июле 1006 г., однако, датчане вернулись снова. Высадившись в Сэндвиче (Восточная Англия), Свейн разослал грабительские отряды в Сассекс и Кент. Сбор общеанглийского войска, объявленный Этельредом, из-за плохой организации затянулся на всю осень², демонстрируя неповоротливость, отсутствие оперативности англосаксонской администрации, как на высшем уровне, так и на местах. Тем временем датчане, перебазировавшись морем в Саутгемптон и обосновавшись на о.Уайт, систематически совершали набеги на юг Англии, разбив поодиночке все (!) ополчения южных графств³. «Столь велик был страх перед данами, — повествует летописец, — что никто и думать не мог о том, как изгнать их из страны или защитить ее от них»⁴. Этот отрывок в полной мере дает представление о той панике и беспомощности, в которой пребывала королевская администрация, не говоря уж о населении. Тем временем датчане, получив в январе 1007 г. выкуп в 36 тыс. фунтов серебром, вновь благополучно отбыли домой⁵.

Озабоченный критической ситуацией, в которой оказалась страна, Этельред предпринял, наконец, меры по укреплению ее обороноспособности. По его указу было осуществлено строительство флота для борьбы с викингами в их стихии — на море. С каждых 315 гайд (стандартных наделов) земли население обязано было выставить полностью снаряженный боевой корабль⁶. Флот был отстроен на редкость быстро и в июле 1009 г. вышел в море со своей базы в Сэндвиче. Однако здесь англосаксов постигла фатальная неудача: между двумя магнатами, командовавшими флотом — братом Эдрика Стреоны Бритриком и отцом будущего эрла Годвина Вульфнотом — разразилась ссора, в результате которой Вульфнот с 20 кораблями откололся от флота и ушел пиратствовать, а Бритрик с основными силами в 80 кораблей погнался за ним, но попал в шторм, уничтоживший большую часть судов. Тем временем

¹ Ibid. P. 217–218.

² Ibid. P. 218.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 219.

⁶ Ibid. P. 220; *Oman C. Op. cit.* P. 569.

вернулся Вульфнот и в вооруженной междоусобной схватке довершил разгром остатков столь нелепо и бесславно погибшего флота¹. Англия фактически осталась без защиты с моря.

Пользуясь ситуацией, в конце августа 1009 г. в Англию вторглась новое войско викингов, на сей раз под предводительством Торкеля Высокого (брата одного из вожаков йомсвикингов Сигвальди), а также датских ярлов Хеминга и Эглава. Объединенные силы этих предводителей высадились в Сэндвиче и разбили фирд Восточной Англии. Этельред послал против них значительное войско, отрезавшее викингов от их кораблей, но в момент решающего сражения Эдрик Стреона, назначенный незадолго до этого элдорменом Мерсии и потому имевший под своим началом значительные воинские силы, предал короля («как всегда», — отмечает хронист!) и вышел из боя, в результате чего англосаксы вновь потерпели поражение, а датчане еще три месяца грабили Восточную Англию, разорив города Кембридж и Тетфорд, после чего на захваченных у населения лошадях совершили рейд по восточным графствам Уэссекса в Кент, где теперь базировался их флот; оттуда они вернулись к Рождеству 1010 г. с огромной добычей². На следующий (1010) год, однако, последовал еще более сокрушительный набег этого же войска викингов, сперва высадившегося с моря снова в Восточной Англии, где при Рингмере (графство Норфолк) был опять разбит местный фирд, и сожжен г.Ипсвич, а затем учинившего тотальные грабеж и разорение 15-ти графств Восточной Англии и Мерсии. В довершение всего датчане захватили церковную столицу Англии — Кентерберн — и взяли в заложники архиепископа Эльфги и ряд других церковных иерархов³.

Королевскую администрацию во главе с Этельредом словно охватил паралич. Хронист сетует: «Не было предводителя, собравшего бы войско... Когда враги были на юге, армия была на севере, когда они были на востоке — армия на западе... Ни битвы с ними толком не могли, ни даже дань вовремя собрать...»⁴ Надо заметить, что даже современные историки отдают должное тактической мобильности норманнских ратей, стремительно нападавших и ускользавших от неповоротливой английской королевской армии, вынужденной ждать их нападения отовсюду, из любой точки береговой линии страны, которую, учитывая островное положение Англии, было невозможно полностью контролировать, тем более после гибели флота⁵. Тогдашние средства связи и оповещения были примитив-

¹ Ibid.

² ASC//EHD. P. 220.

³ Ibid. P. 220–222; *Oman C.* Op. cit. P. 570–571.

⁴ ASC//EHD. P. 221.

⁵ *Finberg H.* Op. cit. P. 183.

ными, а местные ополчения, как мы видим, не очень хорошо справлялись со своими задачами, не в последнюю очередь по вине своих военачальников, о чем говорилось выше. Решения принимались медленно, вяло, координация сил на локальном уровне отсутствовала. Наконец, безынициативность высшего руководства страны довершала все это. Англосаксам оставалось, как и прежде, выплачивать викингам дань, размер которой на сей раз составил 48 тыс. фунтов серебром. Это была значительная сумма, ради сбора которой Этельреду пришлось даже совершить грабительский поход против кельтского княжества Дифед на юго-западе Уэльса¹. Тем временем датчане, раздраженные проволочками с выплатой дани, зверски убили архиепископа Эльфги, позднее причисленного к лику святых и почитавшегося в Англии как мученика². Это, кстати, послужило причиной следующего события: по свидетельству большинства источников, Торкель Высокий, возмущенный расправой с архиепископом, перешел с 45-ю боевыми кораблями на сторону Этельреда, коему преданно служил вплоть до смерти того в 1016 г.³ Впрочем, христианские хронисты, вероятно, преувеличили нравственный аспект этого поступка в свойственной средневековым авторам назидательной манере. Скорее всего, Торкелем двигало не христианское негодование по поводу содеянного его соратниками, сколько материальная заинтересованность в службе королю Этельреду, нуждавшемуся в боеспособных воинских контингентах и потому готовому хорошо платить. На эту мысль наводит тот факт, что впоследствии Торкель столь же верно служил Кнуту Великому. Кроме того, болезненная реакция на убийство, пусть и священника высокого ранга, была бы довольно странной для профессионального воина и пирата, сталкивавшегося с подобными реалиями всю свою жизнь. Вообще, для викинга переход от одного вождя к другому, более удачливому или щедрому, или из ипостаси пирата в ипостась наемника был обычным явлением⁴. «Похвала королеве Эмме» же указывает в качестве причины ухода Торкеля на службу к Этельреду его личные трения со Свейном Вилбородым, обвинявшим Торкеля в гибели лучших частей датского войска в ходе многочисленных сражений с англосаксами в 1009–1012 гг.⁵

Так или иначе, в апреле 1012 г. остальная часть датского флота отбыла домой, получив дань. Однако, последовавшая передышка оказалась для Англии недолгой: уже в августе 1013 г. со свежим войском

¹ ASC // EHD. P. 222; Oman C. Op. cit. P. 571.

² Ibid.

³ Ibid.; Thietmar of Merseburg. Chronicle // EHD. Vol. 1. P. 321.

⁴ Sawyer P. Kings & Vikings. P. 146.

⁵ Encomium Emmae Reginae (далее — EER). P. 11.

прибыл сам Свейн Вилобородый, прошедший морем от Сэндвича в залив Хамбер и поднявшийся оттуда вверх по р. Трент до Гейнсборо¹. Так начался решающий этап датского завоевания Англии (1013–1017 гг.), характеризовавшийся переходом от тактики пиратских экспедиций датчан к широкомасштабным боевым действиям на территории Англии непосредственно с целью ее завоевания.

По мнению П.Сойера, к решению завоевать Англию Свейна подтолкнули успехи Торкеля Высокого в предыдущей кампании. Якобы опасаясь, что Торкель сам завоеует Англию, богатую залежами серебра и плодородными землями, Свейн решил его опередить². Высадка Свейна в Гейнсборо мгновенно продемонстрировала всю аморфность, рыхлость Английского королевства, управляемого уэссекской династией: Нортумбрия во главе с элдорменом Утредом, а затем вся остальная территория бывшего Денло сразу же изъявили Свейну покорность и, более того, поддержку. Так, ополчение Линдсея даже присоединилось к датскому войску для похода на юг³. Поход этот не заставил себя долго ждать, причем Свейн оставил в целостности и сохранности территорию Денло и, лишь перейдя дорогу Уотлинг-стрит, служившую исторической границей Области Датского права, начал обычный грабеж и разорение, в котором активное участие приняли линдсейцы⁴. Учитывая столь яркий пример «регионализма», сепаратизма северян, можно говорить о том, что, по сути, уже в 1013 г. образовалось англо-скандинавское королевство, включавшее Данию и Денло, хотя, конечно, это политическое новообразование было еще весьма шатким и держалось в основном на авторитете датского короля-завоевателя, подкрепленном военной силой и симпатиями местной английской знати и населения.

В условиях продолжавшейся бездеятельности и деморализации английских властей Свейн с войском практически беспрепятственно совершил поход на юг страны, через Оксфорд и Винчестер — древнюю столицу Уэссекса — и далее, всюду встречая изъявления покорности со стороны местной англосаксонской знати, боявшейся и не желавшей воевать за неудачливого Этельреда. Серьезное сопротивление датчанам оказал только Лондон, бывший оплотом Этельреда и хранивший верность правящей династии⁵. Не сумев овладеть Лондоном, Свейн двинулся в Бат, где элдормен Этельмер фактически сдал ему весь юго-запад страны,

¹ ASC//EHD P. 222–223.

² Sawyer P. Cnut's Scandinavian empire // The reign of Cnut: king of England, Denmark & Norway. P. 17.

³ ASC//EHD. P. 223; Oman C. Op. cit. P. 572; Finberg H. Op. cit. P. 187.

⁴ Ibid.

⁵ ASC//EHD. P. 223.

выразив свою лояльность вместе с большим количеством знати. Оставшемуся в одиночестве Лондону не оставалось ничего, кроме как покориться. Этельреду же пришлось бежать вместе с семьей на родину жены, в Нормандию, в сопровождении Торкеля Высокого¹.

Казалось, уже ничто не препятствовало Свейну занять английский престол с соблюдением всех легитимизирующих процедур (коронации, и т.п.), но, отправившись обратно в Гейнсборо к сыну Кнуту, оставшемуся там во главе флота, он внезапно умер 3 февраля 1014 г.² Это привело к новому витку борьбы за престол. Часть уэссекских магнатов, подчинившихся Свейну неохотно, лишь из соображений безопасности, теперь стала призывать Этельреда вернуться в Англию. На сей раз Этельред проявил завидную активность: пользуясь ситуацией, когда датчане остались без руководителя, а наиболее боеспособная часть датского войска находилась далеко на севере, под началом Кнута, Этельред в апреле 1014 г. вернулся в Англию, довольно оперативно собрал ополчения Уэссекса и Мерсии и совершил победоносный марш в Денло, дойдя до Линдсея, сурово покарвав местных сторонников датчан и вынудив Кнута отступить морем в Сэндвич, а затем — отплыть в Данию, где тому как раз пришлось принять участие в решении возникшего по смерти Свейна Вилобородого вопроса о престолонаследии. Однако в Дании королем был избран брат Кнута Харальд, поэтому Кнуту оставалось искать себе корону за пределами родины³.

Согласно «Саге об Олаве Святом», активную поддержку Этельреду в его реванше оказал этот будущий норвежский король, ведший в то время жизнь викинга. В саге говорится о совместных боевых действиях Олава и Этельреда против датчан — в частности, об успешном штурме Лондона, — а также о том, что Олав еще в течение трех лет собирал по Англии подати от имени Этельреда и патрулировал ее берега⁴. Однако англосаксонские хроники об этом умалчивают, поэтому достоверность этих сведений — под вопросом, тем более если учесть факт вступления Олава на норвежский престол в 1015 г.

В 1015 г., получив подкрепления от своего брата, ставшего королем Дании, Кнут с новым войском вернулся в Англию, очевидно, полный решимости завершить начатое отцом завоевание. От Сэндвича он направился по морю на юг и высадился в Кенте⁵. Этельред к тому времени был уже стар и тяжело болен, поэтому оборону страны возгла-

¹ Ibid.; *Finberg H.* Op. cit. P. 187.

² ASC//EHD. P. 223; *Oman C.* Op. cit. P. 574.

³ Ibid. P. 224; *Oman C.* Op. cit. P. 574.

⁴ Сага об Олаве Святом // *Снорри Стурлусон.* Круг земной. С. 171–174.

⁵ ASC//EHD. P. 225; EER. P. 15.

вили его сын Эдмунд (наследник престола) и элдормен Мерсии Эдрик Стреона. Между ними имела место острая личная неприязнь на грани вражды, что подрывало единство в рядах англосаксов и привело к очередной катастрофе: при столкновении королевской армии с датчанами Стреона вновь совершил предательство, перейдя с 40 боевыми кораблями на сторону Кнута. Эдмунд вынужден был отступить, дав возможность датчанам и примкнувшему к ним Стреоне заниматься грабежом графств Уэссекса и Мерсии, продолжавшимся до Рождества 1016 г.¹

В начале 1016 г. Кнут и Стреона вторглись в центральные графства Мерсии. Собранное Эдмундом ополчение изъявило полное нежелание воевать, мотивируя это, по словам хрониста, отсутствием при войске короля (что неудивительно, так как Этельред уже не вставал с постели, будучи, по сути, при смерти). К тому же, далеко не все графства прислали воинов, вполне в духе эгоистических настроений локальной знати². В этих условиях Эдмунду пришлось распустить ненадежное войско и ехать на север, в Нортумбрию, за помощью к элдормену Утреду. Тот, однако, тоже не горел желанием сражаться, ограничившись (совместно с Эдмундом) разорением земель Стреоны в Западной Мерсии (графства Стаффорд, Шропшир, Чешир). Тем временем Кнут совершил марш-бросок через центральные районы страны в Нортумбрию, поставив под угрозу владения самого Утреда и тем самым вынудив его выйти из войны. Невзирая на то, что Утред присягнул на верность Кнуту, его в 1018 г. убили по совету Стреоны, а управлять Нортумбрией (только южной — Дейрой; северная — Берниция осталась за братом Утреда Эдвulfом) был назначен сподвижник Кнута, норвежский ярл Эрик³.

Эдмунду пришлось ни с чем вернуться в Лондон, где 23 апреля 1016 г. умер король Этельред⁴. Юг страны поддержал Эдмунда в качестве легитимного наследника престола; но, поскольку в северной части Англии доминировал Кнут, борьба за английский престол вступила в решающую стадию.

7 мая 1016 г. Кнут осадил Лондон. Тем временем Эдмунд собрал по всем графствам Уэссекса значительное войско и на протяжении лета дал датчанам ряд сражений в окрестностях Лондона и в Дорсете. Неудачный для датчан исход этих боев и провал неоднократных попыток взять Лондон штурмом вынудили их снять осаду. Когда датчане, изнуренные

¹ Ibid. P. 225; *Oman C. Op. cit.* P. 576–577.

² Ibid. P. 225.

³ Ibid.; *Oman C. Op. cit.* P. 578.

⁴ Ibid.

длительной кампанией, опять занялись грабежом местности, Эдмунд настиг их в Кенте и нанес им очередное поражение, заставив их укрыться в укрепленном лагере на о. Шеппи в эстуарии Темзы, близ нынешнего Гринвича. Показателен тот факт, что Эдрик Стреона в этой неблагоприятной для Кнута ситуации вновь переметнулся — на сей раз на сторону Эдмунда¹.

Однако датчане, отдохнув от летних боев, осенью снова предприняли поход вглубь страны, двинувшись в Эссекс и далее в Мерсию. Эдмунд, прозванный за свою полководческую энергичность «Железнобоким», собрал, по выражению хрониста, «весь английский народ»²(!); действительно, в его войско вошли отряды из Уэссекса под началом самого Эдмунда, Мерсии во главе со Стреоной и Восточной Англии под руководством Ульфкютеля³ — то есть, действительно со всей Англии, кроме Севера, контролировавшегося Кнутом. Впрочем, вряд ли на этом основании можно говорить о каком-то «народном» характере английского войска; скорее всего, имелись в виду, конечно, тэны — служилая знать, и, вероятно, гарнизоны бургов. 17 октября 1016 г. состоялась битва при Эшингдоне (графство Эссекс) — самое кровопролитное сражение этой войны, где обе стороны понесли более чем ощутимые потери, но англосаксы проиграли битву потому, что в решающий момент Эдрик Стреона с фирдом Мерсии опять предательски покинул поле боя, по-прежнему предпочитая балансировать между противоборствующими сторонами себе на пользу. В битве полегло значительное количество английских тэнов и высшей знати, в том числе элдормен Ульфкютель и многие другие⁴. «Вся знать Англии погибла там», — гласит «Англо-Саксонская Хроника»; по словам летописца, Кнут теперь «завоевал себе весь английский народ»⁵. Впрочем, это явное преувеличение, поскольку на последовавшей вскоре встрече Эдмунда и Кнута на о.Эльни на р.Северн, близ Глостера, был заключен мирный договор, согласно которому Кнуту отходила лишь часть территории страны на север от Темзы (Нортумбрия и Мерсия), а Уэссекс, Эссекс, Восточная Англия оставались за Эдмундом⁶. Автор «Похвалы королеве Эмме» утверждает, что Эдмунд пошел на переговоры по наущению Стреоны, как ни в чем не бывало вернувшись ко двору и принявшего «пацифистскую» позу⁷. Так или иначе, хотя

¹ ASC//EHD P. 225–226; Saga об Олаве Святом // Круг земной. С. 178.

² Ibid. P. 227.

³ Longmate N. Defending the island: Caesar to Armada. P. 130.

⁴ ASC//EHD. P. 227; Oman C. Op. cit. P. 580; Finberg H. Op. cit. P. 192.

⁵ Ibid. P. 227.

⁶ Florence of Worcester. Chronicle // EHD. Vol. 1. P. 284.

⁷ EER. P. 29.

владения Кнута были больше по площади, следует отметить, что Уэссекс в XI в. был наиболее густонаселенной, урбанизированной и развитой в социально-экономическом отношении частью страны. Что же касается, например, Нортумбрии, то там сохранялось, по сути, архаичное общество, где почти полностью отсутствовали города и королевские бургы, королевская администрация и деление на графства, зачатки феодализации, в отличие от Уэссекса или Мерсии. Политическая власть на Севере находилась в руках местной наследственно-родовой аристократии, лишь номинально подчинявшейся английским королям и, как неоднократно показали дальнейшие события, не желавшей принимать королевских ставленников с Юга. Крестьянство на Севере в подавляющем большинстве не знало феодальной зависимости, являясь свободным¹. В сущности, аналогичный тип общества был характерен и для государств скандинавов. Поэтому можно говорить о том, что в 1016 г., как и позднее в 1066–1069 гг. (см. следующую часть настоящей работы), существовала реальная возможность распада Англии на две части с принципиально разными путями исторического развития и социально-экономическими укладами: англосаксонский Юг, еще со времен Альфреда Великого идущий по пути государств континентальной Европы — централизации, феодализации (впоследствии, возможно, чреватой феодальной раздробленностью), и англо-скандинавский Север с его патриархальным укладом, могущий развиваться в рамках как возникшей Империи Кнута, так и какого-нибудь иного похожего образования — скажем, англо-норвежского государства Харальда Сурового, возникшего бы при удачном исходе экспедиции последнего в Англию в 1066 г.

Однако судьба распорядилась несколько иначе: 30 ноября 1017 г. Эдмунд Железнобокий умер, или, по версии некоторых устных народных преданий, был убит агентами Кнута. «Сага об Олаве Святом» утверждает, что «Эдмунда убил Стреона»². Поскольку из имевшихся претендентов на престол (а у Эдмунда были брат Эдвиг и сыновья Эдмунд и Эдуард) наиболее сильным в военном отношении и зрелым по своим талантам политика был Кнут, знать Юга постепенно склонялась в своих предпочтениях на его сторону. Сам Кнут, разумеется, активно поддерживал эти настроения: в частности, он встретился с уитанами (членами высшего государственного совета — уитенагемота) в Саутгемптоне, чтобы завоевать их симпатии и тем самым подготовить почву для своего избрания на престол. Так оно и произошло: в декабре 1017 г. Кнут был провоз-

¹ Sawyer P. From Roman Britain to Norman England. P. 195, 203.

² ASC//EHD. P. 227; Finberg H. Op. cit. P. 193; Сага об Олаве Святом // Круг земной. С. 178.

глашен королем Англии и взошел на престол с соблюдением всех необходимых формальностей¹. На этом завершилось датское завоевание Англии.

ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ КНУТА: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Англия входила в состав так называемой «Империи Кнута», складывание которой началось именно с воцарением Кнута в Англии. До этого он был, по сути, королем без королевства, могущим претендовать на датский престол в случае смерти своего брата Харальда, занимавшего оный. В лице Англии же он обрел собственное государство, независимое от Дании, и именно Англия стала центром его империи. После кончины Харальда в 1019 г. Кнут стал также королем Дании. Что же касается третьей части его империи — Норвегии, то за гегемонию над ней датские монархи вели борьбу еще со времен Харальда Синезубого, деда Кнута. В 1000 г. в результате поражения и гибели Олава Трюггвасона в морской битве со Свейном Вилобородым при Свелде Норвегия формально перешла под власть датской короны². Однако, дело осложнялось тем, что Норвегия тогда представляла собой еще не столько единое государство, сколько совокупность почти автономных областей, могущих поддержать или отвергнуть любого правителя, в зависимости от ситуации. В 1015 г. датское владычество там уже закончилось, а на престол вступил Олав Святой (1015–1030), на протяжении всего своего царствования активно сопротивлявшийся попыткам Кнута вновь овладеть Норвегией³. В источниках уделяется много места этой борьбе и вообще скандинавской внешней политике Кнута, которую «Сага об Олаве Святом» характеризует как откровенно захватническую, сетуя на непомерные имперские аппетиты Кнута (что, впрочем, неудивительно, так как сага — норвежская)⁴. Адам Бременский также указывает, что в этой борьбе «даны сражались за власть, а норвежцы — за свободу»⁵. Опасаясь роста внешнеполитического могущества Дании в регионе, Олав Святой и шведский король Онунд даже создали коалицию против Кнута, успешно отразив его вторжение в 1026 г. в битве на р. Хельге (Скания)⁶. Однако, в ходе

¹ ASC // EHD. P. 228; *Oman* C. Op. cit. P. 583.

² *Oman* C. Op. cit. P. 593.

³ *Ibid.*

⁴ *Сага об Олаве Святом // Снорри Стурлусон. Круг земной. С. 280–282.*

⁵ *Adam von Bremen. P. 117.*

⁶ *Florence of Worcester // EHD. P. 287; William of Malmesbury. Gesta regum Anglorum. Vol. 1. P. 307; Сага об Олаве Святом // Круг земной. С. 312–313.*

следующей экспедиции в 1028 г., с войском, в которое входило и немало англосаксов, Кнуту удалось прогнать Олава и, действуя где силой, где подкупом, поддерживая настроенных против Олава норвежцев (каковых было немало, учитывая суровые методы, которыми Олав осуществлял централизацию и христианизацию страны), присоединить Норвегию к своей империи. Управлять ей был послан сын Кнута Свейн. Кроме того, в державу Кнута номинально входили Исландия и Оркнейские острова — вассалы норвежской короны¹.

Наконец, когда в 1018 г. скотты в союзе со стратклайдскими бриттами (короли Малькольм и Оуэн Лысый соответственно) нанесли поражение элдормену Нортумбрии Утреду при Карэме, Кнут обратил внимание на беспокойную северную границу и в 1027 г. совершил ответный поход в Шотландию, в результате чего Малькольм формально признал его сюзеренитет².

Таким образом, Империя Кнута в политико-географическом отношении представляла собой довольно разнородный конгломерат государств, находившихся на разных уровнях общественно-политического и социально-экономического развития, из которых Англия, судя по всему, находилась на наиболее высокой ступени, хотя и внутри нее самой имели место значительные различия между областями. В этих условиях, по словам Омана, Кнут стал «строителем северной империи с центром в Англии»³. Попытаемся же теперь рассмотреть этот процесс поподробнее в его разных аспектах.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДАТСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ

Приступая к анализу последствий датского завоевания и внутренней политики Кнута, следует отметить, что практически невозможно обнаружить в источниках и литературе сколько-нибудь точную информацию о количественно-демографических аспектах этого события — числе потерь среди разных слоев населения, численности сражавшихся войск, и т.д. Это резко отличает датское завоевание от нормандского, одним из плодов которого стала знаменитая «Книга Страшного Суда»; на основе ее данных исследователи восстановили многое из вышеупомянутого. В царствование же Кнута Великого ничего подобного этой переписи на свет не появилось, что было обусловлено иной природой (социальной,

¹ *Oman C. Op. cit.* P. 597.

² *EER.* P. 35; *ASC//EHD.* P. 229.

³ *Oman C. Op. cit.* P. 593.

экономической) датского господства в Англии; подробнее речь об этом пойдет ниже. Таким образом, остается лишь сожалеть об отсутствии точных данных и довольствоваться весьма приблизительными оценками.

Итак, в 1017 г. завершилось датское завоевание Англии. Не следует чересчур прямолинейно понимать упоминавшиеся выше идеи об этнокультурном родстве англосаксов и скандинавов, поскольку такое родство отнюдь не исключает военных конфликтов в рамках одного цивилизационного ареала (чему примером служат, кстати, бесконечные войны между теми же скандинавскими странами на протяжении всей их истории). Скорее, это являлось нормой для раннесредневековой Европы, в том числе для ее периферии, где единые государства еще не сложились окончательно, пребывая в стадии становления. Те же викинги, например, вовсе не гнушались грабить владения своих соплеменников. Таким образом, датское нашествие было для англосаксов ничем иным, как иноземным завоеванием, сопровождавшимся значительными жертвами и разрушениями, трудностями, связанными с выплатой викингам дани, размер которой, как можно заметить из приводившихся выше данных, возрастал год от года. Полтора десятилетия широкомасштабных военных действий, ведшихся почти на всей территории страны, не могли не нанести ее жителям серьезного демографического и материального урона. Ежегодные записи хронистов свидетельствуют о крайней разрушительности набегов скандинавов; типичная фраза, характеризующая эти набеги: «Даны повсеместно жгли, убивали, разрушали все вокруг, как обычно»¹. М. Лоусон видит в этом не банальную варварскую брутальность, а своего рода расчет: чем больше были жертвы и разрушения, тем больше был испуг населения и властей, и, соответственно, больше готовность выплатить выкуп, лишь бы поскорее избавиться от незваных гостей, способных продолжать свои деяния в том же духе².

Так или иначе, но точными данными мы, как уже говорилось, не располагаем. Что же касается численности сражавшихся армий, она, в принципе, поддается реконструкции. На первый взгляд, при ознакомлении с источниками не может не удивлять частота и активность военных походов норманнов, обрушивавшихся на Англию практически ежегодно. Уильям Малмсберийский уподобляет их головам гидры, без конца выползающим из Скандинавии взамен отсеченных³. С учетом этого, а также помня о почти постоянных победах датчан над англосаксами, можно было бы сделать предположение о большой численности ратей

¹ См.: ASC//EHD P. 212–227.

² Lawson M.K. Cnut: the Danes in England in the early XIth century. P. 161.

³ William of Malmesbury. Gesta regum Anglorum. Vol. 1. P. 264.

викингов, подавлявших англосаксов числом, как позднее монголы — разобщенные княжества Руси. Однако современные исследования говорят об обратном. Численность армий скандинавских конунгов первой половины XI в. не превышала нескольких тысяч человек (с учетом и собственно королевской дружины, и отрядов отдельных вождей, из которых, например, более чем наполовину состояло войско Свейна Вилобородого и Кнута, завоевавшее Англию)¹. При этом, по логике, значительная часть войска должна была оставаться в пределах своей родины с целью защиты ее границ, осуществления карательных и административных функций, и т.п. Между тем, Англия, чье население в XI в. составляло около 1 млн. чел.² — цифра огромная по сравнению со Скандинавскими странами — обладала, как мы знаем, возможностью снарядить военный флот в сотню кораблей, что было сделано по приказу Этельреда в 1008–1009 гг. Если учесть, что боевой корабль Северной Европы мог нести в то время в среднем около 60 воинов³, то приблизительная численность только «действующей» армии Английского королевства на 1009 г. составляла около 6 тыс.чел., а ведь еще имелись гарнизоны бургов, местные ополчения, отряды наемников, и т.д. А армия Кнута в битве при Шерстоне летом 1016 г. насчитывала около 1,5 тыс. чел. (30–40 кораблей)⁴. Выходит, не такими уж неравными были силы сражавшихся сторон. В 1066 г. Вильгельм Завоеватель провел успешную кампанию в Англии с войском в 5–7 тыс.чел., и вряд ли в операциях датчан в начале века были задействованы большие по численности силы. Проблема для англосаксов, как уже говорилось, состояла в плохом управлении войсками, нескоординированности действий, пороках администрации — от пассивности и неповоротливости до откровенного предательства. Разумеется, в таких условиях армия данов превышала и численностью, и боевыми качествами ополчение отдельно взятого графства, встречавшее противника в одиночку, без поддержки соседей и центральной власти, что случалось сплошь и рядом.

Как обычно, наибольшие потери пришлось на долю военного сословия — знати, тэнов, а также защитников бургов. Не зная в точности их число, можно, тем не менее, говорить о том, что они были весьма существенными, особенно в последний период войны; битвы Эдмунда Железнобокого с датчанами отличались исключительной кровопролитностью, а о битве при Эшингдоне хронист вообще писал, что «вся знать

¹ *Lund N.* Cnut's Danish kingdom // The reign of Cnut (сб.) P. 30–31.

² *Sawyer P.* From Roman Britain to Norman England. P. 253.

³ *Гуревич А.Я.* Походы викингов // Избранные труды. Т. 1. С. 105; История Европы. Т. 2. С. 180, 184.

⁴ EER. P. 21.

Англии погибла там»¹. Хотя это эмоциональное преувеличение, оно подчеркивает серьезность потерь. Что же касается прочего населения, то здесь цифры неизвестны, и приходится полагаться лишь на упоминавшиеся выше констатации хронистами крайней разрушительности набегов скандинавов. Логично предположить, что наибольший урон понесли прибрежные города и районы Уэссекса и Восточной Англии, где датские армии осуществляли ежегодные высадки для дальнейших операций на суше; вместе с тем, земли Области Датского права, принявшие сторону Свейна и Кнута, если и несли потери, то минимальные, что явствует из сообщения источников о том, как датское войско с миром прошло по этим территориям и принялось воевать и грабить лишь после пересечения их исторической границы. Соответственно, и элита этих областей понесла наименьший урон.

Серьезным бременем для страны стала постоянная выплата викингам «датских денег», сумма которых выросла с 16 тыс. до 72 тыс. фунтов серебром за период с 994 по 1018 г. Последняя сумма — это размер контрибуции, взятой Кнутом с покоренной страны в качестве жалованья войску перед его демобилизацией².

Таким образом, доставшаяся Кнуту Англия находилась в далеко не лучшем состоянии, пребывая в послевоенной разрухе. Проследим теперь, какими методами внутренней политики ему удалось превратить завоеванную страну в центр своей империи.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КНУТА: «НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ» И СОЗДАНИЕ СМЕШАННОЙ ЭЛИТЫ

Небезынтересен тот факт, что, в отличие от активного вооруженного сопротивления, оказанного англосаксами норманцам в 1066–1071 гг. (см. следующую часть настоящей работы), ничего подобного в случае с воцарением Кнута в Англии не имело места. Можно ли объяснить это только тем, что страна была обескровлена продолжительными военными действиями и уже не имела сил к сопротивлению? Нет, очевидно, здесь были более глубокие причины.

Кнут был избран на царство ассамблеей («гемотом») магнатов и первых лиц королевства в Саутгемптоне, что являлось естественной и необходимой для того времени процедурой легитимизации королевской власти³. По идее, эти люди должны были выражать интересы народа; но

¹ ASC//EHD. P. 227.

² Ibid. P. 228.

³ Florence of Worcester // EHD. P. 284.

либеральная историография XIX в. придала этому слишком прямую трактовку. Судя по многим примерам из истории средневековой Европы, народ в большинстве случаев следовал той линии, которую проводила элита, что воспринималось как естественный порядок вещей. Раннесредневековые государства с их неразвитым аппаратом управления основывались в значительной мере на личном авторитете и личных связях короля и прочих носителей власти, в том числе назначаемых им на места¹. Таким образом, власть Кнута, как и позднее власть Вильгельма Завоевателя, во многом зависела от налаживания отношений с элитой покоренной страны; одной военной силой можно захватить власть, но ведь удержать ее гораздо труднее. Кроме того, любой новой власти, тем более установившейся в результате завоевания, необходимо соответствующее идеологическое обеспечение, в средневековой Европе неизбежно имевшее религиозный, христианский оттенок. Попробуем разобраться поподробнее в этих важнейших аспектах правления Кнута.

Уже первые шаги Кнута после восшествия на престол продемонстрировали такой курс внутренней политики, который на современный манер можно было бы назвать «национальным примирением». В 1017 г. он женился на вдове Этельреда Эмме Нормандской, тем самым как бы подчеркивая преемственность своей власти с уэссекской династией в глазах англосаксов². В 1018 г. он распустил войско, с которым он завоевал Англию: получив вознаграждение в виде собранной по стране контрибуции, основная часть датской армии, состоявшая из отрядов отдельных предводителей, отбыла частично в Данию, частично — на службу к другим правителям и полководцам³. Армия, оставшаяся в непосредственном распоряжении Кнута, состояла теперь из 3-тысячного корпуса хускарлов — отборной королевской дружины, осуществлявшей, помимо военных, полицейско-административные функции, и флота в 40 кораблей с экипажами⁴. Кнут продемонстрировал намерение превратиться из завоевателя в защитника своего нового королевства, когда в том же 1018 г. разгромил, по сообщению Титмара Мерзебургского, эскадру викингов в 30 кораблей, пиратствовавшую у английского побережья⁵ (не исключено, что своих бывших соратников).

В 1019 г. было обнародовано «Послание короля Кнута к народу Англии». В нем Кнут всячески подчеркивает равенство всех своих подданных перед богом, королем и законом независимо от этнической

¹ Rumble A. Introduction: Cnut in context // The reign of Cnut... P. 6.

² EER. P. 33.

³ Lund N. Op. cit. P. 30.

⁴ Oman C. Op. cit. P. 588.

⁵ Thietmar of Merseburg // EHD. P. 231.

принадлежности — равенство как в правах, так и в обязанностях¹. В изданных сразу же вслед за этим «Законах короля Кнута» эта линия получает дальнейшее развитие. В прологе к ним говорится об «общей христианской справедливости для всех», а сами законы всецело подтверждают эту идею, с одной стороны, гарантируя равные права и равную ответственность для англосаксов и датчан в юридических делах, относящихся к компетенции короны (уголовные преступления, преступления против религии и нравственности), а, с другой стороны, демонстрируя известный либерализм в отношении местного, областного права (например, в Денло), особенности которого в сфере мелких вопросов (размеры вергельдов, и т.п.) сохранялись и уважались законом². Последнее, вероятно, способствовало популярности нового монарха среди населения тех или иных областей страны. Можно только гадать, какие эксцессы могли возникнуть в случае попытки Кнута унифицировать местные законы по датскому или даже уэссекскому образцу. Ведь местные особенности права были одним из существенных элементов локального самосознания, бывшего силой, вдохновляющей на борьбу с центральной властью во многих случаях. Поскольку эта борьба часто велась даже против «родных» королей, монарх-иноземец, завоеватель вынужден был действовать еще более тонко, чтобы не разбудить дремлющий дух сепаратизма, чреватого восстаниями и смутами.

Наконец, еще при вступлении на престол Кнут, по сообщению Флоренса Вустерского, торжественно обещал «править по законам короля Эдгара», эпоху которого рассматривали тогда как своего рода образец процветания и могущества Англии³.

Еще более продуктивным в процессе осуществления политики «национального примирения» стало сотрудничество Кнута с церковью, ставшей его подлинной опорой в этой политике. Идея христианского единства всех подданных его многонациональной державы и устойчивая приверженность имиджу христианского монарха красной нитью проходят через все царствование Кнута. По его инициативе началась целая кампания по строительству и освящению монастырей, церквей, памятных сооружений в местах отгремевших битв англосаксов с датчанами, что сопровождалось пышными поминальными церемониями в память всех жертв войны, независимо от их этнической принадлежности⁴. В частности, подобные действия с участием самого архиепископа Йоркского

¹ Cnut's letter to the people of England // EHD. Vol. 1. P. 415–416.

² Laws of Cnut // EHD. Vol. 1 P. 419–431.

³ Florence of Worcester // EHD. P. 286.

⁴ Ibid.; William of Malmesbury. P. 306.

Вульфстана и многих других духовных и светских лиц высокого ранга сопровождали основание церкви на месте битвы при Эшингдоне в 1020 г.¹ Это был глубоко символический акт, как бы демонстрировавший окончание англо-датской вражды. В 1023 г. состоялся перенос из Лондона в Кентербери мощей архиепископа Эльфги, убитого датчанами в 1012 г.; Кнут поддерживал и культ св. Эльфги, являвшегося жертвой недавней войны, и даже культ св. Эдмунда — короля Восточной Англии, погибшего от рук викингов еще в IX в. и также почитавшегося англосаксами; на его мощах в 1032 г. Кнут основал монастырь². Пропагандистское значение этих акций состояло в том, чтобы вселять мысль о полном разрыве Кнута с прошлым, как и его соратников, проливавших кровь христиан. Все это тем более примечательно, если вспомнить, что, например, отец Кнута прославился довольно суровым обхождением с церквями и священнослужителями в землях, подвергавшихся его набегам, а архиепископ Эльфги был убит ни кем иным, как людьми Торкеля Высокого, принявшего активное участие в поминальных церемониях при основании церкви в Эшингдоне³. Подобное «христианское перерождение» завоевателей страны должно было произвести впечатление на новых подданных.

Вообще, источники в один голос говорят о наилучших отношениях Кнута с английской церковью, об огромных пожертвованиях в ее пользу со стороны самого короля и его приближенных, больших земельных дарениях монастырям, зафиксированных соответствующими грамотами, о личном покровительстве Кнута многим монастырям, в том числе зарубежным⁴. Последнее связано с его визитом в Рим в 1031 г. с целью присутствия на коронации нового императора Священной Римской Империи Конрада⁵, в ходе которого Кнут песя уже, по всей видимости, об утверждении своей репутации христианнейшего монарха в общеевропейском масштабе, щедро раздавая милостыню, заботясь о паломниках, принимая покровительство над церквями и монастырями, в которых останавливался, в том числе в Сен-Бертене, где его мог лицезреть автор «Похвалы королеве Эмме»⁶. Помимо пропагандистского эффекта, религиозное рвение Кнута имело и материальный результат — освобождение английской церкви от уплаты подати в пользу папской курии. Учитывая

¹ Ibid.

² Florence of Worcester. P. 287–288; William of Malmesbury. P. 306.

³ Florence of Worcester. P. 286; Oman C. Op. cit. P. 559.

⁴ William of Malmesbury. P. 306; EER. P. 37; Keynes S. Anglo-Saxon charters. P. 158, 168, 218; Lawson M. Cnut: the Danes in England..., Appendix II P. 233–235.

⁵ Lund N. Op. cit. P. 41.

⁶ EER. P. 37.

все это, неудивительно, что Кнут состоял в наилучших личных отношениях со многими иерархами английской церкви¹.

Таким образом, сознавая свое положение монарха-иноземца в завоеванной стране, Кнут в полной мере использовал церковь, покровительствуя ей и получая взамен идеологическую поддержку с ее стороны. Практическое применение известного христианского постулата о том, что «нет ни эллина, ни иудея», в деле национального примирения между победителями и побежденными имело огромный положительный эффект: ничего похожего на то яростное сопротивление, которое англосаксы оказали во второй половине столетия Вильгельму Завоевателю, в царствование Кнута не происходило.

Причины этого следует искать также и во внутренней политике Кнута по отношению к светской знати, элите завоеванной страны. Здесь материальные аспекты имели, пожалуй, большее значение, чем идеологические, поскольку военная элита «мира викингов», как, впрочем, и рыцарство феодальной Европы, была в известной мере космополитичной, легко переходя с одной стороны на другую и меняя вождей, с которыми была связана узами личной договоренности. Выше приводилось уже достаточно примеров этому: карьера Торкеля Высокого, Олава Святого, судьба распушенной Кнутом армии, и т.д. Вместе с тем, усложнился и этнический аспект: английская элита еще с IX–X вв. стала в значительной мере англо-скандинавской, благодаря процессам ассимиляции первой большой волны норманнов, осевших на Британских островах в ходе военно-колониционного движения. В результате завоевания Англии Кнутом эту волну, уже улегшуюся, сменила новая — те, кто пришел вместе с Кнутом. Попробуем проследить ее воздействие на разных социальных уровнях.

Основным источником, позволяющим судить о масштабах проникновения пришлой знати в структуру англосаксонского общества, являются грамоты о земельных пожалованиях короны в адрес этой знати. Поскольку большинство этих источников находится непосредственно в Англии и малодоступно нам, приходится полагаться на труды британских исследователей, дающие достаточно полную картину по данной теме, а также на публикации грамот в сборниках исторических документов и в приложениях к научным монографиям. Это более чем оправданный подход, поскольку нас интересует не столько содержание грамот (довольно стандартное), сколько имена их адресатов и списки свидетелей данных процедур, позволяющие определить их этническую принадлежность и место в иерархии английской знати.

¹ Florence of Worcester // EHD. P. 287; EER. P. 35.

Легче всего прослеживается ситуация в среде высшей знати — эрлов (именно при Кнуде скандинавизм «эрл» — вариант слова «ярл» — вытеснил прежний англосаксонский термин «элдормен»¹). Об эрлах сохранились обширные сведения и в нарративных источниках. Следует отметить существенную эволюцию статуса эрла (элдормена) на протяжении X — первой половины XI в. Прежде элдормен был главой военно-административной власти в отдельно взятом графстве, реже — в двух-трех графствах, то есть, по сути, соответствовал статусу континентального графа. Но в ходе войн уэссекских королей за присоединение Области Датского права постепенно сложилась практика укрупнения эрлств до размеров нескольких графств с целью концентрации в одних руках более крупных воинских контингентов для ведения масштабных операций². К XI в., таким образом, эрлства разрослись уже до таких масштабов, что порой включали в себя целые исторические области страны, некогда бывшие варварскими королевствами — Мерсию, и другие. Кнут, завоевав Англию, ничего не стал менять в ее административно-территориальном делении, сочтя его, вероятно, вполне удовлетворительной. Зато, поскольку управление раннесредневековыми государствами, как уже отмечалось выше, основывалось фактически целиком на персональных назначениях и личных связях монарха с должностными лицами, Кнут с самого момента восшествия на престол стал осуществлять, выражаясь современным языком, кадровые перестановки в среде эрлов, неоднократно повторявшиеся затем на протяжении его царствования, хотя и не в таких масштабах, какой они приобрели в 1018–1021 гг.

Первой жертвой этих «чисток» стал Эдрик Стреона, остававшийся эрлом Мерсии: в 1018 г. он был демонстративно убит (фактически, казнен) во дворце Кнута, в присутствии короля и его приближенных, а тело его было с позором выброшено за городские стены³. Это было сделано в назидание всем присутствовавшим; для этики военной знати раннего средневековья, основывавшейся на личной преданности вождю, были важнее не практические результаты предательских действий Стреоны (как раз выгодных датчанам), а факт измены сюзерену, свидетельствующий о моральной неблагонадежности данного вассала и, соответственно, невозможности на него положиться. Схожая участь постигла, как упоминалось выше, и эрла Нортумбрии Утреда, также занимавшего в годы войны двойственную позицию. Были подвергнуты репрессиям или отправлены в изгнание бывший эрл большей части Уэссекса

¹ *Oman C.* Op. cit. P. 586; *Finberg H.* Op. cit. P. 167.

² *Sawyer P.* From Roman Britain to Norman England. P. 130; *Finberg H.* Op. cit. P. 167.

³ EER P. 31, 33; ASC // EHD. P. 227; Florence of Worcester // EHD. P. 284.

Этельверд, новый эрл Мерсии Леофвин, ряд других магнатов, чем-либо неблагонадежных с точки зрения новой власти. Страна в целом подразделялась теперь всего на 4 эрлства: Нортумбрию, Мерсию, Восточную Англию и Уэссекс. Последний Кнут взял под свое непосредственное управление как важнейшую в экономическом и стратегическом отношении часть страны, а эрлами остальных областей стали скандинавские магнаты из окружения Кнута: в Нортумбрии — норвежец Эрик, шурином Кнута, а с 1033 г. — англо-дан Сивард; в Восточной Англии — Торкель Высокий; в Мерсии — норвежец Хакон¹. В начале 20-х гг. в отдельные эрлства были выделены уязвимые в военном отношении пограничные районы: Глостер и Херефорд на уэльской границе и приморский Кент. Эрлами первых двух стали даны Эглав и Раниг (оба — активные участники завоевания Англии), а второго — англосакс Сиред². Таким образом, на первом этапе царствования Кнута в среде высшей светской знати наблюдалось преобладание скандинавов, притом из числа новоприбывших.

Однако, вскоре ситуация стала меняться в пользу англосаксов. Постоянные новые кадровые перетряски выдвинули англосаксов на должности крупнейших эрлов: Годвина — в эрлы Уэссекса (с 1020 г.), Леофрика — в эрлы Мерсии (с 1028 г.). Оба этих магната являлись наследниками могущественных аристократических фамилий, заняли при дворе видное место и, в конечном счете, превратились практически в наследственных герцогов, вместе с Сивардом определявших внутреннюю политику королевского двора после смерти Кнута (1035) и на протяжении всего царствования Эдуарда Исповедника (1042–1066)³. Непомерный рост влияния этих людей можно отнести, в принципе, к упущению Кнута в политике кадровых назначений, ведь, как отмечает Лоусон, «чистки» и перестановки, регулярно проводимые Кнутом, имели своей целью предотвратить появление возможных конкурентов в сфере власти из среды высшей знати, укрепление королевского единовластия⁴. Кстати, с этой же целью Кнут в самом начале своего царствования избавился от легитимных претендентов на престол со стороны уэссекской династии: в 1017 г. был убит брат Эдмунда Железнобокого Эдвиг — единственный потенциальный лидер сопротивления новой власти, и были отправлены к шведскому двору дети Эдмунда⁵. Но главное заключалось

¹ ASC//EHD P. 225, 227–228; Florence of Worcester //EHD. P. 284; Keynes S. Cnut's earls // The reign of Cnut... P. 49–59.

² Ibid. P. 59–65.

³ Oman C. Op. cit. P. 613.

⁴ Lawson M.K. Op. cit. P. 215.

⁵ ASC//EHD. P. 227; EER. P. 35.

в том, что королевский двор к 1030-м гг., как отмечает П. Стаффорд, стал англосаксонским по своему составу¹.

Такова была ситуация в высших кругах правящей элиты Англии. Что же касается массы рядовых представителей знати, пришедших в Англию с Кнутом, то критерием их, так сказать, оседлости на новой родине может служить их землевладельческий статус, поскольку, по логике, именно это являлось источником средств к существованию для воинского сословия в аграрном по своей экономической сущности обществе. Однако здесь то мы и сталкиваемся со спецификой «северного феодализма», если это можно так назвать. Для него были характерны ненаследственно-служилые, индивидуальные формы, основанные на личной преданности вождю и службе за материальное вознаграждение, пожалования «кормлений», участия в сборе дани (русское полюдьё, норвежская вейцла, и др.), да и феодальная иерархия как таковая сложилась лишь на уровне различий между крупными и мелкими феодалами, власть которых над населением напоминала скорее покровительство, нежели развитые феодальные отношения². Завоевание Англии Кнутом не сопровождалось конфискацией земель у англосаксов и раздачей их датским воинам. Последние служили либо за вознаграждение в виде ценной добычи и денег, как армия, распущенная Кнутом в 1018 г., либо на основе кодекса личной преданности королю, в сочетании с соответствующим жалованьем, как хускарлы — по сути, личная дружина короля, либо просто за деньги в качестве наемников, как экипажи боевых кораблей (литсмены, бутскарлы)³. Современные исследования в области локальной истории, археологии, генеалогии, впрочем, показывают, что раздача земель датчанам все же имела место; но, во-первых, процент датчан-землевладельцев, получивших свои земли при Кнуде, был ничтожно мал, а, во-вторых, это были по преимуществу ранее пустовавшие земли, поэтому ущемления интересов англосаксонских владельцев при этом не происходило; особенно много датчан было поселено на границе с Уэльсом, вероятно, с целью укрепления ее обороны против набегов бриттов⁴. Анализ грамот эпохи Кнута показал, что из 110 встречающихся в них имен тэнов (то есть, рядовой знати, рыцарства в континентальной терминологии) лишь 40 — скандинавские, причем из них еще значительную часть составляют имена

¹ *Stafford P.* Op. cit. P. 74.

² История Европы. Т. 2. С. 31, 189; *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // Избранные труды. Т. 1. С. 195.

³ *Hollister C.W.* Anglo-Saxon military institutions on the eve of the Norman Conquest. P. 12, 18; *Hooper N.* Military developments in the reign of Cnut // The reign of Cnut... P. 90, 94, 99.

⁴ *Lawson M.* Op. cit. P. 165, 167–170.

людей англо-скандинавского происхождения — коренных уроженцев Англии, чьи предки поселились здесь задолго до Кнута¹. Таким образом, поскольку в процессе оседания новой волны пришлой скандинавской знати в Англии имущественного ущерба для англосаксов не возникало, отсутствовал и один из важнейших поводов к сопротивлению пришельцам. Как мы увидим далее, ситуация в случае с нормандским завоеванием Англии будет совершенно обратной.

Характерен пример хускарлов (по-древнеанглийски — хускерлов): хотя некоторые из них имели земельные владения (очевидно, это было связано с особыми заслугами перед королем или с осуществлением фискально-административных функций в данной местности), подавляющее большинство их жило, по сути, на казарменном положении, в специально отведенных для этого местах или непосредственно при дворе². Что касается прочих новоприбывших данов-землевладельцев, то они были расселены практически по всей стране, что, очевидно, способствовало дальнейшему процессу англо-скандинавской ассимиляции, шедшему уже более 100 лет³.

В целом, можно констатировать, что внутренняя политика Кнута по отношению к знати всех рангов была направлена на скорейшее стирание межэтнических противоречий, комплекса враждебности между победителями и побежденными. Лояльность знати по отношению к короне, а не этническая принадлежность имела для Кнута приоритетное значение. Равенство в правах и имущественном статусе были, если можно так выразиться, «пряником» в этой политике, а кадровые перемещения и репрессии против представителей высшей знати — «кнутом», наказывавшим умышлявших что-либо в ущерб королевской власти.

ИМПЕРИЯ КНУТА: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Выше мы называли Англию своего рода «метрополией» в Империи Кнута. Рассмотрим на конкретных примерах, в чем это выражалось, чтобы выяснить, какое влияние оказывали друг на друга Англия и скандинавские владения Кнута в экономических и культурных делах, коль скоро о военно-политических все уже было изложено выше.

Вхождение Англии в Империю Кнута способствовало значительному оживлению англо-скандинавских торгово-экономических связей. Не-

¹ *Keynes S.* Cnut's earls // *The reign of Cnut...* P. 79.

² *Hooper N.* *Op. cit.* P. 90, 94.

³ *Lawson M.* *Op. cit.* P. 173; *Finberg H.* *Op. cit.* P. 195.

смотря на аморфность, непрочность раннесредневековых государственных образований такого рода, объединение разных территорий под одной властью имело положительный эффект для этих связей. Кроме того, следует вспомнить, что вся северная «циркумбалтийская» цивилизация (к которой можно в данном случае причислить и страны, омываемые Северным морем) держалась на морской торговле, которую в рассматриваемую эпоху прочно захватили в свои руки норманны, сменив в VIII–IX вв. прежних монополистов в этой области — фризов. Торговые, военные и колонизационные экспедиции викингов создали комплексную сеть межрегиональных связей от Исландии и Гренландии до Волги, Каспийского и Черного морей, служивших путями не только перемещения товаров, но и самих людей, их материальной и духовной культуры¹.

Археологические находки свидетельствуют о крайней интенсивности торговых связей в рамках самой Империи Кнута и с ее ближайшими соседями, особенно с мелкими государствами норманнов на побережье Ирландии и на островах Ирландского и Северного морей. Расцвет ряда английских городов, особенно на западном побережье страны, обязан своей причиной именно торговле с этими образованиями. Аналогично, «внутриимперская» торговля весьма способствовала росту и процветанию других морских портов Англии, особенно Йорка, превратившегося в крупнейший город с населением до 30 тыс. (!) чел. Клады монет английской чеканки, относящихся к эпохе Кнута, обнаружены во многих местах Скандинавии, Дании и других стран Европы, в том числе Руси, что свидетельствует об оживленном торговом обмене Англии со странами бассейна Северного и Балтийского морей².

Особенно интересен тот факт, что Кнут ввел в Дании английскую монетную систему, правда, различавшуюся на востоке и западе страны, в отличие от самой Англии. В Дании начали чеканить монету по английским образцам, и именно такие монеты в изобилии встречаются в кладах данного периода³. Кроме того, при Кнute было осуществлено новое административное деление Дании на «херреды» — территориальные единицы, в которых современные исследователи видят прямое копирование англосаксонских сотен⁴.

Важнейшим фактором культурного обмена Англии со скандинавскими владениями Кнута стала организация церковной жизни в Дании и

¹ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. С.100.

² Fisher D. The Anglo-Saxon age c 400–1042. P. 329–330; Sawyer P. From Roman Britain to Norman England. P. 204, 253.

³ Jonsson K. Cnut's coinage // The reign of Cnut... P. 195, 223, 230; Hill D. An urban policy for Cnut? // The reign of Cnut... P. 105.

⁴ Hill D. Op. cit. P. 104; Lawson M. Op. cit. P. 14.

Норвегии. Христианство в Англии имело уже 500-летнюю традицию, тогда как скандинавские страны были крещены совсем недавно, в значительной степени — насильственно, сверху, и новая религия с соответствующими ритуалами и организацией отнюдь не полностью прижилась там. Борьба королей-христианизаторов с языческой оппозицией продолжалась, причем исход этой борьбы зачастую зависел целиком от личности короля и его политики в этой области. Кроме того, в скандинавских странах не хватало подготовленных кадров для занятия церковных должностей, поскольку отсутствовали сами центры христианской учености — монастыри с вековыми традициями. В этих условиях Кнуту ничего не оставалось, кроме как «играть в эту игру на английском поле, английскими игроками и по английским правилам», по выражению Лоусона¹. Ведь в Англии эти проблемы были решены уже несколько столетий назад. При Кнуте входит в обычай практика назначения на церковные должности в Данию священников из Англии, реже — норвежцев, но получивших образование и возведенных в сан тоже в Англии². Так, англосаксы Бернанд, Гербранд и Регинберт получили места епископов Сконе, Зеландии и Фюна соответственно³. Впрочем, приглашение священнослужителей из Англии практиковалось еще в правление Свейна Виллобородого: Адам Бременский упоминает о некоем Одинкаре, датчанине, посвященном в сан в Англии и ставшим одним из церковных иерархов у себя на родине⁴. Но массовый характер это явление приобрело именно при Кнуте. Вместе с английским духовенством в скандинавские земли проникали английское церковное наследие, традиции. Все это вызывало, кстати, крайнее неудовольствие со стороны архиепископов гамбургско-бременских, ведших миссионерскую деятельность в Дании со времен конунга Годфрида (начало IX в.) и уже привыкших к своей монополии в этом деле. Кроме того, «конкуренция» со стороны английской церкви влекла за собой уход Дании из сферы влияния германских императоров, проводниками которого являлись гамбургские архиепископы. Эта скрытая напряженность порой прорывалась наружу, доходя до таких эксцессов, как, например, захват епископа Гербранда в заложники людьми гамбургского архиепископа. Впрочем, инцидент вскоре был исчерпан, а линия Кнута осталась прежней⁵. Д. Фишер отмечает значительный вклад англосаксонских служителей церкви в христианизацию скандинавских владений Кнута⁶.

¹ *Lawson M.* Op. cit. P. 130.

² *Lund N.* Op. cit. P. 40–41.

³ *Adam von Bremen.* P. 115.

⁴ *Ibid.* P. 97.

⁵ *Ibid.* P. 116; *Lund N.* Op. cit. P. 40.

⁶ *Fisher D.* Op. cit. P. 328.

Исходя из рассмотренных выше реалий, можно говорить о том, что внутренняя политика Кнута была направлена на превращение Англии в политический, культурный и религиозный центр его обширной державы, на стимуляцию процессов этнокультурной ассимиляции между скандинавами и англосаксами, на формирование естественным путем смешанной англо-датской элиты, преданной новому монарху (или, по крайней мере, должной быть таковой). Процессы эти пошли действительно плодотворно; исследования в области локальной истории, топонимики свидетельствуют об интенсивной англо-скандинавской ассимиляции в царствование Кнута на самых различных социальных уровнях. У прошлых скандинавов вошло в обычай давать своим детям англосаксонские имена, что, бесспорно, было прямым следствием смешанных браков: так, например, один из сподвижников Кнута Тофи Гордый назвал сына Этельстаном¹. Таким образом, даже высшая скандинавская элита была открытой для подобных союзов. Сам Кнут помимо официальной супруги Эммы имел (еще с 1014 г.) «гражданскую» жену — англичанку Эльфгифу, дочь эрла Нортгемптонского, родившую Кнуту двоих детей и впоследствии даже уполномоченную управлять в качестве регентши при сыне Свейне норвежскими владениями Кнута².

Процесс англо-скандинавской ассимиляции облегчался тем, что в XI в. норманны в большинстве своем уже не были язычниками, как во времена их первых завоеваний в Англии в IX в. Если, повествуя о событиях IX–X вв., англосаксонские хронисты постоянно называют скандинавов «язычниками», то в рассматриваемый здесь период этот эпитет уже практически не встречается. Хотя, как отмечает Лоусон, в войсках Свейна Вилобородого и Кнута, завоевавших Англию, было, вероятно, немало людей, придерживавшихся старой веры своих предков³, после взятия Кнутом курса на приоритет христианских ценностей в качестве идеологического фундамента, скрепляющего его полиэтничную империю, конфессиональные противоречия между скандинавами и англосаксами окончательно ушли в прошлое. Немаловажен и тот факт, что викинги, осевшие в Англии (и в других христианских странах) ранее, в IX–X вв., быстро христианизировались⁴, поэтому, вероятно, к началу завоевания Англии Свейном и Кнутом английское Денло давно уже было христианским по своему вероисповеданию.

Все это, конечно, не означает, что этнические различия между англосаксами и поселявшимися в стране скандинавами стерлись абсолютно.

¹ Ibid. P. 319–320; *Lawson M.* Op. cit. P. 167.

² *Fisher D.* Op. cit. P. 319–320.

³ *Lawson M.* Op. cit. P. 130.

⁴ *Fisher D.* Op. cit. P. 321; *Sawyer P.* *Kings & Vikings.* P. 137.

Так, например, повествуя о восшествии на престол Хардакнута (сына Кнута) в 1040 г., Уильям Малмсберийский указывает, что его «согласно выбрали англы и даны»¹. Этнокультурные особенности и традиции сохранялись у скандинавов в Англии, вероятно, еще на протяжении жизни многих поколений, к чему располагала статичность средневекового общества. Об этом можно говорить и на основании данных по Руси, где подобные особенности у потомков поселенцев-норманнов оставались вплоть до XIV в.² Однако проблема собственно межэтнического противостояния исчезла. Выражаясь попросту, англосаксам и скандинавам нечего было делить, живя в одном государстве, с одинаковыми правами, ценностями и укладом жизни. Хотя сама Империя Кнута распалась вскоре после его смерти, а в Англии в 1042 г. снова пришла к власти уэссекская династия в лице Эдуарда Исповедника, именно в Англии этническая политика Кнута достигла наиболее видимого успеха. Последующий период английской истории перед нормандским завоеванием (1042–1066) характеризовался распрями между локальными аристократическими группировками во главе с крупными эрлами, которые включали в свой состав и англосаксов, и скандинавов, и англо-данов, а также появлением нового — нормандского — фактора в политической истории страны, но никак не англо-скандинавской враждой. Напротив, правомерно говорить о постепенном складывании англо-скандинавского этнокультурного поля, в результате чего скандинавы стали сперва этнографической группой, а затем — составным элементом складывающейся английской народности. Однако, этот процесс был осложнен нормандским завоеванием, которому посвящен следующий большой раздел данной работы. Что же касается пребывания Англии в составе Империи Кнута в качестве центра этой империи, то в заключение можно сказать, что подобная роль Англии была определена самим ее уровнем социально-экономического и культурного развития, наиболее высоким среди стран северо-западного региона Европы.

ДАТСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ЦАРСТВОВАНИЕ КНУТА В ОТЗЫВАХ СОВРЕМЕННОКОВ

В заключение данного раздела коснемся темы восприятия современниками и более поздними авторами событий, связанных с датским завоеванием и правлением Кнута Великого. С сожалением приходится констатировать, что, в отличие от нормандского завоевания, отзывов

¹ William of Malmesbury. *Gesta regum Anglorum*. Vol. 1. P. 319.

² Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. № 10. 1997. С. 19.

современников по поводу этих событий сохранилось не в пример меньше, притом довольно однообразных и скурых на информацию. Связано это, очевидно, с тем, что, как уже говорилось, потрясения, вызванные нормандским завоеванием, заслонили собой для авторов второй половины XI–XII в. более ранние события; а ведь большая часть источников по ним, включая скандинавские саги, датируются этим, а то и более поздним временем. Что же до англосаксонских хроник, то их информация крайне лаконична и лишена аналитического характера. Поэтому при желании выяснить непосредственное отношение современников к датскому завоеванию, Кнуту, и т.д., чаще всего приходится довольствоваться пушкинской строчкой «народ безмолвствует» и полагаться на косвенную информацию, что и было сделано выше.

Отзывы и оценки средневековых авторов относятся в основном к личности Кнута как монарха. Поскольку практически все эти авторы являлись духовными лицами, внимание они заостряли преимущественно на его образе «христианнейшего короля», оказавшего массу благодетелей церкви и прославившегося своим благочестием. Флоренс Вустерский, Уильям Малмсберийский, Адам Бременский, безымянный автор «Похвалы королеве Эмме» практически в один голос говорят о его покровительстве церкви, строительстве им монастырей и храмов, участии Кнута в религиозных церемониях, поездке в Рим. Автор «Похвалы королеве Эмме» называет его защитником вдов, сирых и убогих, утверждает, что Кнут искоренял дурные законы и насаждал справедливые¹. Титмар Мерзебургский, упоминая о разгроме Кнутом пиратской эскадры викингов у берегов Англии в 1018 г., восторженно замечает: «Тот, кто прежде был вместе с отцом (Свейном Вилобородым. — М.Г.) захватчиком и разорителем страны, теперь стал ее единственным защитником»². Между прочим, Уильям Малмсберийский противопоставляет Свейна и Кнута: если первый, по его мнению, был не столько законным королем завоеванной страны, сколько «жестоким тираном», смерть которого была божьей милостью, то второй, наоборот, являлся образцом мудрого, справедливого государя, старавшегося во всем уравнивать англосаксов и датчан; последним, по словам Уильяма Малмсберийского, Кнут даже «меньше доверял власти», чем англосаксам³. Автор «Похвалы королеве Эмме» также подчеркивает, что Кнут всячески заботился о поддержании мира, правопорядка и спокойствия в пределах своей державы⁴, что было

¹ EER. P. 37.

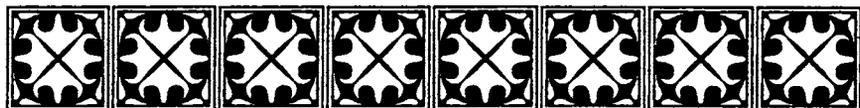
² Thietmar of Merseburg // EHD. P. 321.

³ William of Malmesbury. P. 306.

⁴ EER. P. 37.

весьма насущной проблемой в условиях богатого бесконечными войнами и насилием Средневековья, особенно если вспомнить бурный период английской истории от первых набегов норманнов до воцарения Кнута.

На основании всего этого можно заключить, что правление Кнута Великого характеризовалось относительным спокойствием, внутренней стабильностью и процветанием. Роль «отца нации», по всей видимости, вполне удалась Кнуту, а от личности монарха в государствах раннего Средневековья (да и не только) зависело, как уже говорилось, весьма многое. Нельзя не заметить, что в царствование Кнута сколько-нибудь явные внутривластные конфликты отсутствовали, чего нельзя сказать о правлении другого завоевателя Англии — Вильгельма Нормандского, о котором и пойдет речь далее.



ГЛАВА II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АНГЛИИ НАКАНУНЕ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Какова была политическая ситуация в регионе, ставшая фоном для нормандского завоевания? Как уже отмечалось выше, Английское королевство в середине XI в. после частых смен правящей верхушки и периода датского завоевания (Империя Кнута), было в известной степени формальной категорией. Нахождение в эпицентре бурных этнополитических процессов Северо-Западной Европы отнюдь не способствовало укреплению единого английского государства, а, наоборот, вело к политической раздробленности, именуемой в западной историографии удачным термином «регионализм». Власть короля на местах была тем слабее, чем дальше эти места находились от Лондона или Винчестера¹. Если X в. характеризовался централизаторскими усилиями Уэссекса, то теперь, после распада Империи Кнута, у англосаксов практически отсутствовало государственное единство, не говоря уж о национальном². «Регионализм» не возник случайно и вдруг; он подкреплялся теми самыми существенными культурными и социально-экономическими различиями в уровне развития областей, о которых говорилось выше. На юге Англии шло интенсивное развитие феодальных отношений на базе мелкопоместного землевладения, причем уровень развития этих отношений здесь не уступал континентальному «эталону», разве что система вассалитета не была так четко структурирована, как по ту сторону Ла-Манша. Англий-

¹ *Le Patourel J.* The Norman Empire. P. 59–60.

² *Douglas D.C.* The age of the Normans. P. 23.

ский феодал — тэн — держал землю от короля, служил в ополчении (фирде), платил налоги и в целом мало отличался от своего европейского собрата в классическом виде времен Карла Великого. При этом англосаксонскому феодализму были чужды такие пороки феодализма континентального, как, например, право частной войны (оформленное юридически), принцип «вассал моего вассала — не мой вассал», подрывающий военно-политическое единство правящей элиты. Таким образом, уэссекский феодализм был не менее высокоразвитым, чем континентальный; разве что самобытность англосаксонской культуры придавала ему своеобразный местный колорит¹.

Однако, что касается других областей Англии, там ситуация была иной. В бывшей Области Датского права (значительная часть Мерсии, Нортумбрия, Восточная Англия) социально-экономический уклад определялся преобладанием свободного крестьянства с неотчуждаемыми земельными участками. Как отмечает Стентон, если на Юге почти каждая деревня имела своего лорда, то на Севере и в Восточной Англии для крестьян не было господина рангом меньше короля, эрла или архиепископа². Вместо служилых феодалов южного типа здесь тон в политической жизни задавала местная родовая знать, патриархальная аристократия, мало чем обязанная королю и всегда обладавшая известной степенью независимости. Отсутствие права феодальной войны здесь с успехом восполнялось многовековой практикой междоусобиц, которые Дуглас называет традицией «злого и варварского прошлого»³. Во главе местных группировок знати стояли эрлы. Если обратиться к континентальной иерархии, то эрлство (earldom) — это аналог европейского маркграфства; изначально они создавались королевской властью на постоянно меняющихся границах Англии в эпоху ее объединения в IX–X вв.⁴ Поскольку королям было логичнее опираться на местную знать в вопросах защиты границ, эрлства обладали известной самостоятельностью в военно-административных вопросах, которые надо было решать оперативно, на местах. Но со временем эта самостоятельность превратила эрлства в почти независимые территориально-политические образования, лишь формально подчинявшиеся королю и ведшие подчас борьбу за престол, как и в царствование Эдуарда Исповедника. Так, сын Годвина — фаворита Кнута — Гарольд, будущий герой событий 1066 и король, был

¹ *Adam R.* A conquest of England P. 23,75; *Stenton F.M.* William the Conqueror & the rule of Normans. P. 13.

² *Stenton F.V.* Op. cit. P.13.

³ *Douglas D.C.* Op. cit. P. 25.

⁴ Часто в границах прежних варварских королевств эпохи гелтархии. В этом — один из источников сепаратизма.

эрлом Уэссекса. После распада Империи Кнута эрлства были уже не пограничными форпостами, а скорее наследственными владениями аристократических фамилий, проталкивавших в междоусобной борьбе интересы, естественно, местных группировок знати. Порядок передачи эрлской власти не был регламентирован: в XI в. мы видим и ее наследование, и назначение эрлов королем, и выборы их местной элитой (при формальном окончательном утверждении королем). В целом, похожий пример в Европе дает Австрия, превратившаяся из маркграфства в независимое герцогство. Впрочем, некоторые эрлства сохраняли свой пограничный характер (например, Нортумбрия). Но тенденция к их окончательному превращению в «удельные княжества», не подчиняющиеся центру, но влияющие на центр, усилилась. Почти каждый эрл имел свой двор, уитенагемот и другие атрибуты монарха. (Непосредственное же управление на местах осуществлялось через развитую систему местного самоуправления, мало нуждавшуюся во вмешательстве сверху, из центра). В борьбе за власть эрлы не брезговали помощью иноземных наемников и пиратов — викингов, фламандцев — разорявших страну¹.

В этнокультурном плане население бывшей Области Датского права тяготело к языку, обычаям и нравам своих предков-викингов. Именно население этих районов — Йоркшира, Восточной Англии, и т.д. — активно поддерживало все крупные операции скандинавов, начиная с борьбы против Уэссекса в середине X в. и кончая датскими рейдами против нормандцев уже в 1069–1075 (см. далее). И в культурном плане, и в политических пристрастиях земли бывшего Денло были ориентированы больше на Скандинавию, чем на Уэссекс, что было результатом обширных процессов колонизации и взаимной англоскандинавской ассимиляции IX–XI вв. Типичный пример — все та же Нортумбрия, яркий образец «регионализма», в XI в. представлявшая собой, по сути, независимое герцогство, разделенное к тому же на датский² Йоркшир (Дейру) и англскую Берницию; каждая из этих частей имела свою правящую династию и столицу (Йорк и Бамбург), и объединил их лишь в 1042–1043 гг. йоркский эрл Сивард, убив эрла Берниции Эдвульфа³. Таким образом, местная политическая жизнь замыкалась сугубо на местных же проблемах: тут были свои правители, свои войны, своя борьба за власть, и т.д. И все это не имело почти никакого отношения к столице Англии или к королевской власти, признаваемой лишь номи-

¹ Stenton F.M. Op. cit. P. 17–18.

² Имеется в виду этническая принадлежность йоркширцев, а не государственное подданство.

³ Kapelle W. Op. cit. P. 10–13, 26.

нально, и к общегосударственным делам вообще. Центр оказывал здесь минимальное влияние. В целом, характеризуя феномен «регионализма», обособленности крупных областей Англии от центра и друг от друга до нормандского завоевания, Стентон считает, что архаичному социально-экономическому укладу на местах соответствовали архаичные, варварские формы государственности¹. Можно несколько подкорректировать эту характерную для «англо-норманистов» точку зрения, верную по содержанию, но грубую по форме: для Стентона и других континентальный (а еще уже — французский) феодализм виделся идеалом исторического прогресса в Средние века, а все иные варианты — «отклонением от нормы». Мы не разделяем эту точку зрения, поскольку в отставании от лидера прогресса нет ничего постыдного — все не могут развиваться одинаково, — а самобытность вовсе не означает что-то плохое, особенно если учесть тот факт, что англосаксонская культура, в высшей степени самобытная, была в чем-то и выше континентальной². Другое дело, что англосаксонская государственность была менее развитой, чем в той же феодальной Нормандии; но такая самобытность, патриархальность выглядела вполне нормально в контексте германской Северной Европы, «мира викингов», к которому Англия, по большому счету, и принадлежала до 1066 г. Все характерные черты исторического бытия этого германского мира прослеживались и в англосаксонской Англии: крепость патриархальных отношений, преобладание свободного крестьянства, позднее развитие государственности и феодализма в его «французском» виде (да и то преимущественно в Уэссексе, наиболее близком по многим чертам развития к континентальным государствам). Таким образом, политическая жизнь донормандской Англии текла в своем обычном русле, как и 5 веков до того; ослабление центральной власти было лишь обычным колебанием исторического маятника, за которым могло последовать ее усиление, как уже было в X в. Что касается «мира викингов», то еще Грин подчеркивал, что те же датчане (количественно преобладавшие в скандинавской экспансии в Англию) являли собой как бы «вчерашний день» самих англосаксов, будучи выходцами даже с одной с ними прародины; схожие язык, нравы, культура, обычаи — все это сделало процесс взаимной ассимиляции быстрым и особенно прочным, означая для Англии скорее смену династий, чем уклада жизни³. В предыдущих главах нашей работы мы выяснили, что англо-скандинавс-

¹ *Stenton F.M.* Op. cit. P. 17–18.

² См.: *Barlow F.* The effects of the Norman Conquest // *The Norman Conquest, its setting & impact.* P. 35; *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. P. 678.

³ *Грин Дж.Р.* Краткая история английского народа. С. 61.

кие межэтнические отношения далеко не ограничивались схемой «завоеватели — завоеванные».

Какова была этнополитическая картина региона в целом накануне нормандского завоевания? Без ее рассмотрения нельзя обойтись, поскольку соседи Англии принимали самое непосредственное участие и в событиях 1066–1074 гг., и не только в них. Выше уже говорилось о тенденциях английской внешней политики того времени; рассмотрим их поподробнее.

Если история датского завоевания Англии в первой половине XI в., увенчавшаяся образованием Империи Кнута, была освещена выше достаточно подробно, то борьба с кельтами в этот период почти не рассматривалась, тогда как кельтский фактор в английской внешней политике был немаловажен на протяжении всего Средневековья. Впрочем, что касается, например, Ирландии, то в XI в. проблемы на этом направлении исходили не от кельтов, а от викингов, преимущественно норвежского происхождения, плотно заселивших в IX–X вв. восточное побережье острова и создавших там ряд городов-государств, крупнейшим из которых был Дублин; в X в. дублинские конунги даже воцарились в Йорке, сменив датскую династию¹. На протяжении XI в. редкая война и регионе обходилась без участия ирландских викингов, охотно шедших в наемники.

Что касается весьма размытой северной границы Англии, где располагалась полунезависимая Нортумбрия, то там с 70-х гг. X в. наблюдался рост и усиление королевства скоттов (будущей Шотландии), сложившегося к середине IX в. Ядром королевства скоттов в XI в. стал Лотиан — область на юго-востоке Шотландии от реки Твид до Эдинбургского залива, завоеванная скоттами в 940–960-х гг.² В юго-западной же Шотландии — в Гэллоуэе продолжило доминировать древнее королевство бриттов Стратклайд, в начале X в. оттеснившее англо-нортумбри с западного побережья и захватившее Камберленд (Камбрию)³ и большую часть нынешнего Ланкашира. Теперь граница с Нортумбрией проходила по Пеннинским горам; одновременно остаток побережья Ланкашира был занят ирландскими викингами, к тому времени настолько смешавшимися с самими ирландцами, что, например, Кэпелл выделяет их в особый народ — «гальвежцев» («Galwegians»)⁴. И Стратклайд, и

¹ *Stafford P.* Unification & conquest... P. 121.

² *Le Patourel J.* Op. cit. P. 57; *Kapelle W.* Op. cit. P. 10; *Stafford P.* Op. cit. P. 123; *Chibnall M.* Anglo-Norman England. P. 49.

³ Стратклайд часто именуют в литературе «Камбрией», что не вполне верно, так как Камбрия — южная часть Стратклайда — не входила в его историческое ядро, а была завоевана и позже снова утеряна.

⁴ *Kapelle W.* Op. cit. P. 10, 34–35; *Adam R.* Op. cit. P. 63.

«гальвежцы» первоначально выступали и против англосаксов, и против скоттов, но в XI в. наметилась тенденция к их сближению с королевством скоттов, особенно ввиду стратегических успехов йоркского эрла Сиварда, объединителя Нортумбрии, отбившего Камбрию у стратклайдских бриттов¹. В этих условиях Стратклайд после гибели короля Оуэна Лысого в битве при Карэме в 1018 г. формально признал вассальную зависимость от королей скоттов, хотя на деле эти два кельтских государства выступали скорее как военно-политические партнеры против англосаксов².

Сами скотты на протяжении всего XI в. имели крайне напряженные отношения с Нортумбрией. Поскольку в последней ситуация осложнялась упомянутым междоусобным соперничеством эрлских домов Йорка и Бамбурга, скотты неоднократно чинили успешные и разрушительные набеги, нанося поражения северянам (1018, 1040, 1046 гг. и т.д.). Ситуация изменилась в правление Сиварда (1033–1055 гг., эрл всей Нортумбрии с 1043 г.), наголову разбившего короля скоттов Макбета в 1054 г. объединенными силами северян. Проиграв войну, Макбет вскоре (в 1058 г.) был убит своим соперником, занявшим шотландский престол под именем Малькольма Кэнмора³. Позже, в годы нормандского завоевания Англии, Малькольм стал весьма значительной фигурой в местном политическом раскладе, покровительствуя англосаксонскому сопротивлению и эмиграции. Помимо этих соседей Англии, картину на Севере дополняли небольшие государства викингов на Гебридских, Оркнейских и Шетландских островах. Эти образования охотно участвовали во всякого рода пиратских набегах и авантюрах, в том числе в 1066–1074 гг.⁴

Не менее пеструю панораму представлял собой британский Уэльс — вторая крупная и враждебная англосаксам кельтская окраина, не прекращавшая борьбу за независимость с момента англосаксонского завоевания Британии. Формально Уэльс признал вассальную зависимость от уэссекских королей в середине IX в., но реально власть последних, и без того слабая на местах, не простиралась дальше укрепленных линий Уота и Оффы, худо-бедно защищавших Центральную Англию от набегов уэльских бриттов по линии р. Северн — Шрусбери — Честер. Эрлство Мерсия, в середине XI в. управлявшееся домом Леофрика, было изначально ориентировано именно на борьбу с Уэльсом. Сам Уэльс в XI в.

¹ *Kapelle W.* Op. cit. P. 35, 44.

² *Le Patourel J.* Op. cit. P. 58; *Stafford P.* Op. cit. P. 121.

³ *Kapelle W.* Op. cit. P. 46–47; *Douglas D.C.* Op. cit. P. 40–45.

⁴ *Stafford P.* Op. cit. P. 124; *Stenton F.M.* Op. cit. P. 176.

представлял собой конгломерат княжеств, боровшихся друг с другом, из которых сильнейшими были Гвинедд (Северный Уэльс) и Поуис (Средний Уэльс); далее, на юго-западе располагался Дифед (Дайфед), на юге — Морганнуг, Гвент, Кередигион (совр. Кардиган), и др. К описываемому времени, впрочем, прежние исторические области Уэльса уже были объединены в 4 королевства или княжества — Гвинедд, Поуис, Дехеубарт и Морганнуг. Подъем уэльских княжеств в XI в. связан с именем Гриффита ап-Ллевелина, короля Гвинедда с 1039 г.¹

Сразу же по восшествии на престол Гриффит автоматически становился и королем Поуиса, так как эти две области к тому времени управлялись одним монархом, а к 1055 г., покорив Морганнуг, стал, фактически, первым правителем объединенного Уэльса. Англосаксы испытали на себе силу Гриффита, когда он дважды, в 1039 и 1052 гг. разбил мерсийцев и помогавших им нормандских колонистов (под Уэлшпулом и Леоминстером); наконец, в 1055 г. Гриффит при поддержке ирландских викингов и изгнанного эрла Мерсии Эльфгара разрушил г. Херефорд. Кстати, Эльфгар вынашивал планы едва ли не завоевания Англии с помощью новых «союзников» — типичный пример «регионалистских» амбиций и устремлений местных англосаксонских элит (впрочем, ограничилось все женитьбой Гриффита на дочери Эльфгара Эдите.)² Чем больше росли силы Уэльса, тем беспокойнее становилась западная граница Англии, грозящая стать таким же «плавающим» рубежом, как и северная.

Наконец, на юго-западе, в Корнуолле, остатки бриттского населения не имели своей государственности уже несколько веков после их покорения английскими королями, и потому не представляли серьезной угрозы для Англии.

ПРОБЛЕМА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ И БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ (1064–1066 гг.)

Предыстория борьбы за английский престол уходит корнями в 50-е гг. XI в., в правление Эдуарда Исповедника, выросшего при нормандском дворе и потому благоволившего к нормандцам, что в итоге вызвало недовольство англосаксонской знати и изгнание в 1052 г. большинства нормандцев с занимаемых должностей и из страны в целом. Лидер англосаксонской аристократии Годвин — крупнейший земельный магнат и в прошлом фаворит еще Кнута Великого — фактически и возвел

¹ *Le Patourel J. Op. cit. P. 57; Stafford P. Op. cit. P. 120.*

² *Stafford P. Op. cit. P. 120; Adam R. Op. cit. P. 67–71; Chibnall M. Op. cit. P. 69–71.*

Эдуарда Исповедника на престол в 1042 г., женив короля на своей дочери Эдите. Реально в царствование Эдуарда Исповедника страной управлял могущественный уэссекский дом Годвинов, крепко державший рычаги управления государством и не боявшийся конкурентов в силу своей прочной позиции. Реальную конкуренцию ему составляли также дома мерсийских и нортумбрийских эрлов Леофрика и Сиварда. Этот «триумвират» и определял внутривполитическую ситуацию в стране.

Приобретавший все большее доверие Эдуарда Исповедника молодой эрл Гарольд, сын Годвина, умершего в 1053 г., провел блестящую военную кампанию против Гриффита ап-Ллевелина, нанеся ему в конце 1062 г. сокрушительное поражение и разрушив столицу Гвинедда Рудлан (кельтск. Rhuddlan). Не давая бриттам передышки, Гарольд в мае 1063 г. организовал большой поход в Уэльс при поддержке флота, в результате чего Гриффит был окончательно разбит и убит своими же приближенными, приславшими его голову Гарольду. Так, благодаря эрлу Уэссекса была ликвидирована угроза столкновения с единым Уэльским государством; военные силы Уэльса были подорваны, а сам он вновь распался на княжества, признавшие формальную зависимость от английской короны¹.

Уэльский триумф Гарольда окончательно усилил позиции последнего при дворе. К концу царствования Эдуарда Исповедника Гарольд был, фактически, правителем страны. Немаловажен тот факт, что его сестра Эдита была супругой короля. Личность Гарольда — будущего претендента на престол и последнего англосаксонского короля — освещена в источниках крайне противоречиво. Как нормандские хронисты, так и современные историки «англо-норманистской» школы дают ему отрицательную оценку: первые — с назидательно-дидактической моральной позиции своего времени, не учитывая всех тонкостей политической карьеры, всегда чреватой неоднозначными, порой и неблагоприятными поступками, компромиссами, хитростями; вторые осуждают Гарольда как типичного представителя анархически настроенной «удельной» аристократии, ставившей клановые интересы выше идеи единого государства и тем самым развалившей к 1066 г. английскую государственность. В частности, Стентон изображает приход к власти Годвинов в 1052 г. (в т.ч. и Гарольда) как путч, захват власти с помощью ирландских викингов и фламандских пиратов, обошедший жертвами среди мирного населения, подчеркивая «разбойничью» сущность англосаксонской знати — людей того самого «злого и варварского прошлого», о котором говорит

¹ Anglo-Saxon Chronicle (ASC). Oxford, 1964 (ed. by D. Whitelock), C, D. P. 135–139; William of Malmesbury. Chronicle of the kings of England. P. 256.

Дуглас¹. В свою очередь, англосаксонские хроники и историки-«патриоты» (Фримен, Холлистер) изображают Гарольда с лучших сторон, отмечая его заслуги в военном и государственном строительстве. В целом, можно сказать, что Гарольд, по-видимому, был типичным, хотя и ярким представителем англосаксонской знати, обладавшим многими личными достоинствами — физической силой, хорошими военно-организаторскими способностями; его деятельность в 1066 г. по укреплению государства и связей с регионами свидетельствует о политическом таланте. «Англо-Саксонская Хроника» также отмечает верную службу и военные успехи Гарольда в правление Эдуарда Исповедника в роли эрла Уэссекса².

Клан Годвинов, кстати, был многочисленным: у Гарольда было шесть братьев, в том числе двое монахов и двое павших вместе с ним при Гастингсе в 1066 г. (Гурт и Леофвин), а также Тости (Тостиг), выступивший против него³. Впрочем, об этом позже, так как сейчас мы вплотную подошли к борьбе за английский престол, собственно, и повлекшей за собой нормандское завоевание. Проблема заключалась в том, что в случае смерти бездетного короля Эдуарда права и претензии на престол имели в той или иной степени все претендовавшие стороны (см. ниже). Шансы Гарольда были оправданы скорее реальным ходом событий — его близостью к королю, заслугами, влиянием на рычаги управления, поддержкой всего дома Годвинов — крупнейших земельных магнатов Англии и традиционных (по иронии судьбы) монарших фаворитов еще со времен Кнута Великого, некогда назвавшего Гарольда (еще ребенка) своим наследником. Англосаксонские источники утверждают, что Эдуард еще при жизни назначил Гарольда своим преемником; в частности, об этом сказано в стихотворной эпитафии Эдуарду Исповеднику в «Англо-Саксонской Хронике»⁴.

Эту версию повторяет и Флоренс Вустерский, называя к тому же Гарольда «вице-королем», таким образом, имея в виду его восшествие на престол как нечто само собой предполагавшееся⁵. Прочие же, «пронормандские» источники категорически отрицают такую возможность по понятным идеологическим причинам. Полагаясь на здравый смысл, остается констатировать, что юридических прав на престол у Гарольда, строго говоря, не было; но он был живым выражением той власти аристократической олигархии, которая и была реальностью Англии при

¹ *Stenton F.M.* Op. cit. P. 54; *Douglas D.C.* Op. cit. P. 25.

² ASC. P. 139.

³ *Ordericus Vitalis. Historia Ecclesiastica. Vol. 2. P. 175.*

⁴ ASC. C. D. P. 139.

⁵ *Florence of Worcester. The chronicle of Florence of Worcester. Oxford, 1968. P. 168.*

формальном монархе Эдуарде, бывшем разве что «символом нации», не более того. Поскольку эта олигархия в известной мере опиралась на симпатии местного населения (той или иной области страны), она воплощала англосаксонскую политическую традицию, а отнюдь не «тиранию», в которой Гарольда упрекали нормандские историки¹.

Права на английский престол второго главного претендента — Вильгельма Нормандского — выглядели еще более двусмысленно. С генеалогической точки зрения, родство Вильгельма с уэссекской династией было весьма далеким: он был правнуком нормандского герцога Ричарда I (942 — 996), дочь которого, Эмма, сначала была женой английского короля Этельреда, имея от этого брака сыновей Альфреда и Эдуарда (Исповедника), а во втором браке — женой Кнута Великого. Но в борьбе за английский престол Вильгельм использовал не династические аргументы, а легенду о некоем обещании Эдуарда Исповедника сделать Вильгельма своим преемником. Об этом говорят нормандские и англо-нормандские источники, но различий здесь немало. Так, Гийом Жюмьежский пишет, что Эдуард обещал английскую корону Вильгельму еще в 1051 г., при посредничестве тогдашнего архиепископа Кентерберийского — нормандца Роберта². Ему вторит Гийом из Пуатье, утверждая, что Эдуард, «любивший герцога Вильгельма как сына или брата», завещал ему трон, но не раньше, а «перед смертью»³. Наконец, Уильям Малмсберийский указывает, что Эдуард завещал Вильгельму престол, «умирая»⁴ — то есть, в начале января 1066 г. Далее нормандские авторы все как один повествуют о путешествии Гарольда в Нормандию, причем Гийом из Пуатье и Гийом Жюмьежский в качестве цели этой поездки указывают повеление Эдуарда Гарольду подтвердить присягой перед Вильгельмом обещание о назначении того преемником; таким образом, визит Гарольда в Нормандию был якобы чем-то вроде посольства⁵. Оригинальную мотивировку поездки Гарольда и Нормандию дает Эдмер. Он считает, что Гарольд отправился ко двору Вильгельма по личной инициативе (хотя и с одобрения Эдуарда Исповедника) с целью вернуть домой своих родственников — брата Вульфнота и племянника Хакона (сына другого брата — Свейна) — находившихся там в качестве заложников со времен смуты 1052 г.⁶ Далее следует история пленения Гарольда,

¹ Ordericus Vitalis. P. 135; William of Poitiers. Deeds of William, duke of Normans and king of English // EHD. Vol. 2. P. 218.

² William of Jumieges. Deeds of the Norman dukes // EHD. Vol. 2. P. 215.

³ William of Poitiers. P. 217.

⁴ William of Malmesbury. Chronicle of the kings of England. P. 253.

⁵ William of Jumieges. P. 215; William of Poitiers. P. 217.

⁶ *Eadmer*. Historia novorum in Angliae. P. 6.

занесенного штормом несколько в сторону от предполагаемого маршрута, и его вызволения Вильгельмом; дальнейшая клятва Гарольда, по Эдмеру, видится своего рода принудительной благодарностью за это освобождение и последующее гостеприимство¹. Впрочем, о клятве далее. Что же до версии Эдмера, то ее частично разделяет и Уильям Малмсберийский; но он, однако, утверждает, что Гарольд был занесен штормом в Нормандию во время морской прогулки; о целях же этой «прогулки», как и о заложниках, ничего не говорится; прогулка видится как чисто развлекательное мероприятие². Скандинавская «Сага о Харальде Суровом» утверждает то же самое, называя первоначальной целью морской поездки Гарольда Уэльс («Бретланд»)³.

Несмотря на большую убедительность версии Эдмера, последнюю точку зрения разделяют и современные британские ученые⁴. Но вообще, следует заметить, что эта поездка, каков бы ни был ее характер, состоялась в 1064 г., а Эдуард Исповедник умер в 1066 г., поэтому завещать Вильгельму престол, «умирая», он вряд ли мог. Так или иначе, ступив на нормандский берег, Гарольд якобы был захвачен в плен местным феодалом Ги де Понтье, вассалом Вильгельма, откуда он и был вызволен самим герцогом. Дальнейшее пребывание Гарольда в гостях у Вильгельма включало в себя участие в застольях, увеселениях и даже в военной экспедиции против бретонцев, где Гарольд якобы показал себя с лучшей стороны и вообще стал едва ли не другом Вильгельма. Кульминацией поездки, по версии нормандских и англо-нормандских авторов, стала пресловутая клятва Гарольда Вильгельму, принесенная на алтаре и святых мощах, в присутствии цвета нормандской знати. Суть присяги подробно изложена Гийомом из Пуатье: Гарольд якобы обязался быть полномочным представителем нормандского герцога при дворе короля Эдуарда, пока тот будет жив, далее — содействовать передаче престола Вильгельму (согласно «завещанию» Эдуарда), предоставить Дуврский замок для размещения нормандского гарнизона и другие места — аналогично в дальнейшем, по выбору Вильгельма; сам Гарольд якобы принес оммаж герцогу и получил в вассальное владение Дувр⁵. Кстати, Фримен считал эту клятву (всю) одним рыцарским оммажем при посвящении Гарольда в рыцари за доблесть в бретонской кампании, то есть, исключительно частным актом⁶, никак не дающим прав кому-либо на престол, и т.п.

¹ Ibid. P. 7.

² William of Malmesbury. Op. cit. P. 254.

³ Сага о Харальде Суровом // *Снорри Стурлусон*. Круг земной. С. 448–449.

⁴ Adam R. Op. cit. P. 77.

⁵ William of Poitiers P. 217–218; William of Malmesbury. P. 254–255.

⁶ Freeman E. The history of the Norman conquest of England. Vol. 3. P. 135.

Неясность характера поездки Гарольда придает сомнительный характер клятве, если таковая была. Ведь если Гарольд давал ее в качестве частного лица, случайно попавшего ко двору Вильгельма, то вряд ли она имела какой-либо вес с юридической точки зрения, как и с моральной тоже. Если Вильгельм оказывал давление на Гарольда, зная о реальном влиянии того на государственные дела в Англии, то такая клятва и вовсе выглядела бы грубой политической фальшивкой, хотя политике, по большому счету, и чужда шепетильность. Что касается «посольского варианта», то дай Гарольд клятву хотя бы в качестве тайного доверенного лица Эдуарда Исповедника, она бы еще что-то значила. Но полное умолчание об этом со стороны англосаксонских источников и столь серьезные разночтения в нормандских (см. выше) ставят под сомнение достоверность легенды о клятве.

Точно не известно даже место этого события: Ордерик Виталий называет Руан, гобелен из Байе — Байе, современные исследователи — местечко Бонневиль-сюр-Тук¹. Еще одна подробность из ряда полумифологических — якобы обручение Гарольда с одной из дочерей Вильгельма, должное подкрепить клятву, причем невеста умерла несовершеннолетней, дав, таким образом, по мнению Уильяма Малмсберийского, «предлог Гарольду освободить себя от клятвы»². О помолвке упоминает и «Сага о Харальде Суровом», но при этом ничего не говорит о клятве³.

Все эти разночтения, несоответствия изменили отношение историков к легенде о клятве Гарольда. Если Тьерри в своей книге «Завоевание Англии норманнами» дал красочную, но являющуюся художественным вымыслом картину присяги Гарольда перед лицом нормандской знати, то в наши дни блестящий источниковед А. Грансен считает всю эту историю ничем не подтвержденной и изначально вымышленной для придания вторжению в Англию легитимной окраски⁴. Более того, комментаторы «Песни о битве при Гастингсе» отмечают, что и пресловутое обещание Эдуардом Исповедником трона Вильгельму ничем не подтверждено⁵. Исчерпывающее мнение по этому поводу дал современный переводчик Уильяма Малмсберийского: «Это один из самых неясных моментов нашей (то есть английской — *М.Г.*) истории»⁶. Другое дело, что именно эта легенда была успешно использована нормандским герцогом для завоевания симпатий папства и общественного мнения Евро-

¹ Ordericus Vitalis. P. 135; *Gransden A. Op. cit.* P. 102.

² Ordericus Vitalis. P. 137; *William of Malmesbury.* P. 271.

³ *Saga о Харальде Суровом* // *Круг земной.* С. 449.

⁴ *Gransden A. Op. cit.* P. 102.

⁵ *Guy of Amiens. Carmen de Hastingae proelio.* P. 47, примеч.

⁶ *William of Malmesbury.* P. 253, примеч.

пы (насколько можно говорить об общественном мнении применительно к XI в.), и для оправдания вторжения в Англию. Но об этом ниже.

Что же до претендентов на престол, то, по иронии судьбы, наиболее законное право на него были у слабейшего из трех кандидатов — Эдгара Этелинга¹, внука Эдмунда Железнобокого и, следовательно, потомка королей уэссекской династии. К моменту нормандского завоевания Эдгар был еще подростком, почти ребенком, поэтому, выйдя на арену политической борьбы позже, он так и не стал символом-объединителем англосаксов в борьбе с нормандцами.

Таков был политический расклад на момент смерти Эдуарда Исповедника 5(6) января 1066 г. Уже на следующий за этим день кандидатура Гарольда была одобрена уитенагемом, и он был тут же коронован в качестве избранного монарха. Поражает быстрота этих событий; хотя Фримен всячески подчеркивал «всенародное признание» Гарольда² (так как уитенагемот — Совет Мудрых в контексте либеральных иллюзий Фримена виделся ему органом народной демократии), в наше время аристократический характер уитенагемота вряд ли может вызывать сомнения. Гарольд был избран магнатами, и «демократизация» этого органа неуместна. Важно другое: Флоренс Вустерский писал об избрании Гарольда влиятельными людьми всей Англии³, но Фримен резонно полагает, что количественно знать южных графств — то есть, фактически, вассалы дома Годвинов — преобладала на Совете. Север и другие окраины просто не могли за такой короткий срок прислать своих представителей⁴. Поэтому вся процедура избрания нового короля отнюдь не кажется «общееанглийской». Недаром одним из первых мероприятий Гарольда в ходе его короткого царствования стала поездка на Север, своего рода презентация нового короля тамошней элите (длилась до середины апреля 1066 г.) Этот внутривнутриполитический шаг кажется тем более мудрым, что из прежних уэссекских королей вообще мало кто утруждал себя подобными поездками, что только усиливало оторванность окраин от центра. Поездка Гарольда в сопровождении видного деятеля церкви епископа Вульфстана Вустерского предотвратила возможный рост недовольства северной знати скороспелым избранием короля без ее участия⁵. Отступая немного назад, нельзя не вспомнить такого важного деяния Гарольда из этой области, как урегулирование (еще в царство-

¹ «Этелинг» — традиционное наименование престолонаследника в уэссекской династии (ср. франц. «дофин», исп. «инфант»).

² *Freeman E.* Op. cit. P. 25–26, 70, 265.

³ *Florence of Worcester.* P. 168.

⁴ *Freeman E.* Op. cit. P. 56.

⁵ *Ibid.* P. 60–63.

вание Эдуарда) кровавого междоусобного конфликта в Нортумбрии в 1065 г., когда в октябре местная знать подняла восстание против уэссекского ставленника Тости (брата Гарольда), не только проводившего там чересчур жесткую налоговую политику, но и вмешавшегося в местную борьбу аристократических группировок, что повлекло за собой вероломные убийства людьми Тости некоторых местных магнатов. В ответ на это северяне вырезали отряд Тости в Йорке, и далее смута, сопровождавшаяся разбойными погромами, стала распространяться все южнее, перекинувшись и в Линкольншир. Спас дело Гарольд, встретивший войско повстанцев в Нортгемпtone, где они собирались разграбить земли Тости, и уладивший конфликт ценой осуждения и изгнания собственного брата из страны, и признания новым эрлом Нортумбрии избранного бунтовщиками Моркара. Тости эмигрировал во Фландрию, так как его жена была фламандкой¹.

Говоря об избрании Гарольда на престол, «Сага о Харальде Суровом» резонно отмечает, что в руках Гарольда была и государственная казна, и симпатии большинства присутствовавших, говоря современным языком, «избирателей» (то есть, надо понимать, южной знати); кроме того, он якобы представил свидетелей завещания покойным Эдуардом трона в его пользу². Было ли это хитрым трюком Гарольда из тогдашнего арсенала «политических технологий», или нет — неизвестно; но реальная влияние Гарольда, отмеченная сагой, не подлежит сомнению.

В целом, характеристика царствования Гарольда в англосаксонских и нормандских источниках сильно различаются. Нормандские авторы всячески клеймят Гарольда как «тирана», «братоубийцу», «узурпатора» и «клятвопреступника», соответственно видя в лице Тости оппозицию «тирании»³. «Одни покорились тирану, другие впали в гнев», — писал Ордерик Виталий, имея в виду под «другими» Тости⁴. Но на деле тенденциозный стиль нормандцев исключает сколько-нибудь серьезную аргументацию. Уильям Малмсберийский, представляющий более позднее поколение историков, относится к Гарольду уже спокойнее, говоря, что тот правил «справедливо и храбро»⁵. Флоренс Вустерский, олицетворяющий англосаксонскую летописную традицию, отмечает в качестве заслуг Гарольда мудрое законодательство, борьбу с преступностью, взвешенную административную и церковную политику, хорошие личные

¹ Florence of Worcester. P. 167; Stafford P. Op. cit. P. 96.

² Сага о Харальде Суровом. С. 449.

³ Ordericus Vitalis P. 135–136. 139,171; Guy of Amiens. Carmen de Hastingae proelio. P. 11.

⁴ Ordericus Vitalis. P. 139.

⁵ William of Malmesbury. P. 255.

отношения со многими церковными прелатами, заботу об обороне страны¹. Все это заслуживает большего доверия ввиду отсутствия у Флоренса пропагандистских целей. В целом, Гарольд и до, и после воцарения показал себя как удачливый полководец и неплохой (на уровне местных проблем) политик. Что же до Тости, то здесь личная драма Гарольда переплелась с политической, и добавить к этому нечего. По мнению автора «Саги о Харальде Суровом», Тости погубило также стремление самому сесть на английский престол вместо брата, и возникшая не в последнюю очередь на этой почве ненависть к более удачливому и популярному Гарольду привела Тости к междоусобной вражде с ним².

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ 1066 г. И НОРМАНДСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Тем временем избрание Гарольда вызвало соответствующую реакцию в Нормандии. В источниках мало освещен факт посольства Вильгельма к Гарольду с требованиями объяснений; подробно об этом пишет лишь Фримен, датируя посольство серединой января 1066 г. и отмечая его бесплодность³. Между тем, это и стало отправным пунктом подготовки Вильгельма к вторжению; в то время как Гарольд отправился в Нортумбрию, в Лилльбонне собралась ассамблея баронов, обсудивших этот вопрос. В напряженных дискуссиях ассамблея пришла к одобрению идеи вторжения в Англию — в немалой степени благодаря увещеваниям Гийома фиц-Осберна, ближайшего соратника герцога Вильгельма⁴.

В подготовке вторжения можно выделить такие основные направления, как материально-организационные (набор войск, строительство флота) и пропагандистско-дипломатическое. Что касается первого, то П. Стаффорд считает, что на саму разработку операции сильно повлиял пример Тости, собиравшего в апреле 1066 г. во Фландрии флот для реванша. Но трудно согласиться с ее выводами о том, что этот флот был решающим в привлечении внимания Вильгельма к ситуации в Англии⁵. Так или иначе, строительство флота и набор добровольцев заняли почти все лето 1066 г. Тем временем нормандская дипломатия блестяще справилась со своими задачами: Вильгельм посылал посольства в Данию, Германию, Фландрию, наконец, к папскому двору. Результаты не заставили себя ждать: соседние с герцогством державы согласились хранить нейтралитет.

¹ Florence of Worcester. P. 168.

² Сага о Харальде Суровом. С. 449.

³ William of Malmesbury. P. 272; Freeman E. Op. cit. P. 266.

⁴ Freeman E. Op. cit. P. 292–294, 298–300.

⁵ Stafford P. Op. cit. P. 96.

тет¹. Далее была блестяще разработана идея религиозного «оформления» грядущего мероприятия, автором которой, по мнению Фримена, был Ланфранк² — видный нормандский прелат, один из ближайших сподвижников Вильгельма. Благодаря тезису о религиозной необходимости покарать конкретно Гарольда за «клятвopеступление», нормандское завоевание Англии стало чем-то вроде репетиции Крестовых походов, завершившись всего за 15 лет до их начала. Идея похода — принести в Англию «духовное оздоровление» — заметна даже у Уильяма Малмсберийского, резко критиковавшего англосаксов за «разложение нравов и церкви». Между тем, по остроумному замечанию Фримена, реальным «грехом» английской церкви была ее независимость от Рима, национальная обособленность³.

Вильгельм обратился к папе Александру за морально-идеологической поддержкой похода и получил ее, вместе с освященным знаменем и другими реликвиями; Гарольд же то ли из-за невнимания, то ли из боязни за судьбу послов, не проявил аналогичной дипломатической активности и в итоге проиграл, оставшись в одиночестве. Правда, в Риме далеко не все были склонны поддерживать Вильгельма; решающее мнение в его пользу высказал Гильдебранд, повлияв на решение папы⁴.

Тем временем в мае 1066 г. Тости с наемным войском из фламандцев при 60 кораблях совершил давно планировавшийся набег на английские берега — сперва на о. Уайт и южное побережье, откуда, однако, его отпугнули соответствующие военные приготовления Гарольда, а затем — в Норфолк, где был разбит местным ополчением у местечка Брунемюэ, и, наконец, в Линдсей и Йоркшир, где его окончательно разгромили братья-эрлы Эдвин и Моркар. Поскольку отряд Тости был сравнительно небольшим — Адам оценивает его численность в 1 тыс. чел. — и состоял из иностранцев, все мероприятие вылилось в банальный пиратский набег, с грабежами и поджогами, отпор которому со стороны англосаксов был более чем закономерен⁵. Тости едва ушел в Шотландию всего с 12-ю кораблями⁶. Фримен считал набег Тости частью плана Вильгельма Нормандского, пробой сил, всячески подчеркивая связь Тости с Вильгельмом⁷. Однако скорее Тости был «независимой

¹ William of Poitiers. P. 219.

² Freeman E. Op. cit. P. 272.

³ William of Malmesbury. P. 279–280; Freeman E. Op. cit. P. 284–285.

⁴ William of Malmesbury. P. 273; Freeman E. Op. cit. P. 318–322.

⁵ ASC P. 140–141; Florence of Worcester. P. 168; Stenton F.M. Anglo-Saxon England. P. 578; Adam R.J. A conquest of England. P. 85.

⁶ ASC. P. 141.

⁷ Freeman E. Op. cit. P. 307.

переменной», вовсе не являясь пешкой Вильгельма в игре, поскольку легко примкнул к последующей экспедиции норвежского короля Харальда Сурового в Англию, мало связанной с планами и интересами нормандской дипломатии. Иными словами, Тости было абсолютно все равно, на чью помощь рассчитывать в осуществлении своей узкоклановой по характеру мести. «Сага о Харальде Суровом» повествует о том, как Тости сначала обратился за помощью к датскому королю Свейну Эстридсену, предлагая тому английскую корону в случае победы, а затем, не встретив у Свейна желания помогать ему, столь же легко предложил то же самое норвежскому королю Харальду Суровому, обещая тому пронорвежский «электорат» в Англии и предлагая себя на пост эрла Нортумбрии в будущем англо-норвежском королевстве¹ (очевидно, должном повторить собой Империю Кнута).

Касаясь экспедиции Харальда Сурового², следует сказать, что в источниках не отражено наличия каких-либо совместных планов его и Вильгельма по вторжению в Англию осенью 1066 г., как и свидетельств дипломатической активности между Нормандией и Норвегией. Если кто и призывал Харальда к совместным действиям — так это Тости и, возможно, какие-то его сторонники в Нортумбрии, но не Вильгельм; Флоренс Вустерский, повествуя о совместной высадке Харальда и Тости в Англии (см. ниже), говорит о том, что это было спланировано ими заранее³. Совпадение же норвежского вторжения по времени с нормандским оказалось, по-видимому, в большей степени именно совпадением, а не результатом скоординированных действий, хотя само по себе существование связей между Харальдом Суровым и Вильгельмом не исключается. Харальд, которого иногда называют «последним викингом», прожил жизнь воина-авантюриста, и захват Англии должен был стать его самой большой авантюрой, скорее спонтанной, чем давно планируемой.

Тем временем Гарольд все лето провел на о. Уайт, где им были собраны войска и флот еще в момент рейда Тости, ожидая нападения Вильгельма, о планах которого Гарольд знал. Однако нормандцы еще только строили флот. К 8 сентября 1066 г. регламентированный срок службы у ополчения (фирда) вышел, и Гарольду ничего не оставалось, как ввиду отсутствия врага, распустить фирд по домам, а флот вернуть в Лондон⁴. Так, по иронии судьбы, Гарольд не дождался «опаздывавшего» противника, будучи при оружии. Только в середине августа 1066 г.

¹ Сага о Харальде Суровом. С. 450–451.

² Флоренс Вустерский путает его с другим норвежским королем — Харальдом Харфагером (Прекрасноволосым), жившим в X в. Florence of Worcester. P. 169.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 168–169; ASC, C. P. 142.

нормандский флот был достроен и собран в устье р. Див, а попутного ветра для такого сложного по тем временам мероприятия, как транспортировка большого войска через Ла-Манш, пришлось ждать еще полтора месяца. О том, что Гарольд знал о намерениях Вильгельма, говорит тот факт, что он посылал шпионов в гавань Див, причем один из них был пойман и отпущен в качестве дипломатического гонца¹.

После роспуска ополчения Гарольдом события стали нарастать как снежный ком. 12 сентября 1066 г. флот Вильгельма отплыл из порта Сен-Валери, куда ранее перебазировался из Дива; ожидание попутного ветра сопровождалось пышными религиозными церемониями, должными поддержать дух войска². Наконец, 28 сентября состоялось отплытие. Тем временем флот Харальда Сурового, со своей стороны, также двинулся в сторону Англии, явно опережая нормандцев. Силы Харальда Адам оценивает в 200 кораблей и 6 тыс. воинов, хотя хронисты, как это часто бывало, явно завысили цифры: «Англо-Саксонская Хроника» говорит о 300 кораблях, Флоренс — о 500-х.³ Тем не менее, это были значительные силы, превышавшие по численности войско самого Вильгельма. Отплыв из Согне-фьорда, очевидно, в первых числах сентября 1066 г., норвежский флот сделал остановку на Оркнейских островах, ставших чем-то вроде базы экспедиции, где к нему примкнули силы местных викингов под руководством ярлов Пауля и Эрлинга; затем флот соединился в устье р. Тайн с эскадрой вернувшегося из Шотландии Тости и 10 сентября вошел в Хамбер, направившись к Йорку. Поскольку морских сил в должном количестве у англосаксов на Севере не имелось, эрлы Эдвин и Моркар попытались разбить нападавших на суше, но 20 сентября потерпели сокрушительное поражение при Фулфорде, близ Йорка, где во время бегства многие англосаксы утонули в р. Уз⁴.

Такой поворот событий заставил Гарольда на время забыть об опасности из Нормандии и срочно идти с войсками на север — еще и потому, что после поражения при Фулфорде знать Севера была готова не только на мир с Харальдом Суровым, но и на союз с ним, присягнув ему на верность (видимо, не в последнюю очередь под впечатлением от результатов разгрома при Фулфорде)⁵ — очередной случай, когда скандинавский король был для северян предпочтительнее уэссекского. Поэтому для Гарольда отражение норвежского вторжения означало не только

¹ William of Poitiers. P. 220; *Freeman E.* Op. cit. P. 386, 396.

² William of Poitiers. P. 220.

³ *Adam R.* Op. cit. P. 95; Florence of Worcester. P. 169; ASC. P. 142.

⁴ Florence of Worcester. P. 169; ASC. P. 142; *Cara* о Харальде Суровом. С. 453–454; *Stenton F.M.* William the Conqueror... P. 176.

⁵ *Cara* о Харальде Суровом // *Круг земной.* С. 455; *Adam R.* Op. cit. P. 95.

военную операцию, но и сохранение территориальной целостности королевства, своего рода проверка нового короля на прочность его власти. Наспех собрав войска, Гарольд совершил марш-бросок на север, где и разбил норвежцев 25 сентября 1066 г. при Стэмфорд-Бридже, на берегу р. Дервент, причем в битве, отличавшейся исключительным упорством и кровопролитностью, погибли и Харальд Суровый, и Тости¹. Это и послужило впоследствии предлогом для нормандских историков к обвинению Гарольда в «братоубийстве», хотя применительно к войне, где Тости в союзе с иноземцами напал на собственную родину, это вряд ли обосновано, тем более что нигде не зафиксирован факт убийства Тости лично Гарольдом. Вообще, поскольку междоусобицы были нормой для Средневековья, выделять данный случай как особо «злодейский» по меньшей мере странно.

Судьба же собственно норвежского флота ясна в общих чертах. Версия «С» «Англо-Саксонской Хроники» утверждает, что в Норвегию ушли все корабли, но «Д» говорит только о 24-х; ей вторит и Флоренс Вустерский, называя цифру в 20 кораблей (хотя обычно он следовал версии «С»)². Последний вариант убедителен, учитывая гибель в двух битвах большей части норвежских воинов, составлявших одновременно и экипажи кораблей.

Итак, Гарольд обеспечил безопасность своего королевства со стороны Норвегии; от присутствовавших сына Харальда Сурового Олава и ярла Оркнейских островов были получены гарантии мира, после чего норвежцы были отпущены восояси без препятствий. Но, в свою очередь, силы самих англосаксов были подорваны основательно; в битве при Стэмфорд-Бридже погибли лучшие части Гарольда³, тогда как на юге 28 или 29 сентября высадился Вильгельм Нормандский. Впрочем, об этом Гарольд еще не знал, празднуя победу в Йорке. Нормандцы высадились в Пивенси, сделав затем своей «штаб-квартирой» Гастингс, расположенный неподалеку.

Хронисты оценивали войско Вильгельма непременно как «огромное», «бесчисленное», и т.д. Между тем, современными историками давно установлено, что оно насчитывало не более 5–7 тыс. чел., в том числе 2 тыс. рыцарской конницы⁴. Высадка нормандцев сопровождалась грабежами, поджогами местных деревень, что вскоре станет характерной чертой нормандского завоевания уже по всей стране. Весть о высадке

¹ ASC. P. 142; Florence of Worcester. P. 169.

² ASC, C,D P. 142, 145, 143 (примеч.); Florence of Worcester. P. 169.

³ ASC. P. 142; Florence of Worcester. P. 169–170.

⁴ См.: Hollister C. W. Anglo-Saxon military institutions on the eve of the Norman Conquest; Furneaux R. Conquest 1066.

нормандцев принес Гарольду в Йорк некий тэн с юга, видевший это; другой вестник, крестьянин, рассказал уже о разорениях¹. Вряд ли эти известия могли дойти до Йорка ранее 3 октября, учитывая срок перехода от Лондона тем же Гарольдом до того. С остатками войск Гарольд двинулся на юг, через Лондон, и, наконец, 14 октября 1066 г. встретился с Вильгельмом в известной битве при Гастингсе. По иронии судьбы, Вильгельм еще не знал, скорее всего, с кем ему предстоит встретиться: с Гарольдом или с норвежцами Харальда Сурового, о чьей экспедиции ему в целом, вероятно, было известно.

Нет нужды подробно описывать битву, поскольку этому посвящено немало литературы. Анализируя причины поражения англосаксов, следует отметить ряд моментов. Во-первых, северные эрлы продемонстрировали свою независимость и абсолютное нежелание жертвовать своими людьми в интересах, как им, очевидно, представлялось, Уэссекса; войска Мерсии и Нортумбрии не участвовали ни в походе на юг, ни в битве при Гастингсе². От самой же армии Гарольда после северной кампании осталась всего треть, тогда как ополчения южных графств были еще не готовы к выступлению³. При тогдашних темпах и средствах коммуникации мобилизовать их можно было с большим трудом, наспех, что отражалось на качестве войска. Во-вторых, историки долгое время находились в заблуждении о «передовом военном деле» нормандцев, заблуждении, вращавшемся вокруг магического словосочетания «тяжеловооруженная рыцарская конница». В этом ключе поражение саксов при Гастингсе объяснялось несовершенством военной тактики и вооружения, и т.д. Особенно потрудились в создании этого образа историки — «англо-норманисты» — Стентон, и др.⁴, хотя и Фримен совершенно случайно, интерпретируя источник, приложил к этому руку. Все это переключало и в советские учебники, где можно прочитать характерные строки: «Войско англосаксов — в основном крестьянское ополчение, вооруженное дубинами и топорами... Нормандское войско — тяжеловооруженная рыцарская конница»⁵. Если же подойти к проблеме без заведомых пристрастий, выясняется совсем другое. Во-первых, рыцарская конница в XI в. еще далеко не достигла того боевого качества, которое выработалось позже в Крестовых походах, и не обладала какой-то особой тактикой и непобедимостью, как в XII–XIV вв., не говоря уж о том, что рыцари составляли меньше половины франко-

¹ Guy of Amiens. *Carmen de Hastingae proelio*. P. 13; *Freeman E.* Op. cit. P. 419–420.

² *Ibid.* P. 424.

³ *Florence of Worcester*. P. 170.

⁴ См.: *Stenton F.M.* Op. cit., ch. 5.

⁵ *Штокмар В.В.* История Англии в Средние века. С. 40–41.

нормандского войска. Тогдашний рыцарь не был особенно «тяжеловооруженным» и никак не напоминал ту закованную в сталь башню, которой он стал 100 лет спустя. Английский хускерл практически не отличался по вооружению и доспехам от нормандского рыцаря¹, что ясно отражено на гобелене из Байе. Доспехи тяжеловооруженного воина той эпохи состояли всего лишь из длинной, до колен, кольчуги, простого шлема конической или закругленной формы и миндалевидного либо круглого щита; воины победнее довольствовались более короткой кольчугой, а то и вовсе кожаной или стеганой верхней одеждой. Оружие рыцарей было представлено мечами и простейшими по конструкции копьями, у хускерлов кроме того имелись традиционные для Северной Европы мощные секиры на длинном, до груди взрослого человека высотой, древке — весьма действенное оружие. Масса рядовых бойцов вооружалась также копьями, топорами, мечами и прочим оружием соответственно своему достатку². Во-вторых, у англосаксов были и лучники, и конница. Описывая отражение набега Тости, Флоренс пишет: «Король Гарольд приказал... конному отряду быть наготове». «Сага о Харальде Суровом», давая развернутую картину битвы при Стэмфорд-Бридже, говорит о наличии значительного количества конницы в англосаксонском войске, в отличие от норвежцев, сражавшихся исключительно пешими, равно как и об английских лучниках. Лучники шли к Гастингсу на подмогу из Йорка, но не успели к битве³. Конницу же Гарольд предпочел не использовать ввиду оборонительной тактики англосаксов в этом сражении, для которой пеший строй был более подходящим, поэтому, видимо, даже конные воины бились спешными. Таким образом, англосаксы проиграли битву не потому, что их войско и военное дело было плохим вообще, а потому, что оно было в плохом состоянии конкретно при Гастингсе⁴. Те самые «крестьяне с дубинами» были наспех согнаны на место лучших отрядов, polegших на севере. Это была не норма, а исключение, перст судьбы. Что же касается нормандцев, то передовым было не столько их военное дело вообще, сколько блестящая военно-феодалная организация. В сочетании с боевым духом свежего войска она и принесла им победу. В тактическом же

¹ *Furieux R.* Op. cit. P. 64, 147. Подробнее о вопросах вооружения и комплектования войск см.: *Wise T.* 1066: Year of destiny.

² См.: *Wise T.* 1066: Year of destiny. Собственно, подобный комплекс вооружения был характерен практически для всех народов Европы того времени, с незначительными местными особенностями.

³ *Florence of Worcester.* P. 168; *Saga о Харальде Суровом.* С. 455; *Furieux R.* Op. cit. P. 148; *Norman A., Pottinger D.* A history of war & weapons 499 to 1660. P. 21–25.

⁴ *Hollister C.W.* Op. cit. P. 80, 151.

плане наступательные порывы нормандских рыцарей уравновешивались оборонительной стойкостью англосаксов, и лишь ошибка последних, нарушивших построение и бросившихся в погоню за притворно отступающими нормандцами, позволила нормандцам неожиданно перейти в контратаку и разгромить их.

После битвы Вильгельм, по сообщению хронистов, еще 8 дней оставался в Гастингсе, ожидая делегаций с изъявлением покорности¹, но, не дождавшись их, и приведя в порядок войско, начал свой первый большой поход по английской земле, увенчавшийся завоеванием юго-восточных графств и коронацией Вильгельма. Собственно, после Гастингса и начался сам процесс завоевания страны, распадающийся на этапы соответственно покорению очередного региона: Юго-Востока, Юго-Запада, Центральных графств (Мерсии), Северо-Востока и Нортумбрии, наконец, части Уэльса. Победа при Гастингсе еще не сделала нормандского герцога властелином страны. В Лондоне, где собрались многие представители знати, в том числе Эдвин и Моркар с подошедшими, наконец, отрядами, образовалась значительная база сопротивления, располагавшая немалым числом войск², в том числе ополчением самих лондонцев. Но у англосаксов отсутствовал лидер такого масштаба, как Вильгельм у нормандцев, чтобы скоординировать их действия. Знать и горожане Лондона провозгласили королем Эдгара Этелинга³, но было очевидно, что этот юноша не подходит на такую роль. Более подходящие кандидатуры — Эдвин, Моркар, Вальтьоф (сын прежнего эрла Нортумбрии Сиварда) — отпали, как ввиду их неучастия в битве при Гастингсе, так и по причине их северного происхождения: они были чужаками для уэссекской и прочей южной знати, преобладавшей на собрании. В ответ на это северные эрлы увели свои отряды из Лондона, вновь бросив Юг без помощи⁴. В очередной раз психология «регионализма» разделила англосаксов перед лицом общего врага. Реальным лидером лондонцев, возглавившим оборону города, стал шериф Мидлсекса Ансгар⁵.

Все эти проволочки были на руку Вильгельму, совершавшему тем временем победоносный рейд по юго-востоку Англии — региону, чьи силы были в большинстве своем уничтожены при Гастингсе. Это объясняет молниеносный триумф Вильгельма на пути к Лондону. 21 октября 1066 г. без боя сдался Дувр, обладавший мощными укреплениями: дуврцы сами на полпути принесли покорность Вильгельму. 29 октября

¹ Ordericus Vitalis. P. 181; ASC. P. 144.

² William of Poitiers. P. 230.

³ Florence of Worcester. P. 170; Ordericus Vitalis. P. 181.

⁴ Florence of Worcester. P. 170; *Freeman E. Op. cit.* P. 525–527, 530.

⁵ *Freeman E. Op. cit.* P. 545.

так же легко пал Кентербери — резиденция архиепископа — и далее ряд других населенных пунктов по южному берегу Темзы. Около 1 ноября (хотя Р. Адам считает, что в середине ноября) нормандцы с юга подошли к Лондону. По сообщению Ги Амьенского, они якобы собирались осаждать Лондон, чем немало напугали горожан, но это вызывает сомнения, если вспомнить о небольшой численности войска Вильгельма, сильно сократившейся еще и после Гастингса¹. Дело ограничилось недолгим вооруженным противостоянием, в ходе которого англосаксы сделали вылазку через мост на южный берег, в Саутворк, а нормандский отряд в 500 рыцарей отбросил их назад, причем Саутворк в ходе боя сгорел². Полагая, очевидно, более разумным продолжить покорение беззащитного Юга, нежели губить и без того небольшое войско в новых сражениях, Вильгельм продолжил марш по южному берегу Темзы, уйдя от Лондона на запад, пока не форсировал реку, наконец, в середине декабря 1066 г., в верхнем течении, в местечке Валлингфорд. В ходе этого марша герцога ждал новый успех: без боя сдался Винчестер — древняя столица Уэссекса с ее сокровищницами. Нормандские войска даже не вступили в город; Винчестер, где пребывала вдова Эдуарда Исповедника, был покорен, благодаря красноречию послов Вильгельма³. Почтительное отношение к вдовствующей королеве как бы подчеркивало факт легитимного наследования Вильгельмом якобы завещанной ему Эдуардом Исповедником короны, в противовес «узурпации» ее Гарольдом. Здесь герцог Нормандии в очередной раз проявил себя как хитрый дипломат и, говоря современным языком, «пропагандист» тех идей, которые придавали завоеванию Англии позитивный характер в глазах общественного мнения.

Вместе с тем, по отношению к местному населению, чье мнение было не столь важно, Вильгельм с самого начала вел себя как завоеватель. Англосаксонские источники в один голос повествуют о тотальном разорении всех мест, через которые войско Вильгельма шло из Гастингса: Сассекс, Кент, Суррей, Мидлсекс подверглись значительному опустошению. Так, действуя устрашающим примером на защитников Лондона и одновременно ведя с ними переговоры, Вильгельм подготавливал почву для бескровного взятия власти в свои руки. По выражению Адама, «страх и время были оружием Вильгельма»⁴.

¹ Guy of Amiens P. 41–43; *Freeman E. Op. cit.* P. 533, 541; *Adam R. Op. cit.* P. 134.

² Ordericus Vitalis. P. 182; William of Poitiers. P. 230.

³ *Adam R. Op. cit.* P. 136; *Freeman E. Op. cit.* P. 540.

⁴ ASC. P. 144; Florence of Worcester. P. 170; Guy of Amiens. P. 47; *Freeman E. Op. cit.* P. 546–547; *Adam R. Op. cit.* P. 136.

Впрочем, местное население отвечало редкими партизанскими акциями, уничтожая мелкие отряды нормандцев, например, в Ромнее (Кент)¹; но в целом Юг был обескровлен. Эта политика принесла ожидаемые результаты. Последним пунктом дислокации нормандской армии на пути к Лондону стало местечко Беркхампстед (тогда — Беорхем), на северо-западе от Лондона. Именно сюда прибывали послы Ансгара. Располагаясь здесь, Вильгельм успешно контролировал дороги на север, откуда могла появиться помощь лондонцам, хотя она так и не пришла². В этой ситуации переговоры с Ансаром завершились сдачей англосаксов. Как отмечает «Англо-Саксонская Хроника», они приняли это решение с целью избежать дальнейших разрушений юга Англии нормандцами³. Там же, в Беркхампстеде произошло формальное примирение Вильгельма с руководителями обороны Лондона — Эдгаром Этелингом, епископом Вульфстаном Вустерским, епископом Уолтером Херефордским, представителями горожан, и др. Завершился 1066 г. коронацией Вильгельма (на Рождество) в Вестминстере. Коронация не была насильственным актом, да и не могла быть таковым; собственно, компромисс с элитой южных графств был достигнут на переговорах, где Вильгельм декларировал обещания справедливого правления и соблюдения законов Эдуарда Исповедника⁴. Но на деле, поскольку остальная Англия еще не была покорена, перед ним оставался лишь путь насильственного завоевания, прикрываемого формальными декларациями. Символичен тот факт, что во время коронации в Вестминстере нормандцы, ошибочно приняв одобрительные хоровые возгласы присутствовавших на церемонии в соборе англосаксов, традиционно сопровождавшие коронационный ритуал, за признак бунта, с перепугу подожгли дома вокруг собора и убили в суматохе несколько мирных жителей.

НАЧАЛО АНГЛОСАКСОНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ (1067 г.)

В целом, завоевание Англии только началось. На большей части земель к северу от Темзы не было ни нормандской администрации, ни нормандских замков и землевладельцев, и все эти области, по большому счету, продолжали жить прежней жизнью, как и до Гастингса. Вместе с тем, коронация Вильгельма имела большое общественное значение: из

¹ William of Poitiers. P. 230; *Freeman E.* Op. cit. P. 543; *Stenton F.M.* William the Conqueror... P. 215.

² Florence of Worcester. P. 170; *Adam R.* Op. cit. P. 138.

³ ASC. P. 144.

⁴ ASC. P. 145; Florence of Worcester. P. 171.

завоевателя с сомнительными претензиями на престол он превратился (формально) в законного монарха, коронованного английским епископом (Элдредом), в присутствии многих английских магнатов. Следовательно, сопротивление ему могло теперь квалифицироваться как бунт, мятеж, даже будь оно на деле и патриотическим движением¹.

Характеризуя в целом первые месяцы правления Вильгельма в Англии, можно уже отметить все характерные черты нормандского режима в будущем: земельные конфискации у тех представителей англосаксонской знати, кто как-либо выражал свою нелояльность новому королю, передача этих земель франко-нормандским воинам и колонистам, повсеместное строительство замков в качестве оплота военно-административной системы. За всем этим прослеживалась реальная цель Вильгельма — не вести этническую войну (для чего вряд ли хватило бы сил и средств), а стать правителем именно английского народа, подобно Кнуту, хотя и с опорой на нормандскую элиту. Правда, Вильгельм сурово подавлял всякое сопротивление, не считаясь с жертвами, но здесь, по выражению Адама, «верность, а не национальность» была главным критерием для Вильгельма².

После коронации он остановился в Баркинге (Эссекс), куда с изъявлениями покорности приходили многие англосаксонские магнаты, в том числе Эдвин и Моркар. Те же, кто не желал признать хотя бы формальный вассалитет от нового короля, автоматически попадали в разряд врагов, ставя себя вне закона. Север и Запад Англии Ордрик Виталий относит к «диким людям» именно на таком основании³.

Между тем, 21 февраля 1067 г. Вильгельм уехал в Нормандию, взяв с собой целую делегацию видных англосаксонских вельмож и прелатов — Эдвина, Моркара, архиепископа Стиганда, Вальтьофа, и др., с целью ознакомления их с родиной нового монарха и укрепления связей между английской и нормандской элитами. (Регентом на нормандском престоле в отсутствие Вильгельма в 1066 г. был Роджер Монтгомери)⁴. Вообще, такие поездки на континент в последующие годы Вильгельм предпринимал неоднократно — к этому обязывал статус государя земель по обе стороны Ла-Манша. Лойн указывает 10 подобных поездок с 1067 по 1087 г., причем некоторые длились по году⁵. Во время первой поездки,

¹ *Freeman E.* The history of the Norman Conquest of England. Vol. 4 P. 4–5.

² *Adam R.* Op. cit. P. 192.

³ *Freeman E.* Op. cit. P. 19–21; *Adam R.* Op. cit. P. 143; *Ordericus Vitalis.* P. 211. Флоренс говорит только об участии братьев-эрлов во встрече в Беркхемпстеде, т.е. ранее. *Florence of Worcester.* P. 170.

⁴ ASC. P. 145; *Florence of Worcester.* P. 171; *Ordericus Vitalis.* P. 194, 211.

⁵ *Loyn H.* The Norman Conquest. P. 101.

проходившей с февраля по декабрь 1067 г., поднялась первая серьезная волна недовольства в Англии, положившая начало активному сопротивлению англосаксов как таковому. Причиной этого недовольства источники в один голос называют многочисленные насилия и беззакония, допущенные заместителями Вильгельма — Одо из Байе и Гийомом фиц-Осберном — якобы в нарушение тех справедливых законов и порядков, которые только-только установил новый король¹. Похоже, именно отсюда стартовал миф о «добром короле» — «защитнике народа», и «злых баронах» — «угнетателях народа», свойственный историографии даже XIX в. Тезис более чем сомнительный. Скорее можно говорить о том, что сравнительно небольшие бесчинства, неизбежные на любой войне и сдерживавшиеся при необходимости железной рукой Вильгельма — не из заботы о народе, разумеется, а для создания репутации — например, запрет войскам грабить население², — сменились в его отсутствие более явными и открытыми беззакониями по отношению к англосаксам, что закономерно привело к возмущению на местах. Вряд ли могло быть так, что после коронации Вильгельма все на два месяца утихло и обратилось в покой и благодать, чтобы потом вдруг взорваться. «Спокойствие» января-февраля 1067 г. скорее было следствием военного поражения англосаксов, и все это время подспудно происходило осознание случившегося и накопление сил для реванша, пускай стихийного и разрозненного. Это выглядит более правдоподобным, чем миф о «справедливом» правлении.

К сожалению, досконально точно установить хронологию последующих событий возможно не всегда, так как поздние англо-нормандские источники, отличающиеся крайне подробным описанием событий, хронологией как раз пренебрегали.

Итак, в 1067 г. ряд волнений вспыхнул в разных районах Англии. Что интересно, первая из этих «смут» произошла в фактически автономной Нортумбрии, никак не испытавшей на себе тягот нормандского вторжения; до 1068 г. на ее землю вообще не ступал нормандский воин. Перед отъездом Вильгельм в подтверждение своей политики чисто формального вассалитета Нортумбрии назначил на пост эрла ее северной части (Берниции) Копсига — родича и соратника покойного Тости. Вильгельм полагал, что назначение англосакса на этот пост привлечет симпатии северян. (Моркар, видимо, оставался эрлом Дейры — Йоркшира). Но вышло иначе. Прежний местный эрл Освульф из династии эрлов Берниции, не явившийся с присягой к Вильгельму и потому считавшийся

¹ Ordericus Vitalis. P. 203; ASC. P. 145; Florence of Worcester. P. 171.

² Freeman E. Op. cit. P. 30; Loyn H. Op. cit. P. 102.

как бы вне закона, 11 марта 1067 г. убил со своими людьми Копсига и его приближенных, показав, кто обладает реальной властью на Севере¹. Впрочем, все это укладывалось в рамки местной политической традиции, как и восстание 1065 г. (см. выше); доказательство тому — судьба самого Освульфа, убитого разбойниками, без какой-либо политической подоплеки, несколько месяцев спустя, после чего эрлом Берниции стал племянник прежнего шотландского короля Дункана Госпатрик, купивший этот пост за деньги (в дальнейшем — видный деятель англосаксонского сопротивления). Что касается причин убийства Копсига, то, помимо традиционной неприязни к ставленникам Лондона (или Винчестера — одним словом, центра), Кэпелл указывает стремление Копсига присоединить к Берниции и Дейру (Йоркшир), постоянно отпадавшую, невзирая на прежние усилия эрла Сиварда; таким образом, Копсиг нарушил местный политический расклад, за что и поплатился².

Более серьезные эксцессы начались в Западной Мерсии, в Херефорде, где летом 1067 г. возникло крупнейшее партизанское движение, три года державшее под контролем не только это графство, но подчас и всю уэльскую границу. Во главе этого движения стоял англосаксонский феодал Эдрик по прозвищу «Лесник», которому нормандцы, в свою очередь, дали кличку «Дикий» за его упорное сопротивление. Эдрик в свое время, как и Освульф, не принес присягу Вильгельму, поэтому его земли подлежали конфискации в пользу Ричарда фиц-Скроба — нормандского наместника в Херефорде. Однако все попытки последнего овладеть землями Эдрика встречали активный вооруженный отпор, в результате которого гарнизон Херефорда нес ощутимые потери. Пользуясь пограничным положением своих владений, Эдрик в августе 1067 г. заключил союз с уэльскими князьями Бледдином и Риваллоном (сводные братья покойного Гриффита ап-Ллевелина, соответственно князья Гвинедда и Поуиса); поскольку свои княжества они получили из рук Гарольда в качестве вассалов, они охотно поддержали Эдрика, в результате чего движение приобрело широкий масштаб, и повстанцы при поддержке валлийцев стали делать набеги в соседние графства (Вустер, Глостер, и др.). Первую крупную вылазку они совершили 15 августа 1067 г., «опустошив», по словам летописца, графство Херефорд. С тех пор сопротивление на западной границе приобрело наступательный характер, стало постоянной угрозой для нормандского господства здесь³.

¹ Symeonus Dunelmensis. *Historia regum*. P. 91.

² Freeman E. *Op. cit.* P. 134; Kapelle W. *Op. cit.* P. 107.

³ ASC. P. 146 (в т.ч. примеч.); Florence of Worcester. P. 166, 171–172; William of Malmesbury. P. 256; Freeman E. *Op. cit.* P. 111.

Следующее крупное восстание произошло также летом 1067 г. в Кенте, где местные повстанцы призвали на помощь континентального феодала, графа Эусташа Булонского, мужа сестры Эдуарда Исповедника Годы — с целью взять Дувр. Это был первый случай обращения англосаксов (в борьбе с нормандцами) к дальним, «неостровным» соседям, что позже станет нормой. Но Кентское восстание быстро окончилось неудачей. Эусташ высадился близ Дувра, объединившись с кентцами, но Дувр был сильно укреплен, будучи традиционным морским форпостом Англии, и взять его с налета было невозможно. Тем временем гарнизон Дувра во главе с Одо из Байе — новым эрлом Кента — совершил вылазку и наголову разбил повстанцев, понесших большие потери. Эусташ бежал восвояси и, что интересно, в 1074 г. принес оммаж Вильгельму, став его верным сподвижником¹. Кентское восстание было, по-видимому, обречено, так как Кент входил в число первых захваченных Вильгельмом земель в Англии, и все земельные конфискации с сопутствующей сменой элиты, репрессиями, да и потери при Гастингсе сводили шансы местной военной знати к нулю.

По-видимому, декабрь 1067 г. ознаменовался началом еще одного крупного регионального движения такого рода — Эксетерского восстания. Мы говорим «по-видимому», так как хронология этого события на редкость скудна, а подавление восстания однозначно относится уже к весне 1068 г. Причины восстания видятся куда более конкретными, нежели абстрактное «недовольство». По сообщению хрониста, вернувшийся в декабре 1067 г. в Англию Вильгельм «наложил на англов непосильный налог»² — возможно, в качестве наказания за выступления в его отсутствие, а возможно — просто из соображений финансовой необходимости. Эксетер же был центром доселе не завоеванного Юго-Запада, признавшего зависимость от Вильгельма только на словах. Местная городская верхушка, по мнению Фримена, вынашивала планы превращения Эксетера в своего рода автономную городскую республику, связанную с королем только формальным вассалитетом и уплатой налогов в казну королевства³. Кроме того, Эксетер с округой относился к бывшему домену Годвинов, посылал людей под Гастингс, и антинормандские настроения были здесь пока сильны. В Эксетере укрывалась мать Гарольда Гита и его сыновья, и многие знатные англосаксы из числа участников битвы при Гастингсе⁴. Все это придавало движению патри-

¹ Ordericus Vitalis P. 204 (примеч.), 205–207.

² Florence of Worcester. P. 172.

³ Freeman E. Op. cit. P. 146–147.

⁴ Florence of Worcester. P. 172; Freeman E. Op. cit. P. 138, 143.

отическую окраску (если, конечно, иметь в виду региональный, местный «патриотизм»).

Вместе с тем, восставшие в своих требованиях не пошли дальше именно отстаивания местных прав и свобод; собственно патриотическая идея не могла получить здесь развития, как и во всех последующих движениях, так как психология «регионализма» господствовала над ней. Эксетерцы требовали права «не подчиняться королю в своих стенах» (то есть, самоуправления) и «платить налоги по старому обычаю»¹. И все. Вполне понятно, исходя из этого, почему Эксетер остался в одиночестве, и просьбы о помощи у других областей не дали результатов; вряд ли кому-то еще хотелось сражаться за локальные интересы Эксетера. В этих условиях падение Эксетера стало делом времени: он сдался Вильгельму весной 1068 г. после 18-дневной осады, несмотря на относительно упорное сопротивление в ходе этой осады². Покорение Эксетера, принесшего королю соответствующую присягу, открыло дорогу нормандцам к завоеванию всего Юго-Запада. В противном случае, по мнению Фримена, имелась все-таки перспектива образования княжества на территории Девона и землях корнуэльских кельтов, во главе со знатью Эксетера³. Собственно, благодаря эксетерскому походу Вильгельма, Корнуолл впервые был окончательно подчинен английской короне, предвосхищая судьбу других кельтских окраин (прежде всего Уэльса). Любопытен факт, что Юго-Запад заселялся в основном бретонскими колонистами и баронами, близкими к местным бриттам своими этническими корнями⁴.

Поскольку сильно укрепленный Эксетер был ключом к Юго-Западу, то после его сдачи нормандская экспедиция прошла без препятствий и сопровождалась бескомпромиссным подавлением малейшего сопротивления, разорением местности; так, сопротивлявшиеся населенные пункты Лидфорд и Барнстепл были стерты с лица земли⁵. Далее, развивая успех, нормандцы закрепились в Вустере и Глостере, где до этого шла постоянная война с партизанами Эдрика Дикого; положение последнего осложнилось, но он, впрочем, продолжал сопротивление с большим успехом. Для контроля за покоренным Юго-Западом на дороге, ведущей туда, был возведен замок Монтекьют. Практика повсеместного строительства замков в качестве опорных пунктов военной администрации полностью себя оправдала на примере того же Монтекьюта, сыгравшего в дальнейшем важную роль в борьбе с повстанцами на Юго-Западе.

¹ Ordericus Vitalis. P. 213.

² ASC. P. 146; Florence of Worcester. P. 172; Ordericus Vitalis. P. 213.

³ Freeman E. Op. cit. P. 151–152.

⁴ Adam R. Op. cit. P. 184.

⁵ Ordericus Vitalis. P. 215; Freeman E. Op. cit. P. 162.

В истории с осадой Эксетера наиболее примечателен тот факт, что здесь впервые в нормандском войске появилось значительное количество англосаксов из уже подвластных Вильгельму графств¹. Так, пресловутый «регионализм» продемонстрировал себя с другой стороны: в то время как Эксетер остался в полном одиночестве, Вильгельм пожинал плоды своей политики по объединению двух народов под одной короной, подавляя англосаксов руками самих англосаксов. Принцип «верность, а не национальность» в дальнейшем обусловил постоянную практику привлечения англосаксов в королевское войско.

ЭСКАЛАЦИЯ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ (1068 г.)

Начавшийся 1068 г. характеризовался нарастанием антинормандских выступлений в разных районах Англии. Ордерик назвал эту тенденцию «волнение за волнением»². Это заставило Вильгельма надолго оставаться в Англии: следующая его поездка на континент датируется лишь началом 1072 г.³ Очередной пик этих «волнений» пришелся на лето 1068 г., когда, во-первых, прибывшие вместе с Вильгельмом домой Эдвин и Моркар неожиданно подняли восстание в Нортумбрии при активном участии эрла Берниции Госпатрика и бывшего линкольнского шерифа Мерлесвейна, пострадавшего от земельных конфискаций (у него были отняты земли в Уэссексе)⁴. Конкретным поводом к восстанию послужило невыполненное Вильгельмом обещание отдать Эдвину в жены свою дочь. Восстание имело тенденцию к распространению в другие районы; по словам хрониста, северяне посылали гонцов «во все углы Англии», в результате чего якобы были поддержаны и англосаксами, и валлийцами «в большом количестве»⁵. Последнее, однако, вызывает сомнения, так как в Уэльсе в это время началась междоусобная война между Бледдином и Риваллоном с одной стороны и сыновьями Гриффита ап-Ллевелина с другой, в результате которой Риваллон погиб, а Бледдин занялся объединением Гвинедда и Поуиса под своей властью⁶. Таким образом, валлийцы вряд ли могли поддержать северян, тем более что куда ближе к ним был Эдрик Дикий, а не Нортумбрия. Очевидно, под «валлийцами» Ордерик имел в виду стратклайдских бриттов или

¹ Ordericus Vitalis. P. 215.

² Ibid. P. 221.

³ Loyn H. Op. cit. P. 101.

⁴ ASC. P. 146; Adam R. Op. cit. P. 184.

⁵ Ordericus Vitalis. P. 217.

⁶ Freeman E. Op. cit. P. 183.

шотландцев¹, а может, и тех, и других, поскольку этнонимом «Welsh» англосаксы часто обозначали кельтов вообще. В англосаксонских же источниках само восстание 1068 г. вообще не упоминается, а говорится лишь о последующем бегстве лидеров восстания в Шотландию². Странно, что такие масштабные события, как организация всеобщего восстания, не получили освещения в хрониках. Из этого можно сделать вывод, что Ордерик Виталий несколько преувеличил размах событий, ошибочно приписывая локальным повстанческим движениям тенденцию к единению, которой на деле не было, хотя косвенное влияние на усиление этих вспышек недовольства восстание оказать могло. Впрочем, хронисты могли обойти молчанием неприятные для нового властителя Англии события, а Ордерик — преувеличить масштаб опасности для новой власти, исходившей от «смутьянов», дабы подчеркнуть воинские таланты Вильгельма, и т.п.

Так или иначе, будучи сиюминутным заговором знати, восстание не было подкреплено никакой наступательной инициативой и не вышло за рамки Нортумбрии. Инициативу проявил как раз Вильгельм, для которого это восстание стало поводом к началу завоевания доселе автономных областей к северу от р. Трент (Линкольншир, и т.д.), некогда входивших в Денло. Со свойственной ему энергией Вильгельм совершил поход на север, по пути возводя замки во всех крупных городах (Кембридж, Ноттингем, Линкольн, и др.) и одновременно «призывая к миру» северян³. Все это в совокупности произвело желаемый эффект. Эдвин и Моркар, в который раз предав соратников, пошли на мир с Вильгельмом, подтвердив свою покорность королю. Прочие лидеры восстания, чьи силы с изменой братьев-эрлов убавились в числе, бежали со своими сторонниками: Госпатрик, Мерлесвейн, а также Эдгар Этелинг с матерью Агатой и сестрами Маргарет и Кристиной — в Шотландию, ко двору Малькольма Кэнмора, а часть вооруженной северной знати — в Дарем⁴. Это почти бескровное поражение I Северного восстания стало «началом конца» независимости Нортумбрии и северо-восточной Мерсии; во всех крупных городах были оставлены нормандские гарнизоны, размещенные в новых замках.

Одновременно с этим восстанием произошло выступление оппозиции на Юго-Западе. После взятия Эксетера весной 1068 г. скрывавшиеся там сыновья Гарольда — Годвин, Эдмунд и Магнус — бежали в Ирлан-

¹ Ordericus Vitalis. P. 217.

² ASC. P. 147; Florence of Worcester. P. 172.

³ Ordericus Vitalis. P. 219.

⁴ Florence of Worcester. P. 172; Freeman E. Op. cit. P. 193, 196.

дию, где под покровительством дублинского короля Дермота развернули деятельность по организации реванша. Летом 1068 г. они совершили свой первый морской набег в Англию: сначала, высадившись в устье р. Эйвон, они пытались взять штурмом Бристоль, но были отбиты самими бристольтцами (то есть, саксами) и ограничились разграблением местности; далее они высадились в Сомерсете, где понесли большие потери в бою опять-таки с местным ополчением, во главе которого, по иронии судьбы, стоял бывший конюший самого Гарольда Эднот, в свое время принесший присягу Вильгельму и назначенный на должность в местной администрации. После этого братьям ничего не оставалось, как разграбить побережье Девона и Корнуолла и отплыть обратно в Ирландию¹.

Анализируя характер и результаты экспедиции сыновей Гарольда, поначалу нельзя не удивиться той враждебности, с которой были встречены в бывшем фамильном домене наследники едва ли не национального героя — если не Англии, то, по крайней мере, Уэссекса. Но если заглянуть в суть самих событий, эти самые наследники совершили, фактически, пиратский набег против своей же родины и, более того, вотчины. Фримен считает, что своим разбойничьим характером эта экспедиция во многом обязана численному преобладанию дублинских викингов над собственно англосаксонскими эмигрантами в войске братьев². Понятно, что наемникам-дублинцам было мало дела до англосаксонского патриотизма. Но это, в конечном счете, и обусловило неудачу экспедиции, точь-в-точь повторявшей пиратский рейд Тости 1066 г., также встретивший в свое время отпор англосаксов.

Похоже, сыновьями Гарольда двигал попросту инстинкт лишившегося своего наследства вотчинника, готового на месть любой ценой, лишь бы вернуть утраченное, не считаясь со средствами. Видимо, поэтому движение в ирландской эмиграции с самого начала не смогло претендовать на роль объединяющего всю оппозицию, хотя само имя Годвинов могло бы стать символом хотя бы для юго-западных и южных графств. Впрочем, эти графства к тому времени Вильгельм держал в руках достаточно крепко, и максимум на что могли объективно рассчитывать сыновья Гарольда — это в лучшем случае на создание очага партизанской войны по примеру Эдрика Дикого, где-нибудь в Корнуолле.

Вторая половина 1068 г. прошла относительно спокойно; в источниках не отмечено сколько-нибудь крупных выступлений англосаксов. Тем не менее, Ордерик, например, неоднократно говорит о «волнениях», как

¹ ASC P. 147–148; Florence of Worcester. P. 172; William of Malmesbury. P. 287; Ordericus Vitalis. P. 225; но Ордерик упоминает только двух сыновей Гарольда.

² Freeman E. Op. cit. P. 225–226.

естественное продолжение которых он описывает дальнейшие бурные события 1069 г.¹ Из этого можно заключить, что недовольство на местах продолжало существовать в виде «брожения», пока оппозиция в разных районах страны вынашивала новые планы. Кроме того, продолжалась «лесная война» Эдрика Дикого.

Следующий, 1069 г. был отмечен новым всплеском антинормандских выступлений на окраинах страны, в том числе II Северным восстанием — едва ли не кульминацией англосаксонского сопротивления. В сущности, на Севере недовольство и не утихло после неудачи 1068 г. Начиналось все постепенно: так, в январе 1069 г. для размещения в Дарем — местность отдаленную и потому служившую надежным оплотом для повстанцев — был направлен нормандский отряд во главе с Робертом де Коммином, дабы, наконец, взять под контроль этот опасный район; но 28 января 1069 г. весь отряд (кроме двух рыцарей, бежавших и сообщивших об этом) был вырезан северянами, можно сказать, в лучших местных традициях, причем был убит и сам Коммин². Тем не менее, реакции со стороны Вильгельма не последовало — видимо, не хватало сил на тот момент — и Дарем продолжал оставаться прибежищем эмигрантов-англосаксов и их базой, благо рядом была шотландская граница.

Решающие события начались летом 1069 г., после чего следующие полгода превратились, по сути, в одну большую военную кампанию, потребовавшую от нормандцев немалого напряжения сил. 24 июня двое (на этот раз) сыновей Гарольда совершили свой второй набег, имея флот в 64 корабля и высадившись в устье р. Тоу в северном Девоне. Но эта их акция носила тот же пиратский характер, что и первая. Ордрик отмечает, что их люди все подряд рушили, жгли, грабили, «сделав вреда столько, сколько смогли»³. Правда, не исключено, что нормандский хронист путает этот набег с первым — то ли с умыслом, то ли нет, — и вот почему: если в 1068 сыновья Гарольда встретили отпор местного населения, то теперь их набег, напротив, спровоцировал стихийные антинормандские выступления на всем Юго-Западе. Фримен называл их «народными»⁴, но, к сожалению, ни характер, ни точную датировку этих восстаний установить невозможно, так как источники упоминают о них вкратце. Неясно, последовали ли они сразу за экспедицией ирландских эмигрантов или начались чуть позже, но сам факт их неоспорим⁵.

¹ Ordericus Vitalis P. 221, 223.

² Ibid. P. 221; Simeonus Dunelmensis P. 83–84; Kapelle W. Op. cit. P. 112.

³ ASC. P. 149; Ordericus Vitalis. P. 225; Stenton F.M. Op. cit. P. 271.

⁴ Freeman E. Op. cit. P. 271.

⁵ Ordericus Vitalis. P. 229.

Что же до самого набега, то сыновья Гарольда и в этот раз потерпели поражение, будучи разбитыми сразу в двух битвах за один день нормандскими баронами Брианом де Пентьевром (бретонцем по происхождению) и Гийомом де Гуальди. Под покровом ночи остатки войска эмигрантов с трудом ушли от преследования¹.

На этом повстанческая карьера сыновей Гарольда закончилась; вскоре после их возвращения в Ирландию умер их покровитель король Дермот², а никто другой из местной элиты не собирался активно поддерживать англосаксов. Таким образом, Ирландия в качестве базы для сопротивленцев была, в некотором смысле, утеряна.

Однако на юго-западе Англии как раз начались упомянутые восстания. О них известно лишь следующее: во-первых, саксы Дорсета и Сомерсета пытались штурмовать замок Монтекьют, но безуспешно; во-вторых, жители Девона и корнуэльские бритты осадили Эксетер, но последний придерживался присяги, данной в 1068 г. Вильгельму, и оказал активное сопротивление, пока восставшие не были окончательно рассеяны подошедшим нормандским отрядом, уже отступив от города³. В сущности, это были последние судороги повстанческого движения в юго-западных графствах; отныне Юго-Запад стал полностью лояльным по отношению к новому королю. Как мы видим, повстанцам снова противостояли смешанные силы нормандцев и англосаксов (эксетерцев). В качестве причины этого Ордерик указывает нежелание последних «испытывать еще раз бедствия войны (с королем — М.Г.), перенесенные однажды»⁴. Таким образом, местные, локальные интересы (в 1068 г. — независимость, а теперь — самосохранение) снова оказались предпочтительнее абстрактных «национальных».

СЕВЕРНОЕ ВОССТАНИЕ 1069 г. — КУЛЬМИНАЦИЯ АНГЛО-НОРМАНДСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Наконец, весной 1069 г.⁵ разразилось второе Северное восстание — крупнейшая акция англосаксонских противников Вильгельма. Замысел восстания, очевидно, вызревал еще с лета 1068 г., из продолжающегося недовольства северян после тогдашней неудачи, в результате которой Нортумбрия, благодаря измене Эдвина и Моркара, утратила прежний статус почти независимого герцогства. После этого северная знать

¹ Ibid. P. 225; Florence of Worcester. P. 172; *Adam R.* Op. cit. P. 154–155.

² *Freeman E.* Op. cit. P. 243.

³ Ordericus Vitalis. P. 229.

⁴ Ibid.

⁵ ASC. P. 149.

навсегда отвернулась от Эдвина и Моркара, более не могущих претендовать на роль лидеров оппозиции¹. Новое восстание готовилось более тщательно: важным моментом стали просьбы северян о помощи к датскому королю Свейну Эстридсену. Почему именно к Дании, а не к Норвегии, например — видимо, все по той же причине прежней этнокультурной общности населения бывшего Денло, в том числе Йоркшира, с датчанами, хотя, как показали события 1066 г., на Севере были рады приветствовать скандинавов вообще. Знать Йоркшира была тоже датской по происхождению; относительная же сила Свейна в этот период сделала его, по-видимому, более предпочтительным кандидатом, чем Норвегия (еще, вероятно, не успевшая оправиться после разгрома своих лучших сил при Стэмфорд-Бридже), Шотландия или какая-либо из континентальных стран.

Возванию к датчанам предшествовала неудача самих нортумбрийцев в попытке самостоятельно поднять восстание летом 1069 г. Источники почти не освещают этот факт, начиная повествование сразу с прибытия датчан в сентябре 1069 г. По-видимому, хронисты снова умалчивают о неприятных для короля фактах сопротивления местных жителей новой власти, акцентируя внимание на иностранной интервенции как причине данных событий. Между тем, как пишет Фримен и некоторые современные исследователи, северные повстанцы во главе с вернувшимися из шотландской эмиграции Госпатриком и Мерлесвейном перебили нормандский гарнизон в Йорке и заняли город. Вскоре к ним присоединился и Эдгар Этелинг, который прибыл из эмиграции отдельно от них и, высадившись сначала в Линкольншире, едва не попал в плен к нормандскому патрулю².

Узнав обо всем этом, Вильгельм наскоро собрал войско и совершил марш-бросок на север по маршруту 1068 г., выбив повстанцев из Йорка в уличных боях и построив там второй замок. После этого король вернулся на юг, предоставив борьбу с повстанцами коменданту Йорка Гийому Мале. Но, кроме собственно города Йорка, Север оставался по-прежнему во власти повстанцев³. Поход Вильгельма на сей раз был сиюминутным, экстренным мероприятием, а не завоеванием Нортумбрии. Только последующее датское вторжение заставило Вильгельма оценить всю опасность, исходившую с Севера.

История самих переговоров повстанцев с датчанами неизвестна, но ясно, что датское вторжение в сентябре 1069 г. не было случайным, как

¹ *Stenton F.M.* Op. cit. P. 238.

² *Freeman E.* Op. cit. P. 238; *Stenton F.M.* Op. cit. P. 273.

³ *Ordericus Vitalis.* P. 227; *Kapelle W.* Op. cit. P. 112; *Freeman E.* Op. cit. P. 242.

ясно и то, что такого рода альянсы вошли в практику оппозиции. На протяжении последующих лет Англия неоднократно подвергалась нашествиям датчан, прибывавших по соглашению с очередной группировкой повстанцев (1070, 1072, 1075 гг.).

Флот, отплывший около 15 августа 1069 г. из Дании, насчитывал от 240 до 300 кораблей. В составе датского войска были обширные контингенты из других земель — поляки, литовцы, поморские славяне, северогерманцы¹. В целом, эта экспедиция не уступала по масштабам походу Харальда Сурового в 1066 г. Во главе экспедиции стояли сыновья самого Свейна Харальд и Кнут, а также ярлы Торкель и Асбьерн (брат Свейна). Первоначально датчане пытались высадить десанты в другой бывшей области Денло — Восточной Англии, но в Ипсвиче их отбили местные жители, а в Норидже — нормандский гарнизон во главе с бретонцем эрлом Ральфом де Гадером². Вероятно, так Вильгельму и стало известно о датском вторжении.

Наконец, 8 сентября 1069 датский флот вошел в Хамбер, где датчан встретили повстанцы во главе с Госпатриком, Мерлесвейном, Этелингом и новым эрлом Нортумбрии Вальтьофом Сивардсоном, примкнувшим к восстанию. Объединенный флот датчан и англосаксов (а повстанцы располагали собственными судами) поплыл к Йорку, где сильный нормандский гарнизон укрепился в двух замках. Нормандцы совершили ряд ошибок: во-первых, они подожгли дома вокруг замков, опасаясь, что бревна и прочие материалы могут быть использованы повстанцами для заваливания рвов; в результате загорелся весь город, что не было редкостью в Средневековье. Пожар, по-видимому, только усугубил общую панику, что сыграло на руку восставшим как в моральном, так и в материальном смысле, если учесть точку зрения Стентона и Дугласа о том, что замки первых лет нормандского завоевания были деревянными, временными, лишь потом сменившись постоянными каменными, требовавшими целые годы для строительства. Во-вторых, нормандцы под влиянием общей неразберихи решили биться в открытую на улицах горящего Йорка с превосходившими их силами датчан и повстанцев, бросив укрепления. В результате 20 сентября 1069 г. Йорк был взят союзниками, замки разрушены, а гарнизон истреблен в уличных боях³. Флоренс утверждает,

¹ ASC. P. 149; Florence of Worcester. P. 173; Ordericus Vitalis. P. 227. Наличие в датском войске контингентов из числа упомянутых народностей дает повод Ордерикю подчеркивать «нечестивый», «языческий» характер данного войска.

² Florence of Worcester. P. 173; Ordericus Vitalis. P. 225, 227; Stenton F.M. Op. cit. P. 272.

³ ASC. P. 149; Florence of Worcester. P. 173; Stenton F.M. Op. cit. P. 274; Douglas D.C. The age of the Normans. P. 212.

что «более 3 тысяч нормандцев было убито»¹, но, впрочем, это, видимо, завышенная цифра; странно, что один гарнизон Йорка составлял 2/3 от численности армии Вильгельма при Гастингсе; возможно, Флоренс имел в виду нормандцев вообще, включая колонистов. Жизнь была сохранена только коменданту с семьей и еще несколькими пленными².

Успех восстания можно объяснить не только датской помощью, но и тем, что здесь в наибольшей мере имелась массовая поддержка восстания, чем где-либо еще за предыдущие годы. Ордерик Виталий отмечает, что после взятия Йорка по всем селам Йоркшира начались праздничные пиры, где местные жители братались с датчанами, встречая их как освободителей³. Объяснить этот факт можно только исходя из упоминавшихся уже неоднократно идей Грина, Фримена, в наши дни — Кэпелла о схожем уровне социокультурного развития бывших областей Денло со скандинавскими странами (не говоря уж о крепости их культурных связей в рамках североевропейского ареала). Свободное крестьянство было более активным политически и, вместе с тем, теснее смыкалось с местной знатью. Стентон отмечал, что большинство англосаксонских феодалов-тэнов немногим отличалось от зажиточных крестьян по своему общему патриархальному укладу жизни⁴. На севере Англии, как и в скандинавских странах того времени, не было еще той пропасти между знатью и крестьянами, как в феодальной Франции или хотя бы в Уэссексе. Пожалуй, именно поэтому Северное восстание 1069 г. в наибольшей степени носило «национальную» окраску, хотя и возглавлялось аристократией — «национальную» не в общенациональном, а в региональном смысле. Как подчеркивает Фримен, в то время национальные чувства имели именно локальный характер, распространяясь на ближайшую местность и общность людей, а не на страну в целом⁵. Это наследие родоплеменного менталитета было еще очень сильно на таких вот «окраинах Европы», как и социально-экономические реалии родового строя, и соответствующие политические порядки, о чем уже говорилось в начале главы. Северяне в 1069 г. отстаивали свой патриархальный уклад, свою обособленность от феодализирующегося Юга, свой «германизм».

Во всяком случае, своим размахом и характером это восстание заметно отличается, например, от экспедиций сыновей Гарольда. Так что, хотя и следует корректировать либеральные иллюзии историографии

¹ Florence of Worcester. P. 173.

² ASC. P. 149; Florence of Worcester. P. 173.

³ Ordericus Vitalis. P. 229, 231.

⁴ Stenton F.M. William the Conqueror... P. 238–239.

⁵ Freeman E. Op. cit. P. 451: «In the XIth century men's local feelings were at least as strong as their national feelings».

XIX в. о «народности», все же это восстание было, скорее всего, «более народным», чем все прочие, базируясь на патриархальном единении местной аристократии с народом, и этнокультурном — с датчанами. Радужный прием датчан в Йоркшире явно контрастировал с «приемом» в других местах их высадки (см. выше).

Ближе всех по степени «народности» к восстанию 1069 г. стоит разве что движение Эдрика Дикого в Херефорде, меньшее по размаху.

Тем временем вести о событиях в Нортумбрии дошли до Вильгельма. Король, по сообщению хрониста, «немедленно собрал войско»¹ и начал одну из самых длительных военных кампаний своего царствования, ставшую переломной в процессе завоевания Англии. «Немедленно» начатая — очевидно, не раньше последних чисел сентября 1069 г., если учесть скорость преодоления расстояний в то время — эта кампания закончилась только весной 1070 г. разгромом основных группировок повстанцев на севере и западе страны.

Пока Вильгельм шел с войском на Север, опираясь на отстроенные в 1068 г. замки, повстанцы проявляли удивительную беспечность, предаваясь упомянутым празднествам, пирам и увеселениям в селах Йоркшира. Нормандцы застигли их врасплох. Отряды под руководством Роберта де Мортена и Роберта д'Е осуществили сокрушительный рейд по селениям к югу от Хамбера, обратив в бегство пировавших там датчан и повстанцев, бежавших с большими потерями в Йорк, под защиту укреплений². Основные же силы датчан разместились во временном лагере для зимовки в Линдсее — заболоченной полосе побережья к югу от Хамбера, тем самым оторвавшись от своих англосаксонских соратников в Йорке. Между тем, в Линдсее поддержки было ждать не от кого, так как прилегающая часть северо-восточной Мерсии — Линкольншир, Ноттингем — хотя и входила когда-то в Денло, но после похода Вильгельма 1068 г. была густо застроена нормандскими замками и контролировалась королем; попытка поднять восстание здесь скорее всего была бы безрезультатной, как на Юго-Западе после его покорения и «озамкования» (см. выше). Вильгельм осадил датчан в Линдсее — осадил с суши, так как море было во власти многочисленного датского флота. Дальнейшие боевые действия в Линдсее — тогда еще труднодоступной из-за болот местности — отличались крайней напряженностью: нормандцы дважды с переменным успехом выбивали датчан оттуда, но те уходили от разгрома, опираясь на флот, маневрирующий вдоль побережья³.

¹ Florence of Worcester. P. 173.

² Ordericus Vitalis. P. 231.

³ Ibid. P. 229; *Kapelle W.* Op. cit. P. 116.

К сожалению, точная датировка этих событий в источниках и литературе отсутствует, но, очевидно, бои в Линдсее заняли весь октябрь и, возможно, часть ноября 1069 г. В это время у нормандцев появилась новая проблема: в западных графствах, одновременно с йоркским восстанием, достигло своей кульминации движение Эдрика Дикого. Следует отметить, что северо-запад Англии тогда еще оставался не затронутым нормандским завоеванием районом, куда, в силу его независимости, стекались недовольные. В конце лета — начале осени 1069 г. начали активную повстанческую деятельность жители Честера, и результатом этого стало слияние оппозиционных движений на западе Англии в одно целое. Отряды чеширцев, Эдрика Дикого и валлийцев Бледдина объединенными усилиями осадили и сожгли дотла Шрусбери — важный опорный пункт на уэльской границе. Далее восстание перекинулось в Стаффорд, то есть, уже в центральную Мерсию, создавая угрозу самому существованию здесь нормандской администрации. В этой ситуации Вильгельм благоразумно отказался от дальнейшего продвижения в Нортумбрию, поскольку имелась перспектива быть зажатым между датчанами, западными повстанцами и северянами. Поэтому Вильгельм, блокировав датчан в Линдсее частью своих войск, с остальными силами совершил (очевидно, в ноябре 1069 г.) стремительный марш в Стаффорд, где, по сообщению Ордерика, в исключительно кровопролитных боях разбил западных повстанцев¹, навсегда ликвидировав угрозу их объединения вдоль уэльской границы. Хотя сопротивление в западных графствах не прекратилось, его силы, подорванные в стаффордской кампании, были локализованы и раздроблены: Эдрик остался в Херефорде, а чештерцы — на северо-западе, прижатые к морю.

Теперь Вильгельм мог вернуться к выполнению первоначальной задачи — усмирению северян. Датчане утратили наступательную инициативу и преимущественно оборонялись. Таким образом, йоркширские повстанцы остались в одиночестве. Географическая граница Нортумбрии проходила по р. Эр — одной из многих, впадающих в Хамбер. Здесь Вильгельм встретился с войском повстанцев, закрепившихся на противоположном берегу и державших в своих руках переправы. О характере боевых действий, сопровождавших все попытки нормандцев переправиться через Эр, в источниках ничего не говорится. Ордерик пишет, что северяне обороняли переправы целых три недели, из чего можно сделать вывод о «стоянии» противников по разным берегам реки, с попытками нормандцев переправиться, успешно отражавшимися повстанцами. Однако затем разведывательный отряд из 60 рыцарей во

¹ Ordericus Vitalis. P. 229.

главе с Лизуа де Мутье — до тех пор неизвестным рядовым рыцарем — нашел брод выше по течению реки, в районе нынешнего Лидса, и отбил его у англосаксов. Так армия Вильгельма вторглась в Нортумбрию, начав ее окончательное завоевание и присоединение. Сам Йорк был оставлен повстанцами без боя¹. После переправы через Эр наступательная инициатива полностью перешла к нормандцам, а Йорк стал временной резиденцией Вильгельма.

Декабрь 1069 и начало января 1070 гг.² прошли в так называемом «опустошении Севера» — рассылке из Йорка карательных отрядов, дотла разорявших местность. Каратели поголовно убивали население, вне зависимости от участия или неучастия в восстании, выжигали посевы, портили сельскохозяйственные орудия, разрушали дома. Гибель урожая накануне зимы сделала свое дело: от тотального голода и разорения погибло еще больше жителей, чем собственно от военных действий. Людоедство, поедание кошек и собак, десятки неубранных трупов вдоль дорог — такова была картина Нортумбрии после этих событий. Впрочем, число жертв, видимо, преувеличено хронистами: так, Ордерик называл цифру в 100 тыс. чел.³ Тем не менее, «опустошение Севера» чисто физически положило конец всякой независимости этого региона. Нортумбрия была навсегда, «железом и кровью» присоединена к английской короне. Собственно, бороться за независимость там было теперь никому: на север от Йорка лежали 50 миль «выжженной земли», за которыми начиналась Шотландия; в Дареме жители многих селений сами бежали в горы, леса, за границу, едва слышав о приближении карателей⁴. Результаты северного опустошения были впечатляющими: еще в 1086 г. в «Книге Страшного Суда» многие северные территории были обозначены как «пустошь»; число поселений в Йоркшире сократилось на 35–60 %⁵. Впрочем, следует отметить, что северное опустошение не было единственным в своем роде. К аналогичным мерам Вильгельм прибегал при подавлении сопротивления в других районах — например, на Юго-Западе в 1068 г., или в Стаффорде в ноябре 1069 г., причем разрушения и жертвы были не менее значительными, и многие дома там пустовали еще в 1086 г.⁶ Просто северное опустошение наиболее «прославилось»

¹ Ibid. P. 231–233; *Kapelle W.* Op. cit. P. 117; *Stenton F.M.* William the Conqueror... P. 278–279.

² Флоренс пишет: «всю зиму...», но это неверно, так как уже в январе 1070 г. Вильгельм двинулся из Йорка на Честер. *Florence of Worcester.* P. 173.

³ ASC P. 149–150; *Florence of Worcester.* P. 173–174; *Ordericus Vitalis.* P. 233; *William of Malmesbury.* P. 283–285; *Kapelle W.* Op. cit. P. 118.

⁴ *Kapelle W.* Op. cit. P. 118–119.

⁵ *Adam R.* Op. cit. P. 165–166.

⁶ Ibid. P. 153; *Stenton F.M.* Op. cit. P. 176.

своими масштабами, а также, видимо, потому, что это была самая независимая окраина Англии.

Что касается дальнейшей судьбы оставшихся при оружии повстанцев, то вылазки, которые Вильгельм после Рождества предпринял в их поисках в разоренную округу, были пока безуспешными — обнаружить лидеров восстания не удавалось. Датчане же, вытесненные из Линдсея, кочевали по морю и Хамберу, пытаясь закрепиться для зимовки — хоть и недоступные для нормандцев, но вряд ли их положение можно было назвать комфортным. С ними Вильгельм весьма своевременно заключил соглашение, позволив датчанам зимовать на английском побережье и даже кормиться за счет его грабежа в обмен на их нейтралитет в делах с повстанцами; со стороны Вильгельма это соглашение, заключенное с «крайне жадным», по словам летописца, ярлом Асбьерном, подкреплялось значительной суммой денег¹.

Так, благодаря дипломатической ловкости Вильгельма, остатки северных повстанцев лишились последней надежды — помощи датчан, и их судьба была предрешена. Последняя группа повстанцев укрепились в устье р. Тиз, в болотах Холдернесса — побережья к северу от Хамбера, сильно заболоченного, залитого водой и потому удобного к доступу с моря (но не с суши), как и Линдсей, и лежащий еще южнее Фенланд в Восточной Англии. Здесь в январе 1070 г. Вильгельм осадил их, и повстанцы, так и не дождавшись датчан, сдались. Вальтьоф при этом принес присягу Вильгельму, скрепленную браком с дочерью последнего, и в 1072 г. был назначен эрлом Нортумбрии взамен формально числившегося таковым Госпатрика. Эдгар Этелинг сдавался «заочно», предпочтя эмиграцию; следы Мерлесвейна теряются². Так завершилось Северное восстание 1069 г.

В целом, Нортумбрия была покорена, хотя и ценой разорения, граничившего с геноцидом. В 70–80е гг. нормандцы активно насаждают здесь стандартную военно-административную структуру — замки, новую аристократию, и т.д., как и по всей стране. Во всяком случае, какое бы то ни было упоминание о независимости Нортумбрии исчезает навсегда.

После разгрома Северного восстания перед Вильгельмом осталась более легкая задача — подавить последние (на тот момент) очаги сопротивления, изолированные после событий 1069 г. — Чешир и район действий Эдрика Дикого. Последним звеном длительной кампании

¹ ASC. P. 282; Florence of Worcester. P. 173. Интересно, правда, что в «Англо-Саксонской Хронике» ничего не говорится об этом соглашении.

² Freeman E. Op. cit. P. 297–303; Ordericus Vitalis. P. 233; Kapelle говорит о женитьбе Вальтьофа не на дочери, а на племяннице Вильгельма: Kapelle W. Op. cit. P. 127.

1069–1070 г. стал поход из Йорка на Честер в феврале 1070 г. Тот факт, что Вильгельм даже не сделал передышки, говорит о его стремлении как можно скорее завершить завоевание, не дать повстанцам оправиться от поражений. Крайняя сложность похода в Чешир заключалась в том, что путь туда из Йоркшира лежал через занесенные снегом Пеннинские горы, а дорог туда, после разрушения старой римской дороги, вообще не было, кроме проселков. Во время крайне тяжелого перехода через Пеннины в нормандской армии, испытывавшей лишения, вспыхнуло недовольство, с трудом улегшееся лишь благодаря авторитету и ораторским способностям Вильгельма, пошедшего на диалог с войском¹.

Что касается честерцев, то они вместе с остатками валлийских союзников, как и Эдрик, после поражения 1069 г. сохраняли чисто оборонительную позицию, не предпринимая никаких активных действий. Странно, что столь удобно расположенный морской порт не привлек на помощь ирландцев, валлийцев, стратклайдских бриттов, куда более близких географически, чем Дания для северян. Но, очевидно, политическая конъюнктура в регионе не была для того благоприятной в данный момент, тогда как Вильгельм не заставлял себя долго ждать. В источниках не говорится, был ли Честер взят военной силой, или сдался сам; но местность была разорена нормандцами, как в других областях². Вообще, честерская история напоминает восстание Эксетера 1068 г.; вряд ли честерцы претендовали на большее, чем локальная автономия — не было перспектив.

Честерский поход стал последним ударом по движению Эдрика Дикого. Обескровленные трехлетней борьбой, Эдрик и Бледдин сдались Вильгельму в июне 1070 г., принеся присягу. Эдрик стал в дальнейшем военным деятелем на службе у Вильгельма (см. далее). С падением Честера и сдачей Эдрика завоевание Англии было практически завершено. Беспокойная уэльская граница была отдана в ведение Г. фиц-Осберна (эрл Херефорда, Вустера и Глостера), Р. Монтгомери (эрл Шрусбери) и Хью д' Авранша (эрл Чешира), опираясь на которых и действуя традиционными методами (строительство замков, и т.д.), Вильгельм и другие англо-нормандские короли начали долговременное наступление на Уэльс, навсегда перехватив у валлийцев стратегическую инициативу. Успехи нормандцев, поддерживаемых англосаксонскими отрядами и колонистами, были таковы, что уже к середине 80-х гг. XI в. весь Южный Уэльс (Дифед и другие территории к югу от р. Северн) был полностью завоеван, а Северный и Центральный Уэльс (Гвинедд и Поуис) потеряли прежнюю

¹ Ordericus Vitalis. P. 235; Stenton F.M. Op. cit. P. 283.

² Freeman E. Op. cit. P. 311–313.

независимость в 1075–1081 гг.¹ В сущности, здесь политика нормандцев успешно продолжала прежнюю политику англосаксонских королей.

ПОСЛЕДНИЕ КРУПНЫЕ ОЧАГИ АНГЛОСАКСОНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ. УКРЕПЛЕНИЕ НОРМАНДСКОГО РЕЖИМА

Что касается сопротивления англосаксов нормандцам, оно не исчезло; наоборот, его локальный очаг неожиданно образовался в доселе лояльной Восточной Англии, за все годы нормандского завоевания никак не выступавшей против новой власти. Более того, горожане Ипсвича оказали в 1069 г. сопротивление датскому десанту (см. выше). В свете всего этого кажется загадкой, почему в 1070 г. Восточная Англия радушно встретила тех же датчан и англосаксонских повстанцев — хотя, впрочем, далеко не вся. Само движение в Восточной Англии, центром которого стало аббатство Или, расположенное на одноименном острове в заболоченном районе Фенн, исключительно удобным для доступа с моря по многочисленным протокам, рукавам рек и просто покрытым водой пространствам, началось стихийно. Местных повстанцев, первое упоминание о которых относится к маю 1070 г., возглавил бывший тэн Херевард, чья биография чем-то напоминает судьбу Эдрика Дикого. Уроженец Линкольна или Уорвика, державший небольшие земельные владения от монастырей Кроуленд и Питерборо, Херевард в годы Нормандского завоевания потерял их — то ли в ходе конфискаций, то ли из-за несоблюдения земельного договора. Остальные подробности его биографии неизвестны, и порой непонятно, был ли он скорее разбойником, волей судьбы оказавшимся в этом амплуа, или героем англосаксонского сопротивления в полной мере. Источники лишь в один голос говорят о его исключительной храбрости и прочих всинских талантах. Возможно, наряду с Эдриком Диким, Херевард послужил прототипом для героя народных сказаний Робин Гуда².

Заключительный аккорд в оформлении повстанческого лагеря в Или внесли датчане. Не следует забывать, что перемирие, согласно которому датский флот уплыл домой, перезимовав в Англии и храня нейтралитет, было заключено «крайне жадным до денег» ярлом Асбьерном; как оказалось, датский король вовсе не уполномочивал его на подобные

¹ Florence of Worcester. P. 175; *Adam R.* Op. cit. P. 142, 164, 202–203; *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. P. 596; *Freeman E.* Op. cit. P. 457; *Le Patourel J.* The Norman Empire. P. 62–64.

² ASC. P. 150; Florence of Worcester P. 175, 177; *Ordericus Vitalis.* P. 257; *Freeman E.* Op. cit. P. 452–454, 482; *Stenton F.M.* William the Conqueror... P. 290.

переговоры, и по возвращении Асбьерн оказался в опале¹. Король Свейн теперь уже лично возглавил новую экспедицию в Англию, словно пытаясь любой ценой вернуть былое датское влияние на Британских островах. В сущности, не было ничего невероятного в том, что, успев датчане поддержать местную англосаксонскую оппозицию в наиболее благоприятные моменты ее выступления и доведи дело до конца, не бросая союзников, как Асбьерн, то Англия могла бы вновь разделиться — на сей раз на англо-нормандское королевство и новое Денло (естественно, меньшее, чем старое, но вполне могущее поглотить ту же Нортумбрию, Линдсей, или часть Восточной Англии). Собственно, такая опасность и возникала во время очередного альянса региональной знати с датчанами или норвежцами (в 1066, 1069, 1070, 1075 гг.). Все это словно возвращало Англию в уходящую эпоху викингов, демонстрируя крепость тех связей, которые патриархальный германский север Европы не хотел уступать без боя нормандцам. Активность Свейна тем более примечательна, что с 1042 по 1066 г. скандинавы не предпринимали столь масштабных вторжений в Англию (не считая двух-трех мелких набегов). Теперь же датчане словно взялись наверстывать упущенное.

В конце весны 1070 г. датский флот прибыл на сей раз к берегам Восточной Англии, где, кстати, осталось еще некоторое количество кораблей из флота Асбьерна, не пожелавших вернуться домой. Отсюда датчане частично проникли вглубь Фенн, где объединились с повстанцами Или. Некоторые источники свидетельствуют о восторженной встрече датчан жителями Фенланда — примерно такой же, как в Йоркшире в 1069 г. По-видимому, этот наиболее глухой район Восточной Англии, в IX в. входившей в датское королевство Гутрума, еще крепко хранил свои скандинавские традиции, в отличие от прибрежных городов, лояльных нормандцам. Тем не менее, нет оснований считать поддержку датчан здесь столь же масштабной, как в Йоркшире, поскольку движение в Или не отличалось большим размахом. Это был последний лагерь оппозиции на английской земле, производивший больше шума, чем действия. Наиболее известной акцией Хереварда стало взятие штурмом соседнего крупного аббатства Питерборо, где умер англосаксонский аббат Бранд, а взамен его был назначен нормандец Турольд с отрядом в 160 солдат (Вильгельм почти всегда снабжал охраной назначенных им церковных прелатов из соображений безопасности). В этот момент повстанцы и взяли Питерборо 1–2 июня 1070 г., причем датчане переусердствовали, перебив монахов и варварски разграбив монастырь вполне в традициях викингов. В сущности, как отмечает Адам, взятие Питерборо было

¹ Florence of Worcester. P. 175.

оправдано с военной точки зрения, дабы предотвратить проникновение нормандцев через этот пункт вглубь Фенн. Но на деле все ограничилось описанным актом разбоя; разграбление церквей и убийство монахов, несомненно, получившее огласку через людей Турольда, подошедших на день позже и заставших лишь пепелище — все это должно было создать повстанцам негативный образ в глазах общественного мнения, репутацию разбойников и святотатцев¹.

Между тем, Вильгельм по уже испытанному «рецепту» заключил перемирие со Свейном; трудно сказать, как ему это удалось, но после взятия Питерборо датский флот ушел восвояси, в том числе и та его часть, что проникла в Фенны, за исключением разве что добровольно оставшихся. Повстанцы оказались в одиночестве, брошенные непостоянными союзниками, да еще с клеймом «язычников». В этих условиях наступательные действия с их стороны были вряд ли возможны, а дни лагеря в Или, по большому счету, сочтены. Правда, за это время лагерь повстанцев пополнился подкреплениями, в том числе англосаксонскими магнатами высшего ранга. Так, в апреле 1071 г. по непонятным причинам от Вильгельма бежали жившие при дворе эрлы Эдвин и Моркар, неожиданно вновь вставшие в оппозицию королю. Хронист пишет, что они «опасались ареста»², но за что — неясно. Поскольку воевать с нормандцами, располагая лишь вооруженной свитой, было бессмысленно, братья собирались бежать в Шотландию, куда стекалось большинство англосаксонских эмигрантов и беженцев после подавления Северного восстания; но по пути Эдвин был убит — опять же неясно, то ли в стычке с нормандцами, то ли в ссоре или с корыстной целью кем-то из своих приближенных (англосаксонские источники отстаивают первую версию, нормандские — вторую)³. В итоге Моркар один бежал в Или «водным путем»; туда же прибыли опальный епископ Дарема Этельвин, изгнанный со своего поста, и мерсийский дан Сивард Беарн — оба с отрядами, вероятно, из остатков нортумбрийских повстанцев. Флоренс пишет о якобы их совместном с Моркаром бегстве, но «Англо-Саксонская Хроника» этого не подтверждает⁴. Таким образом, невыясненным остается факт возможного существования в апреле-мае 1071 г. некоей повстанческой группировки во главе с этими лицами до их прихода в Или. Впрочем, это факт более чем сомнительный, так как никаких иных доказательств в его пользу нет. Главное, что так или

¹ ASC P. 151–152; Ordericus Vitalis. P. 257–259; *Adam R.* Op. cit. P. 174, 182.

² ASC. P. 152; Florence of Worcester. P. 177; *Freeman E.* Op. cit. P. 464.

³ ASC. P. 154; Florence of Worcester. P. 177; Ordericus Vitalis. P. 259; *Freeman E.* Op. cit. P. 464.

⁴ ASC. P. 154; Florence of Worcester. P. 177; *Adam R.* Op. cit. P. 186.

иначе все эти люди весной 1071 г. оказались в Или, придав движению новый импульс.

Тем не менее, после ухода датчан военное преимущество было целиком на стороне Вильгельма. Летом 1071 г. он вплотную приступил к осаде Или. Со стороны моря остров был блокирован флотом, дабы не только отрезать повстанцам путь к бегству, но и предотвратить возможные нападения датчан. С суши же нормандские солдаты возвели мосты через болота длиной в две мили. Оказавшись лицом к лицу с перспективой нормандского штурма со всех сторон, оппозиционеры сдались Вильгельму, за исключением Хереварда, бежавшего с группой соратников через болота. Лагерь в Или прекратил свое существование; 27 октября 1071 г. Вильгельм лично вступил туда. Моркар, Этельвин и Сивард Беарн провели остаток его царствования в заключении, будучи выпущенными на свободу лишь по предсмертному указанию Вильгельма (Этельвин умер в тюрьме)¹. Следы же Хереварда теряются; впрочем, Кэпелл считает, очевидно, основываясь на полуполюгендарной версии Гаймара, что он был убит в бою с рыцарями из Тэтбери — одного из многочисленных новых замков на Северо-Востоке².

Или был последней базой оппозиции на территории Англии. В последующие годы чрезвычайно активизировались эмигранты в Шотландии, и Вильгельму пришлось вновь позаботиться об обороне своего королевства на севере. Вообще, скотты без враждебности принимали у себя множество англосаксонских беженцев и эмигрантов, волнами исходивших с севера Англии, в особенности после разгрома восстания 1069 г., да и раньше, причем эмигрантов порой самого высокого ранга (например, Эдгара Этелинга). Английская эмиграция оказала известное культурное влияние на Южную Шотландию³. Но начало активной военной помощи скоттов англосаксонской оппозиции в начале 70-х гг. имело конкретную причину: когда Эдгар Этелинг с матерью и сестрами в 1068 г. бежал ко двору Малькольма Кэнмора, шотландский король влюбился в его сестру Маргарет и, видимо, в обмен на ее взаимность начал активную деятельность в поддержку повстанцев. Бракосочетание действительно состоялось в 1069 или 1070 г., но помощь скоттов была весьма своеобразной: в 1070 г. они совершили рейд в Нортумбрию, разорив и без того разрушенные Дарем, долину р. Тиз, и т.д., причем по степени варварства этот набег был сродни деяниям викингов и нормандцев⁴. В ответ на это

¹ ASC. P. 154; Florence of Worcester. P. 177, 185; *Freeman E.* Op. cit. P. 478.

² *Kapelle W.* Op. cit. P. 144.

³ *Freeman E.* Op. cit. P. 511–512.

⁴ William of Malmesbury. P. 282; Symeonus Dunelmensis. P. 86–88; *Freeman E.* Op. cit. P. 505.

Вильгельм во второй половине августа 1072 г., накопив силы после измотавших его воинство баталлий 1069–1071 гг., совершил большой поход в Шотландию при поддержке флота, пройдя ее насквозь вплоть до р. Тэй. Малькольм, не имевший сил для сопротивления столь огромной армии, почел за благо заключить с Вильгельмом мир в местечке Абернети и признать свой вассалитет. Интересно, что в этом походе на стороне Вильгельма участвовал Эдрик Дикий. Но практической пользы этот поход принес мало; страна была бедная, и на добычу рассчитывать не приходилось¹, а Малькольм вскоре продолжил свою прежнюю политику, к чему его склоняла многочисленная, до нескольких тысяч человек одной только знати, англосаксонская эмиграция, ставшая, по словам Рассела, материалом для 500-летней пограничной войны между Англией и Шотландией². Очередной крупный набег скоттов случился в 1079 г, причем неспособность нормандских властей защитить от него местное население спровоцировала последний серьезный взрыв недовольства в Нортумбрии — Гейтсхедское восстание 1080 г.

Дело было в том, что нормандский епископ Валькер (лотарингец по происхождению), совмещавший эту духовную должность с постом эрла Нортумбрии (с 1076 г.), не обладая военно-организаторским талантом, не смог защитить Север от разрушительного набега скоттов; это озлобило северян против него. Последней каплей стало убийство приближенными Валькера англосаксонского магната Лиульфа, бежавшего в свое время от конфискаций и произвола нормандцев в Дарем, где у него было имение. Лиульф пользовался авторитетом, поэтому его убийство вызвало стихийную резню нормандской администрации 14 мая 1080 г. в Гейтсхеде — местном административном центре. При этом был убит и сам епископ, ничем не повинный в убийстве и даже состоявший в хороших отношениях с Лиульфом. Восстание, во главе которого стоял родич Госпатрика Эдульф Рус, из акта мести вылилось в банальный погром, в ходе которого сводились счеты между местными родами, как это часто бывало на Севере; попытка восставших взять местный нормандский замок не увенчалась успехом³. Вильгельм со своей обычной оперативностью отреагировал на восстание, совершив рейд в Нортумбрию и уничтожив остатки местной знати, чем подорвал окончательно социальную базу сопротивления⁴.

Восстание в Дареме было последним актом англосаксонского со-

¹ Florence of Worcester. P. 177; *Kapelle W.* Op. cit. P. 125–126.

² *Russell J.* Demographic aspects of the Norman Conquest. P. 16–17.

³ Florence of Worcester P. 180–181; *Kapelle W.* Op. cit. P. 139–140.

⁴ *Kapelle W.* Op. cit. P. 141; Florence of Worcester. P. 183; *Freeman E.* Op. cit. P. 669.

противления в Нортумбрии. С этого момента упраздняется даже титул эрла Нортумбрии, дабы не напоминать о былой обособленности региона. Гийом де Сен-Кале, новый глава нормандской администрации в Дареме, носит титул лишь управляющего, но не эрла¹. Здесь, на шотландской границе, Вильгельм стал проводить уже опробованную в Уэльсе политику — разукрупнение прежних эрлств. В правление Вильгельма эрлство стало синонимом уже не прежнего, по сути, территориального герцогства, а военизированного пограничного округа размером с графство. Централизованная военная организация (прямое подчинение всех баронов королю) помогала держать новых «эрлов» под контролем, в то же время предоставляя им необходимую самостоятельность в военно-пограничных вопросах. Опираясь на замки, пограничные бароны расширяли рубежи королевства, в том числе и в Шотландии. Г. де Сен-Кале успешно воевал со скоттами, Рожер де Пуату — со стратклайдскими кельтами и ирландскими викингами, образуя на покоряемой территории новое графство Ланкашир. Правда, войны с Шотландией затянулись на несколько столетий, в отличие от более быстрого покорения Уэльса; но, по крайней мере, в XI в. конфликты со скоттами и их союзниками завершились уже при Вильгельме Рыжем, в ответ на очередной набег Малькольма (1091) нанеся мощнейший удар по Шотландии, в результате чего к Англии была присоединена Камбрия (Камберленд). Вскоре и сам Малькольм погиб в стычке с нормандцами в 1093 г.; а спустя два года новая война завершилась разгромом скоттов и долгим миром².

Так происходила стабилизация северной границы. Причина же неудач той части англосаксонской оппозиции, что сделала ставку на шотландцев, очевидна, как и в случаях с Тости и сыновьями Гарольда: скотты грабили и опустошали Англию, дискредитируя идею освободительного движения эмигрантов среди местного населения, подвергавшегося всем этим бедствиям. Кроме того, кельты были извечными врагами англосаксов, не имея с ними общих этнокультурных корней, в отличие от викингов, с которыми районы бывшего Денло охотно вступали в союзы на основе упоминавшейся общности традиций, языка, уклада. Поэтому в войнах с шотландцами англосаксы в подавляющем большинстве держали сторону короля, ведшего традиционную для них политику, а не оппозиции, в отличие от случаев датских вторжений. Просто нормандская военная администрация на местах справлялась с традиционными политическими задачами лучше, чем прежняя англосаксонская, на качественно новом

¹ *Adam R. Op. cit. P. 143, 145.*

² *Kapelle W. Op. cit. P. 145, 153–154; Le Patourel J. Op. cit. P. 69.*

уровне (строительство замков там, где их ранее не было, и другие меры), более эффективно¹.

Следует, однако, отступить несколько назад, дабы осветить немаловажное событие, являющееся, как и войны со скоттами и Даремское восстание, как бы последним отголоском нормандского завоевания. В 1074 г. произошло примирение наиболее видного из оставшихся лидеров оппозиции Эдгара Этелинга с Вильгельмом. Правда, обстоятельства этого события не менее запутаны, чем легенда о клятве Гарольда. Версия «С» «Англо-Саксонской Хроники» утверждает, что Этелинг специально отправился ко двору Вильгельма в Нормандию (Вильгельм тогда был на континенте) с этой целью; Флоренс подтверждает это, добавляя: «...проехав через Англию». Но версия «D» говорит, что он был занесен туда штормом и, оказавшись в сложном положении, пошел на формальное, лицемерное примирение с Вильгельмом². Эту версию поддерживает Кэпелл, указывая, что Этелинг возвращался в Шотландию из Фландрии³, куда бежал, очевидно, в 1072 г., во время похода нормандцев в Шотландию, ввиду обязательств Малькольма, данных Вильгельму, не помогать оппозиции. В этом случае Этелинг никак не мог «проехать через Англию». Впрочем, так или иначе, но факт его примирения с Вильгельмом зафиксирован хронистами. После этого он вернулся на жительство в Шотландию⁴.

Некоторые историки (например, Адам), считают, что на этом англосаксонское сопротивление можно считать оконченным, как и само нормандское завоевание⁵, хотя остатки оппозиции еще продолжали свою деятельность в Шотландии, инспирируя упоминавшиеся войны.

ОТ ЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА К ФЕОДАЛЬНЫМ СМУТАМ

Другой аспект деятельности оппозиции связан с еще одним событием — восстанием эрлов 1075 г. Мы нарушили хронологический порядок повествования в пользу шотландской темы, дабы осветить ее целиком. Восстание же эрлов было связано не с Шотландией, а с датчанами; два эти потока событий никак не пересеклись в Нортумбрии, хотя возможность этого была. Восстание эрлов на редкость подробно

¹ *Adam R.* Op. cit. P. 172.

² ASC. P. 156; *Florence of Worcester.* P. 177; Флоренс ошибается в датах, указывая 1073 г.

³ *Kapelle W.* Op. cit. P. 133.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Adam R.* Op. cit. P. 190.

описано в источниках и литературе, и по нему можно было бы написать отдельную работу. Поэтому мы затрагиваем его лишь в той степени, в какой оно связано с англосаксонским сопротивлением как последствием нормандского завоевания.

Суть событий такова. В отсутствие Вильгельма в 1075 г. трое эрлов — Ральф, эрл Норфолка и Суффолка в Восточной Англии (бретонец), Роджер, сын Г. фиц-Осберна, эрл Херефорда (нормандец) и Вальтьоф Сивардсон, эрл Нортумбрии (англосакс со скандинавскими корнями) — спланировали на свадебном пиру в Эксинге (Восточная Англия), где отмечали свадьбу сестры Роджера Эммы и Ральфа, замысел государственного переворота, в результате которого Англию предполагалось разделить на собственно королевский домен и два вассальных эрлства, во главе которых и стояли бы авторы замысла¹. Таким образом, планировался возврат к государственному устройству времен аристократических вольностей донормандского периода. Что побудило троих магнатов разного этнического происхождения к этому заговору — трудно сказать. Ордерик Виталий приводит подробные речи эрлов на пиру, содержащие массу обвинений в адрес Вильгельма; суть обвинений сводится в основном к критике чересчур жесткого правления, деспотических и непорядочных поступков короля по отношению ко многим баронам, хотя встречались обвинения и в «завоевании страны», что весьма странно слышать из уст нормандских магнатов². В целом, как хронисты, так и некоторые современные историки полагают, что этот замысел у эрлов созрел стихийно, в пьяном угаре свадебного застолья³.

Для нашей темы в особенности интересен Вальтьоф, присоединившийся к заговору позже всех. Он в наибольшей мере мог способствовать перерастанию аристократического заговора в восстание англосаксов, так как являлся видным представителем северной знати, сыном легендарного эрла Сиварда, одним из лидеров повстанческого движения в Нортумбрии в 1069 г., где пользовался большим авторитетом. Именно его эрлы прочили в короли, и именно он выступил с инициативой приглашения на помощь датчан, как и в 1069 г.⁴

Но повторения Северного восстания не получилось, как не удался и переворот в целом. Флоренс пишет, что сам Вальтьоф и проговорился о планах эрлов в письме к Ланфранку, сделав это умышленно, якобы из-за угрызений совести. Действия же эрлов не были скоординированы,

¹ Ordericus Vitalis P. 313–315; Stenton F.M. William the Conqueror... P. 332–333; Barlow F. William I and the Norman Conquest. P. 160–161.

² Ordericus Vitalis P. 315, 317, 319; Adam R. Op. cit. P. 194.

³ ASC. P. 158; Linklater E. The conquest of England. P. 252–253.

⁴ Barlow F. Op. cit. P. 160–161; Kapelle W. Op. cit. P. 136.

а силы их разбросаны по разным концам Англии. Двинувшиеся на соединение друг с другом отряды Роджера и Ральфа были остановлены поднявшимися по тревоге королевскими войсками и разбиты поодиночке: Роджер — близ переправы через р. Северн, где он напрасно надеялся на поддержку пограничных баронов, а в итоге был разгромлен баронами Урсом д'Абито и Уолтером де Ласи при поддержке англосаксонского ополчения епископа Вульфстана Вустерского и аббата Этельвига Ившемского. Ральф же был разбит в Кембриджшире войсками Одо из Байе и Джеффри Кутанса, также включавшими в себя англосаксов. Впрочем, Ральфу повезло больше: сначала он бежал в свой замок в Норидже, гарнизон которого потом 3 месяца выдерживал осаду англо-нормандских войск, а затем с женой — в свои бретонские владения, что повлекло, в свою очередь, вторжение Вильгельма в Бретань с целью покарать мятежного эрла; но осада его замка Дол не увенчалась успехом. Ральф и его жена умерли 20 лет спустя в Крестовом походе¹.

Что касается Вальтьофа, то за ним, казалось бы, стояли более серьезные силы, чем малочисленные войска других эрлов. У нортумбрийцев, считает Кэпелл, были побудительные причины именно к восстанию — стихийное народное возмущение чрезвычайным налогом, введенным на Севере Вильгельмом в 1074 г. Возможно, это и подтолкнуло Вальтьофа к вступлению в заговор с эрлами. Но надежды не оправдались. Север был, по-видимому, обескровлен после резни 1069 г. и не мог подняться еще раз; следующее восстание там, как уже говорилось, произошло лишь в 1080 г. (см. выше) — перерыв довольно долгий. Ставка же Вальтьофа на датчан оправдалась лишь частично; в Дании в 1074 г. умер король Свейн, поэтому датчанам было не до английских проблем, учитывая борьбу за престол². Когда же, наконец, датский флот в количестве 200 судов во главе с сыном Свейна Кнутом и ярлом Хаконом прибыл в Йоркшир, восстание было уже окончено; Ральф Норфолкский в это время уже эвакуировался в Бретань. Датчанам ничего не оставалось, как разграбить монастырь в Йорке и уплыть домой, не дожидаясь встречи с войском Вильгельма³.

Пленный эрл Роджер был осужден на пожизненное заключение; Вальтьоф же, сам явившийся к Вильгельму с повинной, тем не менее был обезглавлен несколько месяцев спустя, 31 мая 1076 г. в Винчестере⁴. Невольно напрашивается вопрос: почему, вопреки всякой логике, наибо-

¹ Florence of Worcester. P. 178–179; ASC. P. 158; Ordericus Vitalis. P. 323; Adam R. Op. cit. P. 197–198; Barlow F. Op. cit. P. 161.

² Kapelle W. Op. cit. P. 134–136.

³ ASC. P. 158; Kapelle W. Op. cit. P. 136; Adam R. Op. cit. P. 198.

⁴ Florence of Worcester. P. 178–179; Stenton F.M. Anglo-Saxon England. P. 603.

лее тяжелое наказание понес наименее виновный заговорщик, не проявивший какой-либо военной активности — Вальтьоф? Скорее всего, потому, что в его лице Вильгельм уничтожил последнего оставшегося в Англии претендента на лидерство среди англосаксонской оппозиции, последнего яркого представителя англосаксонской аристократии, за которым, случись восстание в Нортумбрии, пошли бы куда более крупные и опасные для Вильгельма силы, чем малочисленные отряды Ральфа и Роджера. Призрак северного сепаратизма все еще пугал Вильгельма.

В целом, характеризуя восстание эрлов, следует отметить, что по своему характеру оно принадлежало уже к новому «поколению» аристократических заговоров смешанной англо-нормандской знати, случавшихся в дальнейшем неоднократно. Трех столь различавшихся по своему этническому происхождению эрлов объединяли не национальные (даже в локальном понимании той эпохи), а чисто олигархические интересы. Эрлы принадлежали ко второму поколению магнатов, выросших как раз во время осуществления Вильгельмом политики смещения элит по принципу «главное — верность, а не национальность»; перефразируя это выражение Р. Адама, можно сказать, что «неверность (по отношению к королю), а не национальность» была единственным мотивом эрлов в этом предприятии. В наибольшей мере близким к традициям «национального» сопротивления был Вальтьоф, человек «старой закалки», почитавшийся в народе после смерти как герой и мученик. Но на деле при подавлении восстания эрлов опять восторжествовали достижения политики Вильгельма по использованию прежнего англосаксонского «регионализма» против самих повстанцев в целях централизации страны — вот такой парадокс; лояльные англосаксы одних областей натравливались на мятежников из других, причем неважно уже какой национальности. Даже такой видный англосаксонский прелат, как Вульфстан Вустерский, выступил в поддержку короля во главе традиционного англосаксонского фирда. Хотя перед ними были мятежные нормандцы и бретонцы, думается, что оказись на их месте Вальтьоф — ничего бы не изменилось.

На этих событиях 1075 и 1080 гг. нормандское завоевание Англии завершилось окончательно. Восстание эрлов открывало уже новую эпоху во внутривнутриполитических конфликтах, а восстание в Дареме было последним отголоском англосаксонского сопротивления собственно в Англии. Конечно, борьба эмигрантов продолжалась — не только в Шотландии или Скандинавии, где осело множество бывших тэнов и их потомков, участвовавших во всех набегах на свою бывшую родину, дабы отомстить, но даже в далекой Византии, где около тысячи англосаксов вошли в элитную наемную гвардию императоров и даже еще сражались

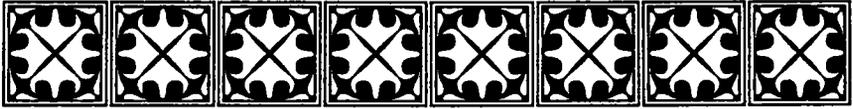
с нормандцами во время Крестовых походов на территории византийских владений¹. Но в целом, централизаторская политика Вильгельма восторжествовала над тенденциями региональной обособленности, питавшей сопротивление. Еще Уильям Малмсберийский (в наше время эту идею поддерживает Дуглас) отмечал, что в том же 1075 г. большинство англосаксов держало сторону короля, а не Вальтьофа или датчан. Если в 1066 г. реальную поддержку Вильгельму в Англии могла оказать разве что нормандская диаспора, то к 1074–1075 гг. постепенно образовалась широкая база поддержки новой власти среди самих англосаксов, прежде всего в среде смешанной англо-нормандской аристократии, новой элиты². В этом был успех Вильгельма как политика. Одним военным искусством он вряд ли смог бы победить целый народ, несмотря на заслуженную военную репутацию нормандцев во всей Европе. Безусловно, завоевание Англии было во многом обязано своим успехом бурной деятельности Вильгельма, его выдающимся личностным качествам лидера, организатора и полководца, молниеносности его стратегии, жестокости и решительности во всем, будь то боевые действия или террор мирного населения. Но не менее важная причина — это упомянутый «регионализм» англосаксов, их локальная раздробленность и соответствующий уровень этнического самосознания. Как верно заметил Фримен: «Почти половина Англии была против Вильгельма; но не было ни одного момента, когда его противники объединились бы»³. Поскольку основным выразителем «регионалистских» настроений была местная знать, то англосаксонское сопротивление было, в основном, аристократическим, малочисленным и локальным⁴, но никак не общенациональным. Это облегчало победу хорошо вооруженным и дисциплинированным нормандским войскам, громившим повстанцев поодиночке, с применением передовых достижений военного дела (замки и многое другое). Истребление и ассимиляция англосаксонской знати — два процесса, последовательно проводившихся Вильгельмом — привели к обезглавливанию и исчезновению основной базы сопротивления нормандцам.

¹ *Russell J.* Op. cit. P. 16.

² *William of Malmesbury.* P. 287–288; *Douglas D.C.* The age of the Normans. P. 73, 80; *Adam R.* Op. cit. P. 192.

³ *Freeman E.* Op. cit. P. 193.

⁴ *Adam R.* Op. cit. P. 159.



ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Как же воспринимали все эти события современники? На этот вопрос можно ответить прежде всего путем анализа произведений писателей и хронистов того времени, оставивших наиболее зримое выражение взглядов того или иного поколения.

Об особенностях различных групп нарративных источников уже говорилось в их обзоре. Что касается нормандских источников времени завоевания, то для их авторов характерен некий формально-юридический подход, обусловленный пропагандистскими задачами. Главный мотив — это обоснование прав Вильгельма Завоевателя на английской престол через известную легенду о клятве Гарольда и завещании Эдуарда Исповедника. Особенно лаконичен в этом отношении Гийом Жюмьезский. Якобы легитимные права Вильгельма на престол автоматически придают легитимный характер самому завоеванию, и дело выглядит так, словно речь идет о банальной феодальной междоусобице за престол; этнический фактор абсолютно игнорируется.

Гийом из Пуатье, чье повествование отличается большей подробностью и обстоятельностью, пытается дать нравственную оценку событиям (разумеется, в пользу герцога). Он противопоставляет Эдуарда Исповедника — «лучшего короля всех времен» (!) — и Гарольда, якобы захватившего трон, пока англосаксы оплакивали Эдуарда¹. Этот мотив уже

¹ William of Poitiers. P. 218.

любопытен; он свидетельствует о стремлении нормандского герцога дать (устаами хрониста) более глубокое обоснование своему воцарению в Англии путем апелляции к англосаксонским традициям и авторитетам (хотя, впрочем, общеизвестно, что Эдуард Исповедник был довольно бесцветной и пассивной политической фигурой, и почитали его исключительно за благочестие). Коронация Вильгельма в декабре 1066 г. произошла, согласно Гийому из Пуатье, «с согласия англов или, по крайней мере, по желанию их (английских — *М.Г.*) магнатов»¹.

Ги Амьенский, следуя линии упомянутых предшественников, в своей «Песни о битве при Гастингсе» обрушивается с гневными поэтическими филиппиками на Гарольда, столь же пламенно превознося Вильгельма, благо художественно-эпический характер произведения благоприятствует эмоциональным характеристикам. Гарольд в изображении Ги Амьенского, хотя и храбр, обладает всеми мыслимыми нравственными недостатками; он — «глупый король», грешник, братоубийца, клятвопреступник, и т.д. В свою очередь, Вильгельм — носитель монаршей и христианской доблести; автор сравнивает его с Цезарем, и т.п.²

Таким образом, нормандские источники XI в. отличаются крайней тенденциозностью. Легенда о праве Вильгельма на английский престол, о клятве Гарольда, морализаторское противопоставление Гарольда и Вильгельма, краткая история вторжения в Англию и битвы при Гастингсе, наконец, венчающая все это коронация — таков сюжет этих произведений. Взгляд с нормандской стороны на этом исчерпывается. Все, что происходит после коронации — это не более чем мелкие смуты против законного короля, случайные и не заслуживающие подробного описания.

М. Клэнчи отмечает, что нормандцы были одержимы двумя идеями — войны и христианства, являясь в своем роде идейными предками крестоносцев³. Это кажется верным и по отношению к нормандским хронистам: идею монархии и церкви они в целом ставят выше, чем национальную, этническую. Их взгляды — это яркий пример зарождающейся крестоносной идеологии с присущими ей пафосом, универсализмом и, вместе с тем, ограниченностью. Многие из характерных черт этих произведений перекочевали затем и в англо-нормандскую историографию XII в. (см. ниже).

Несравненно более серьезный подход демонстрируют англосаксонские летописцы. Во-первых, поскольку они лучше осведомлены об английских делах, то дают гораздо более полную картину событий, не ограни-

¹ Ibid. P. 230.

² Guy of Amiens. P. 11, 13, 15.

³ *Clanchy M.T. England & its rulers. P. 41–42.*

чивающуюся, как у их нормандских коллег, битвой при Гастингсе и коронацией Вильгельма: здесь и известия о вторжениях Тости, норвежцев, скоттов, датчан, и достаточно подробная картина англосаксонского сопротивления после 1066 г.; во-вторых, англосаксонские хронисты не могли открыто выступать против новой власти (да и вряд ли к этому стремились), но и пропагандистских целей, как у нормандских апологетов завоевания, не преследовали. Это привело к тому, что тон их повествования оказался довольно взвешенным, лишенным эмоций. Для англосаксонских хроник характерны позитивные оценки Гарольда и его деятельности, игнорирование легенды о «завещании Эдуарда Исповедника», умеренная позиция по отношению к Вильгельму, лишенная хвалебной патетики. Само нормандское завоевание воспринимается как бедствие, ниспосланное свыше «за грехи народа»¹. Вместе с тем, авторы оправдывают англосаксонских магнатов, сдавших Лондон и престол Вильгельму во избежание дальнейших жертв и разрушений².

В англосаксонских источниках подробно излагается история сопротивления нормандцам, и главное — четко указываются причины этого сопротивления, конкретные притеснения со стороны нормандцев по отношению к той или иной области, городу, а то и персоне, если речь идет о крупной знати, предводителях движения.

С другой стороны, нельзя не заметить, что тон англосаксонских хроник становится тем менее сочувствующим по отношению к повстанцам, чем дальше события отстоят от 1066 г., тогда как критика негативных деяний Вильгельма все больше сменяется положительными оценками его централизаторской политики и военных успехов. Это может служить подтверждением того, что власть нормандцев год от года все больше перерождалась из оккупационной в легитимную, признанную, а повстанческое движение деградировало в сторону феодальных смут и локального бандитизма. Так, например, восставших в 1075 г. эрлов «Англо-Саксонская Хроника» называет «изменниками королю», подчеркивая, что англосаксы поддерживали не их, а короля³.

Что же до самого Вильгельма, то ему посвящена целая эпитафия, где отмечены и его достоинства, и недостатки (что немислимо для нормандских хроник): сильный правитель, «собиратель» государства, удачливый полководец — и, вместе с тем, «угнетатель бедного народа», паталогически жадный до денег, жестокий по отношению к противникам⁴.

¹ ASC P. 143–144.

² Ibid. P. 144.

³ Ibid. P. 158.

⁴ Ibid. P. 163–165.

Мораль англосаксонских хроник выдержана в примирительном тоне: что было, то было, но все — по воле божьей.

Идея божественного воздаяния за грехи получает особенное развитие в трудах англо-нормандских писателей XII в. Это, в сущности, не удивительно: все они были монахами, а XII век был временем возвышения папства. Но, с другой стороны, в отличие от взвешенности англосаксонских хроник, где события мотивировались вполне реалистично и непредвзято, англо-нормандская историография снова дала крен в пропагандистскую сторону, унаследовав многие черты нормандской хронистики XI в. Правда, задачи изменились: если нормандские хронисты имели своей целью легитимизировать само завоевание Англии, то авторы XII в. скорее отражали интересы новой, смешанной, англо-нормандской элиты, склонной легитимизировать новую династию, стоящую во главе этой элиты, и, соответственно, очернить элиту прежнюю, англосаксонскую, которая проиграла борьбу и ушла в прошлое. Поэтому у англо-нормандских авторов старые, формально-юридические мотивировки дополняются и как бы смягчаются за счет рассмотрения этнических аспектов нормандского завоевания (что было свойственно англосаксонской хронистике), и потому не выглядят столь односторонне, как у их нормандских предшественников. Впрочем, в наименьшей степени как пропагандистские, так и этнические мотивы присущи Эдмеру, человеку глубоко религиозному, чей кругозор был ограничен узкими рамками внутрицерковных дел. Его мотивировка и оценки нормандского завоевания — чисто религиозные. Все бедствия Англии в XI в., начиная с широкомасштабных вторжений датчан и кончая нормандским завоеванием, объясняются как исполнение пророчества св. Дунстана Кентерберийского — англосаксонского церковного деятеля и подвижника второй половины X — начала XI вв., осудившего и проклявшего некогда короля Этельреда за то, что тот вступил на престол, убив своего брата Эдуарда. Пророчество Дунстана сбылось: начались бесконечные войны, бедствия, датское завоевание Англии Кнудом, феодальные смуты и, наконец, нормандское нашествие¹. Ни этнических, ни глубинных политических мотивов у Эдмера найти невозможно, да, впрочем, их там и не может быть, исходя из жанра произведения. Все исторические события исчерпываются у него взаимоотношениями королей и церковных прелатов, и констатацией результатов. Божественный промысел, деяния святых, и т.п. — абсолютный и единственный двигатель истории. Реальные причины событий, таким образом, игнорируются.

Диаметрально противоположную по глубине и аналитичности картину нормандского завоевания дает Ордерик Виталий. Вероятно, его можно

¹ Eadmer. P. 3–4.

назвать лучшим историком нормандского завоевания среди нормандских и англо-нормандских авторов. Правда, как и все эти авторы, Ордерик первоначально гневно обрушивается на Гарольда: «По вине клятвопреступления Гарольда Англия была на пути к развалу», — пишет Ордерик, выводя причину войны между двумя государствами из «узурпации» Гарольдом английского престола¹. Вообще, Ордерик клеймит Гарольда с таким пылом, какому позавидовал бы Ги Амьенский. К стандартным обвинениям в узурпации трона и братоубийстве добавляется постоянное упоминание о «тирании», о «злодействах» и «жестокостях» Гарольда, при отсутствии каких-либо конкретных доказательств и фактов к этому. В правление Гарольда, по словам Ордерика, «Англия стонала от всякого рода угнетения»². На чем основаны эти утверждения — непонятно; при анализе англосаксонских источников они не выдерживают критики. Очевидно, в вопросе о престолонаследии — исходной точке нормандского завоевания — Ордерик Виталий всецело разделяет позицию своих нормандских предшественников.

Также несколько оторван от действительности тезис Ордерика об абсолютной непопулярности «тирана» Гарольда среди соотечественников. По словам Ордерика, в результате «узурпации» трона «англы впали в гнев»³. Он также явно преувеличивает силу оппозиции Гарольду, прежде всего в лице Тости, изображая последнего едва ли не героем, выразителем чаяний оппозиции. «Одни покорились тирану, другие бежали в чужие земли» с целью дальнейшего сопротивления, указывает Ордерик⁴. Даже при Гастингсе, по его словам, англосаксы сражались не столько за Гарольда, сколько за спасение своей страны от иноземного вторжения⁵. Между тем, с позиций современной историографии, дело обстоит совсем наоборот. Тезис о «тирании» Гарольда опровергается англосаксонскими источниками и ничем не подтверждается; оппозиция Гарольду опиралась на локальные аристократические группировки, точно так же, как другие подобные группировки (южные) поддерживали Гарольда и при Гастингсе сражались как раз именно за него, связанные либо общими интересами, либо вассальными обязательствами, либо просто присягой (как хускерлы), а то и локальным уэссекским «патриотизмом». И уж во всяком случае Вильгельм, иноземный монарх, вряд ли был более предпочтителен англосаксам.

¹ Ordericus Vitalis. Vol. 2. P. 191. Вообще, подход Ордерика нельзя назвать чисто формальным; с позиций средневекового религиозного менталитета клятвопреступление рассматривалось как одно из тяжчайших преступлений.

² Ordericus Vitalis. P. 135, 139, 171.

³ Ibid. P. 139.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 173.

Немаловажное здесь другое: кто скрывается за термином «англи» (Angli), постоянно фигурирующим в источниках? К этому вопросу мы вернемся в следующем разделе.

Что же касается картины нормандского завоевания у Ордерика, то прежняя, стандартная для нормандских писателей трактовка событий меняется после коронации Вильгельма; появляются ноты сочувствия англосаксам, говоря о начавшихся притеснениях которых, Ордерик развивает идею «хороший царь — плохие бояре»; начало англосаксонского сопротивления он выводит из бесчинств нормандской администрации в отсутствие Вильгельма. Фиц-Осберна, одного из глав этой временной администрации, он называет «первейшим и величайшим угнетателем англов», тогда как Вильгельм выступает образцом политической мудрости и христианской добродетели; справедливые законы, посильные налоги, дисциплина в армии — все это заслуги короля¹. Между тем, англосаксонские источники постоянно упоминают о непосильных налогах, вызывавших восстания, о злоупотреблениях властей, и т. п. «Чем больше создавалось законов, тем больше творилось беззаконий», — сетует «Англо-Саксонская Хроника»².

Впрочем, Ордерик сам невольно опровергает себя, говоря, что целью восставших англосаксов была борьба за «утраченную свободу»³. С другой стороны, что он имел в виду под «свободой»? Закрепощение крестьянских масс, следовавшее в дальнейшем, тогда еще не началось; режим не установился, шла война, пик земельных конфискаций в пользу нормандских феодалов был также еще впереди⁴. Таким образом, борьба могла идти либо против местного произвола нормандских военных властей (а в такой борьбе могли участвовать представители всех слоев населения), либо за идеалы прежней политической независимости, а носителем таковых в те далекие времена могла быть только знать, в данном случае — региональные элиты. Так мы снова выходим на проблему этнической и социальной природы интересующих нас событий, чему посвящен следующий раздел.

В целом, Ордерик Виталий на редкость подробно описывает ход нормандского завоевания и в известной мере сочувствует бедствиям населения, в частности, при разорении Нортумбрии в 1069 г. Вместе с тем, он поддерживает централизаторскую политику короля, идею христианской монархии, сравнивает Вильгельма с Цезарем, на манер Ги

¹ Ordericus Vitalis. P. 193, 203, 318.

² ASC. P. 163.

³ Ordericus Vitalis. P. 210.

⁴ Clanchy M.T. Op. cit. P. 63.

Амьенского¹. Несчастья войны, как и саму войну, Ордерик объясняет происками дьявола, либо, наоборот, божьей волей. Вместе с тем, в отличие от Эдмера, он изображает конкретных людей, их мысли и поступки, их волю, через которые воплощается «потусторонний» замысел.

Подводя итоги, Ордерик пишет, что завоевание, свершившись по воле божьей, было благом для англосаксов, несмотря на бедствия; «христианская» монархия, установившаяся с воцарением Вильгельма, принесла с собой (после подавления всех восстаний) мир, покой и процветание Англии, мирное сосуществование и сотрудничество англосаксов и нормандцев, и т.п.²

«Церковная история» Ордерика Виталия представляет собой как бы переходный этап в историографии, когда прежняя пристрастность еще не ушла окончательно, зато синтез англосаксонской и нормандской летописных традиций уже начался, дав свои плоды. В этом отношении последний по времени создания источник — «Деяния королей» Уильяма Малмсберийского — демонстрирует продолжение этой тенденции; эмоциональные оценки окончательно уступают место беспристрастно-философскому взгляду на события уже относительно далекого прошлого. Автор старается привести побольше фактов, предоставляя читателю самому взвесить все «за» и «против» и вынести свое мнение. Повествование Уильяма Малмсберийского отличается обстоятельностью. Правда, положенный в его основу биографический принцип вряд ли можно назвать оптимальным для изучения политической истории; это скорее занимательное чтение для широкой публики. Вместе с тем, Уильям Малмсберийский дает, например, довольно яркие характеристики Гарольду и Вильгельму Завоевателю; в этом традиционном для прежних авторов сравнительном противопоставлении уже нет сплошного очернительства первого и апологии второго. Во времена Уильяма Малмсберийского это стало уже неактуальным. Прошлое из плода политических спекуляций превратилось в историю. Уильям Малмсберийский в чем-то следует уравновешенному тону англосаксонских хроник, с которыми он был знаком не понаслышке. Гарольд показан у него храбрым воином, рателем о целостности королевства, которой угрожали Тости, Харальд Хардрада, да и сами нормандцы. В этом Уильям Малмсберийский абсолютно противоречит Ордерiku. Восшествие Гарольда на престол также оправдано тем, что того утвердил «народ» (через посредство

¹ Ordericus Vitalis. P. 227, 235.

² Ibid. P. 235, 269. Разумеется, англосаксы были христианами и до нормандского завоевания; Ордерик скорее имеет в виду включение Англии в континентальную церковную структуру и традиции, связанные с упрочением позиций папства в XI в.

магнатов), то есть, это отнюдь не «узурпация», как у Ордерика Виталия. Более того, Уильям Малмсберийский считает клятву Гарольда Вильгельму не имеющей реального смысла, поскольку она давалась вдали от родины и при неведении англосаксов¹. Таким образом, мы видим, что Уильям Малмсберийский склонен больше опираться на англосаксонскую летописную традицию, повторяя «Англо-Саксонскую Хронику» и Флоренса Вустерского. Что касается Вильгельма Завоевателя, то его он, как и англосаксонские хронисты, оценивает непредвзято, провозглашая своей целью «отдать на суд читателя его хорошие и плохие дела»². Масштабность личности Вильгельма, его незаурядный талант полководца и политика соседствует с крайней жадностью, сварливым характером, и т.д.³ В целом, Уильям Малмсберийский относится ко всем своим коронованным героям именно как историк — беспристрастно и взвешенно.

Биографический принцип построения здесь не вполне удобен для современного исследователя в том смысле, что акцент на «жизнеописание» приводит в большой беспорядок весь прочий фактографический материал. Этим «Деяния королей» в корне отличаются и от Ордерика, и от англосаксонских хроник. Но сбивчивость и скудность описания событий окупаются аналитическим характером работы — тем, чего были лишены хроники. Уильям Малмсберийский пытается осмыслить глубинные причины и следствия нормандского завоевания, в том числе в этнополитической и этнокультурной сферах.

Так, он противопоставляет друг другу уже не Гарольда и Вильгельма, а англосаксов и нормандцев. Старый уклад жизни англосаксов он изображает насквозь аморальным, варварским: нравственное разложение знати, предававшейся пьянству, обжорству, разврату, чрезмерной роскоши в одежде, бытовая нечистоплотность народа, безграмотность и низкий уровень интеллектуального развития духовенства — все это, по мнению Уильяма Малмсберийского, и привело англосаксов к упадку и поражению. Им он противопоставляет нормандцев — отважных, религиозных, более дисциплинированных внутренне и внешне⁴. Трудно судить как об источниках, так и о степени достоверности этих сведений. Если Уильям Малмсберийский критиковал англосаксов вообще (а делать он это мог, не будучи современником нормандского завоевания, только с чужих слов), то это похоже на отголоски прежних культурных различий

¹ William of Malmesbury. P. 255–258, 272.

² Ibid. P. 258.

³ Ibid. P. 308–309.

⁴ Ibid. P. 279, 280.

между патриархальной северной периферией и континентальной Европой, о чем мы уже говорили; понятно, что отголоски эти возникают здесь во франко-нормандской интерпретации, с известной долей неприязни к чужому укладу жизни. Однако, на наш взгляд, скорее всего Уильям Малмсберийский имел в виду прежде всего старую англосаксонскую знать, чей образ вырисовывался за обобщающим термином «англы» ввиду описываемых реалий жизни; думается, такие пороки, как роскошь в одежде и пресыщение едой, вряд ли могли быть свойственны простолюдинам, а подобных обвинений в адрес англосаксов у Уильяма Малмсберийского больше всего. Возможно, он преследовал цель, еще могущую быть актуальной в его время — доказать несостоятельность прежней элиты, дабы оправдать ее замену новой, современной самому писателю. С другой стороны, как мы видели на примере с Гарольдом, Уильям Малмсберийский положительно относился к известным личностям англосаксонского прошлого — в частности, к Вальтёфу, которого изображает, в соответствии с англосаксонской традицией, героем и мучеником¹. Пожалуй, выводы можно сформулировать так: у англосаксов были герои, но моральное разложение части знати и духовенства привело Англию к упадку и кризису. Нормандское завоевание же, хоть и было насильственным актом (а не легитимным, как у Ордерика и нормандских авторов!), вывело Англию из кризиса, принесло обновление и прогресс. Таким образом, Уильяма Малмсберийского можно считать родоначальником концепции англо-нормандского синтеза; вышеуказанные взгляды по сей день имеют большое распространение в историографии, а в первой половине XX в. вообще доминировали (Ф. Стентон, Д. Дуглас, и др.; см. историографический раздел). По сути, Уильям Малмсберийский первым из историков нормандского завоевания попытался применить к этому событию культурно-цивилизационный подход, сравнивая англосаксов и нормандцев с этнокультурной точки зрения.

Наконец, при анализе этнического аспекта завоевания Уильям Малмсберийский демонстрирует вышеупомянутый «прогрессивный» оптимизм. Он критикует короля за его излишнее предпочтение иностранцев англосаксам при раздаче государственных должностей, земельных владений, и т.п. Но завершается все примирительной мыслью о том, что нормандцы всегда хорошо уживались с чуждым этническим большинством². Трудно не вспомнить в связи с этим тезис Ф. Барлоу о поразительной способности нормандской военной знати «растворяться» в завоеванных народах, при этом захватывая управление ими в свои

¹ William of Malmesbury. P. 286.

² Ibid. P. 287.

руки¹. Пожалуй, нельзя лучше сформулировать этническую сущность англо-нормандского синтеза, чему и посвящен следующий раздел.

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И АНГЛОСАКСОНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ: ЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНФЛИКТА

Попробуем выяснить, наконец, кто противостоял нормандским завоевателям, скрываясь под обобщенным термином «англи» (*Angli*), постоянно фигурирующим в источниках. В современной историографии доминирует «теория элит», согласно которой носителем этнонимов типа «англичане (англи)», «французы», «нормандцы» в то время была знать². У народных масс тогда еще преобладало сознание локальной общности. Это представляется в известной мере справедливым, если вспомнить изложенные в предыдущих главах события и тенденции, особенно феномен «регионализма», сыгравший на руку более сплоченным нормандцам. Вместе с тем, не следует мыслить догматически, игнорируя особенности этнического фактора в каждом отдельно взятом событии.

Даже основные этнонимы, фигурирующие в источниках, не так однозначны, как кажется. Например, если нормандские хронисты и позже англо-нормандская историография XII в. употребляют этноним «нормандцы» (*Normanni*), то англосаксы называли их «французами» (*Franci*). Весьма показателен фрагмент «Англо-Саксонской Хроники» под 1107 годом — через 30 лет после окончания нормандского завоевания — где говорится: «Это 41-й год с тех пор, как французы стали править в этой стране»³. И, в целом, англосаксонские хронисты оперируют этнонимами «*Angli*» и «*Franci*», отражая языковую и этнокультурную ситуацию, сложившуюся после нормандского завоевания, при взгляде «с английской стороны». Нормандцы же чаще называют себя именно «нормандцами»; так, Ордерик пишет о событиях 1067 г.: «Англи стонали под нормандским гнетом»⁴. Впрочем, для нормандцев также было не чуждо самоназвание «*Franci*», но этноним «нормандцы» отличал их от французов из других областей Франции⁵ (куда более «регионалистской», чем Англия). Подобная путаница с историческими этнонимами — не редкость. Стоит вспомнить, например, что тех же нормандцев в западной историографии

¹ *Barlow F.* The effects of the Norman Conquest. P. 161.

² *Репина Л.П.* Феодалные элиты и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Элиты и этнос. М., 1996. С. 231.

³ ASC. P. 181.

⁴ *Ordericus Vitalis.* P. 203.

⁵ *Репина Л.П.* Ук. соч. С. 231; *Clanchy M.T.* Op. cit. P. 40.

называют «норманнами» (Normans), тогда как в отечественной историографии этим словом обозначают викингов.

Возвращаясь к проблеме англосаксонского сопротивления, следует отметить, что под термином «англы» в источниках кроется, на наш взгляд, не одна только знать, хотя и она нередко тоже. Мы против того, чтобы чересчур прямолинейно следовать «теории элит». Каждое конкретное событие требует отдельного анализа. Среди акций англосаксонских повстанцев было действительно немало типичных олигархических заговоров, выливавшихся в пиратские набеги, разбой, осуществление кровной мести, с использованием иноземных наемников и союзников из числа враждебных кельтских народов. Таковы были, например, смуты и политические убийства в Нортумбрии в 1067 г., восстание Эдвина и Моркара в 1068 г., многочисленные экспедиции англосаксонских эмигрантов. Хроники, во-первых, четко указывают на причины этих действий — конкретные обиды, конфискации, и т.д. — причиненные нормандцами конкретным представителям англосаксонской знати. Также показан состав группировок повстанцев: «Англо-Саксонская Хроника» говорит, что в 1068 г. с Госпатриком бежали после неудачного восстания в Шотландию «лучшие люди»¹; совершенно очевидно, что это знать, тэны, бывшие основной силой восстания. Далее, описывая отражение англосаксонским ополчением набега сыновей Гарольда в 1068 г., хронист пишет: «Было убито много хороших людей с обеих сторон»². Не исключено, что под «хорошими (добрыми) людьми» подразумевались опять-таки тэны, знать, как из войска эмигрантов, так и из числа англосаксов — сторонников короля.

Выше аристократических заговоров в этой градации стоят локальные восстания, более массовые и в большей степени «патриотические», которые не приносили столь явно мир и покой данной области в жертву амбициям пострадавших от конфискаций тэнов и эрлов, как это было в случаях с авантюрами эмигрантов, разорявших родную землю.

Но социальный состав восставших в этом случае источники почти не позволяют определить. Таковы, например, кентское восстание 1067 г., движение Эдрика Дикого 1067–1070 гг., оборона Эксетера 1068 г. и Честера 1070 г. Очевидно лишь то, что во главе этих восстаний стояла также военная знать, тэны и т.д. Об Эксетерском восстании 1068 г. Флоренс Вустерский пишет: «Город Эксетер... горожане и некоторые знатные англы удерживали против короля»³. (Это были остатки уэссекской знати из домена Годвинов, не погибшие при Гастингсе). Аналогич-

¹ ASC. P. 148.

² Ibid. P. 146.

³ Florence of Worcester. P. 172.

ную природу имели, скорее всего, и восстания летом 1068 г. на Юго-Западе, и восстания в Кенте 1067 г. и Дареме 1080 г., проходившие по схожему сценарию. Но сведений о юго-западных восстаниях крайне мало, а что касается остальных, то тут мы сталкиваемся с проблемой размытости этнической и социальной терминологии в источниках. Видеть за термином «англы» только англосаксонскую знать было бы не вполне верно; ведь, говоря о притеснениях «англов» сразу после воцарения Вильгельма, хроники указывают, что нормандцы «чинили бедствия несчастному народу»¹, да и описания этих многочисленных разорений, грабежей, и т.д., не оставляют сомнения в том, что страдала от этого не только знать, но и простое население. У Ордерика, например, «Angli» чаще упоминаются именно в собирательном смысле. Когда же он говорит о повстанцах, то даются просто локальные названия: «кентцы», «девонширцы», «северяне» и т.д., либо «повстанцы». Ничто не говорит в пользу того, что речь идет исключительно о местной знати, хотя, несомненно, она и шла во главе восстаний как наиболее дееспособная в военном отношении часть общества. Поэтому есть все основания говорить и о стихийных волнениях простонародья, которые могли сливаться с движением тэнов, а могли и исчерпываться на месте, в зависимости от ситуации. На наш взгляд, наличие таковых и отличает локальные восстания от эмигрантских набегов, причинявших ущерб этому же «несчастному народу».

Наконец, совершенно особую разновидность составляли редкие случаи широкомасштабных региональных восстаний, в которых знать выступала рука об руку с широкими массами свободного крестьянства, оказывавшими ей поддержку. Это, конечно, Северное восстание 1069 г. и, в меньшей степени, движение в Или 1070–1071 гг., в которых знать и местное население проявили известную сплоченность, отстаивая свою принадлежность к англо-скандинавскому этнокультурному ареалу в борьбе с носителями чуждой культуры и политических традиций. Есть основание утверждать, что поддержка датских союзников в этих областях была именно всенародной. «Англо-Саксонская Хроника» так описывает Северное восстание 1069 г.: когда датский флот приплыл в Йоркшир, «местное население вышло встретить его и заключить мир с ним: они ждали, чтобы он пошел завоевывать всю страну»². После этого, уже по словам Ордерика Виталия, «общее восстание населения (*incolatum contubernio*) пополнило их (датчан — *М.Г.*) ряды»³. В абсолютно тех же словах «Англо-Саксонская Хроника» описывает картину встречи датчан

¹ ASC. P. 145.

² Ibid. P. 151.

³ Ordericus Vitalis P. 226–227.

в Или в 1070 г., где «англы со всего Фенланда» пришли к ним с теми же настроениями и ожиданиями¹. Однако затем повстанцев из Или, разграбивших монастырь в Питерборо, хроника называет «разбойниками»², иллюстрируя тенденцию к вырождению этого движения в бандитскую вольницу.

Таким образом, было бы неверно оценивать англосаксонское сопротивление нормандцам как сугубо аристократическое, как делали многие историки. Несмотря на свою разрозненность, обусловленную «регионализмом», оно принимало самые разные социальные оттенки, включая в себя и чисто авантюристические акции знати с узкими целями мести, и стихийные восстания целых графств во главе с той же знатью, но уже с локально-патриотическими настроениями, и, наконец, движения целых районов страны за свою политическую и культурную обособленность — так сказать, локальный патриотизм, помноженный на сепаратизм («регионализм»).

Другое дело, что носителем идеалов восставших, этнического менталитета была, конечно, знать. Народное движение возникало стихийно, слепо, из-за местных притеснений и обид со стороны нормандцев, и так же легко угасало (взять хотя бы пример Или, где ядро повстанцев, состоявшее из знати, довольно быстро осталось в одиночестве, несмотря на первоначальный массовый подъем). Народ, по сути, не имел развитого этнического самосознания; конфликт с нормандцами для него был в известной мере социальным, а не этническим, и там, где нормандская администрация вела себя корректно по отношению к подопечному населению, там не возникало поводов для массовых волнений. Для знати же конфликт был именно этническим, но она могла консолидироваться лишь на местном уровне по причине «регионализма». Малочисленность и раздробленность сил знати при отсутствии постоянной массовой поддержки населения и привели англосаксонское сопротивление к кризису, а его главную силу — знать — к фактической гибели.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Каковы же были непосредственные итоги почти 10-летнего периода военных действий на территории Англии?

Нарративные источники практически не дают ответа на этот вопрос; для средневековых писателей любовь к цифрам была несвойственна, да

¹ ASC. P. 151.

² Ibid. P. 152.

и те ради «красного словца» непомерно завышались. Вот почему приходится здесь полагаться всецело на современные исследования, проведенные на основе «Книги Страшного Суда» и других документов.

Эти исследования показывают, что количественные потери среди англосаксов наиболее чувствительно ударили по классу феодалов (тэнов), практически переставшему существовать. При общей численности населения Англии в 1,1 млн. чел. около 4 тыс. тэнов погибло в боях, особенно в 1066 и 1069 гг., до 30 тыс. оказались в эмиграции в Шотландии, Скандинавии, даже на Руси и в Византии. Те же, что остались, оказались на периферии новой социальной иерархии, худо-бедно участвуя в местном самоуправлении, но потеряв всякое влияние на государственные дела¹. Статус землевладельцев был ими также, по большому счету, утерян, как по причине гибели или эмиграции многих тэнов, так и благодаря конфискациям. Согласно «Книге Страшного Суда», в 1086 г. англосаксонским землевладельцам принадлежала всего 1/12 всех земель Англии².

Наконец, был еще такой путь вытеснения остатков бывшей англосаксонской элиты, как смешанные браки — явление, чрезвычайно распространенное уже в первое десятилетие после нормандского завоевания. Нормандская иммиграция по понятным причинам была почти полностью мужской (воины, моряки, колонисты, духовенство). Браки с англичанками стали практиковаться на самых разных социальных уровнях, исключая разве что крестьянские массы, остававшиеся этнически однородными, англосаксонскими³. На уровне знати эта тенденция означала, во-первых, процесс формирования новой, смешанной элиты, а, во-вторых, юридически заверченный переход земель в руки нормандцев, поскольку франко-нормандскому обществу были чужды северные (в том числе англосаксонские) традиции предоставления женщинам известных прав в сфере распоряжения собственностью, наследством, и т.п.⁴

Что же касается потерь народа, то наибольший урон понесло население англосаксонских бургов, издавна специализировавшееся на выполнении военных функций (поставка кадров для пешего ополчения и флота, строительство кораблей, и т.д.), а также мятежная Нортумбрия. Население бургов потеряло в ходе боевых действий 8–10 тыс. чел.; кроме того, городские кварталы нередко разрушались нормандцами — либо целе-

¹ *Russell J.* Op. cit. P. 16–18.

² *Пенуна Л.П.* Ук. соч. С. 231–232.

³ *Russell J.* Op. cit. P. 15; *Barlow F.* The effects of the Norman Conquest. P. 137; *Gillingham G.* Henry of Huntingdon and the XIIth century revival of the English nation // *Concepts of national identity in the Middle Ages.* P. 88.

⁴ *Ibid.* P. 141.

направленно, для постройки замков, либо случайно, как при пожаре 1069 г., уничтожившем Йорк¹.

Сами нормандцы в городах селились первое время в отдельных гетто близ нововозведенных замков, а феодалы вообще предпочитали сельскую местность — все из боязни мести со стороны англосаксов. Это, по мнению Рассела, привело к упадку англосаксонского «бургового урбанизма» и обусловило в дальнейшем отставание английских городов в развитии от континентальных, их «деревенскость»². География же потерь городского населения зависела от интенсивности ведения военных действий в том или ином районе. Крестьянство же, в целом, страдало от войны, по-видимому, также в местах наиболее массового сопротивления нормандцам (Нортумбрия, Юго-Запад, Чешир, Стаффорд).

В целом, количественные потери англосаксов были восполнены иммиграцией с континента — нормандской, бретонской, и др. — возросшей с 1066 по 1087 г. втрое и достигшей 200 тыс. чел. Таким образом, принципиальными были не столько количественные потери, сколько качественные социальные изменения — вытеснение прежней англосаксонской элиты и формирование новой, англо-нормандской³.

Показательна в этом отношении языковая ситуация, сложившаяся после нормандского завоевания. Около 1070 г. начинается вытеснение древнеанглийского языка в делопроизводстве и литературе, правда, не только французским, как можно было бы ожидать, но и латынью, международным языком Средневековья. Что же до французского, языка завоевателей, то уже следующее поколение, выросшее в самой Англии после завоевания, не всегда и пользовалось им: потомки от смешанных англо-нормандских браков зачастую предпочитали английский язык, на котором говорили их матери и няни. Яркий пример — Ордерик Виталий, который, проведя детство в Англии, вообще до поры не знал французского языка⁴. Впрочем, массы простого народа, крестьян, почти не испытывали на себе процессов англо-нормандского языкового и культурного синтеза, сохраняя язык, обычаи и уклад жизни своих предков. Тенденции синтеза хорошо прослеживаются лишь на уровне знати, элиты и в наибольшей мере приближенных к ней слоев общества. Тем не менее, эти процессы пошли, приведя через несколько десятилетий к таким существенным результатам, что их освещение могло бы стать предметом

¹ *Russell J.* Op. cit. P. 15.

² *Ibid.* P. 13, 15, 18, 20. К 1100 г. по стране выросло 5–6 тыс. новых замков, большинство из которых располагалось в сельской местности. См.: *Barlow F.* The feudal kingdom of England, 1042–1216. P. 87.

³ *Russell J.* Op. cit. P. 13; *Barlow F.* The effects of the Norman Conquest. P. 136.

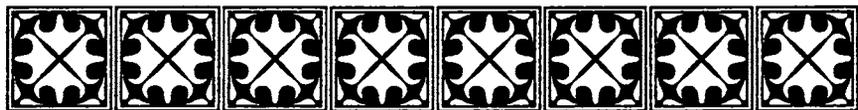
⁴ *Clanchy M.T.* Op. cit. P. 58.

отдельной работы. Отметим лишь, что одним из этих результатов стало формирование нижнего и среднего слоя англо-нормандской знати, считавших своей подлинной родиной Англию (невзирая на изначально нормандские этнические корни) и жившей преимущественно английскими интересами, в отличие от крупной баронской аристократии, имевшей владения и на континенте и потому рассматривавшей свои английские имения лишь как источник доходов и резервов для континентальных дел. Малоимущие участники нормандского завоевания — простые рыцари, колонисты, и т.п. — по-видимому, легче и охотнее воспринимали Англию в качестве новой родины, поскольку завоевание подняло этих людей «из грязи в князи». Соответственно, этот многочисленный слой был куда более склонен к смешанным бракам, нежели нормандская феодальная верхушка, более замкнутая и предпочитавшая внутренние брачные союзы¹.

Все эти глубинные процессы привели к тому, что во внутривнутриполитических конфликтах, нередких в истории Англии конца XI–XIII вв., эти две группы знати — нормандская аристократия и англо-нормандское рыцарство — выступали друг против друга², причем последнее часто служило опорой королевской власти и как бы носителем нового английского «государственнического» патриотизма, консолидирующего формирующуюся английскую народность.

¹ *Gillingham G.* Op. cit. P. 88; *Ренина Л.П.* Ук. соч. С. 233; *Russell J.* Op. cit. P. 20; *Douglas D.C.* William the Conqueror. P. 270.

² *Ренина Л.П.* Ук. соч. С. 236; *Gillingham G.* Op. cit. P. 81–83.



ГЛАВА IV

ДАТСКОЕ И НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

И датское, и нормандское завоевания Англии одинаково являлись длительными военно-политическими акциями, не только повлекшими за собой значительные жертвы и разрушения, но и повернувшими Англию на оригинальный путь исторического развития, в том и другом случае отличный от того, каким она могла бы идти, не случись этих событий. В обоих случаях в жизни англосаксонского общества произошли социокультурные сдвиги, а в политическом отношении Англия оказалась включенной в состав полиэтничных раннесредневековых держав — Империи Кнута Великого и англо-нормандской державы Вильгельма Завоевателя, позднее трансформировавшейся в так называемую Анжуйскую Империю. Вместе с тем, рассмотренные в предыдущих главах реалии и тенденции, присущие данным историческим событиям, позволяют заметить кардинальные различия в тех путях и методах, которыми осуществлялись два завоевания, потрясшие Англию на протяжении одного столетия, их разный исторический, так сказать, подтекст.

Завоевание Англии датчанами в начале XI в. происходило в рамках одного историко-культурного типа, к которому относились страны и территории по берегам Северного и Балтийского морей, лишь косвенно затронутые (или, как Англия, неглубоко затронутые) процессами романизации в позднеантичное время и отличавшиеся известной общностью духовной и материальной культуры, изначально развивавшейся здесь. Существенное отличие этого культурно-исторического типа от классического феодализма Западной Европы с его традициями в области права, религии, идеологии, государственных институтов, и т.п., унаследованными от античности, обусловило специфику датского завоевания Англии. В сущности, оно продолжало собой предыдущую 200-летнюю экспансию

скандинавов, только на качественно новом уровне — на уровне молодых государств, осуществляющих территориальные захваты, а не мелких независимых объединений викингов, как прежде. Поэтому, если в IX–X вв. скандинавы боролись за независимость Области Датского права, то в XI в. Свейн Вилобородый и Кнут, напротив, стремились к объединению всех английских земель под властью единой англо-датской короны. Поскольку Англия в рамках упомянутого североевропейского культурно-исторического типа была наиболее развитой во всех отношениях страной, чьи традиции государственности, культуры, церкви были на несколько веков старше скандинавских, датчанам, завоевавшим страну, оставалось лишь органично вписываться в местное общество и традиции. Завоеванная Англия создала для завоевателей «окультуривающую среду», способствуя мирной англо-скандинавской ассимиляции. Завоевание Англии Кнутом лишь логически завершило эту линию ассимиляции, встраивания скандинавов в этническую и социальную структуру англосаксонского общества, которая полным ходом развивалась еще с X в., в особенности после ликвидации уэссекскими королями политической независимости Денло. Свергнув уэссекскую династию, Кнут фактически продолжал ее дело, опираясь на общие северные традиции законотворчества и поощряя своей мудрой внутренней политикой интеграцию разных частей своей державы, консолидирующихся вокруг наиболее развитой «метрополии» — Англии.

Иная ситуация имела место в случае с нормандским завоеванием. Здесь столкнулись два более различающихся политико-социальных образования: Англия — по сути, уже англо-скандинавское государство, осколок недавно распавшейся империи Кнута, в котором еще сохранялись свежие воспоминания о его царствовании, и Нормандия — оплот феодально-французских в широком смысле слова традиций, причем в их наиболее прогрессивном варианте (отсутствие феодальной анархии, сильная герцогская власть, отличная организация вооруженных сил и церкви). Некогда сами потомки викингов, нормандцы очень быстро претерпели социокультурную инверсию, превратившись в ярких представителей западноевропейского феодального мира, притом едва ли не в самый активный, агрессивный его контингент, шедший во главе всевозможных военно-колониционных мероприятий, вроде Крестовых походов или начавшейся в XII в. экспансии уже англо-нормандского государства в Ирландию. Завоевая Англию, нормандцы выступили по отношению к ней не только в качестве носителей иного культурного уклада, чуждых традиций, будучи даже этнически далекими от англосаксов (в отличие от датчан), но и в роли «цивилизаторов», насильственно насаждавших в стране привнесенные с континента порядки и традиции,

французский язык в качестве официального (опять-таки, совершенно чужой англосаксам, в отличие от родственного древнескандинавского). Если этническая политика Кнута поощряла мирную ассимиляцию, причем на всех социальных уровнях, вплоть до высшей элиты, изначально уравнивая в правах англосаксов и данов, то нормандское завоевание сопровождалось истреблением и вытеснением английской элиты на периферию общественной жизни, притеснением и закрепощением широких масс населения, свирепыми «лесными законами» — типичной оккупационной мерой, направленной против возможных вспышек повстанческого движения. Немаловажен и характер экономического базиса господства завоевателей в Англии: хотя на юге Англии к XI в. сложились уже достаточно высокоразвитые феодальные отношения, пришедшая с Кнутом скандинавская военная элита опиралась на традиционную северную модель организации, присущую раннеклассовым, полупатриархальным обществам и основанную не на ленном вассалитете, а на непосредственной службе знати в королевской дружине и на практике условных пожалований, «кормлений», связанных непосредственно с осуществлением административных функций на местах. Поэтому датское завоевание не повлекло за собой массовых земельных конфискаций у коренного населения в пользу завоевателей, а, соответственно, отсутствовало и могущее возникнуть на этой почве сопротивление. Горести войны вскоре забылись (не без заслуги соответствующего идеологического курса Кнута), а самый существенный повод к вооруженному сопротивлению завоевателям — земельные конфискации и закрепощение населения — так и не возник.

Что же касается нормандского завоевания, то нормандцы и прочие соратники Вильгельма из разных областей Франции привнесли в Англию привычные им традиции общественно-экономического устройства. Повсеместные земельные конфискации с целью раздачи земель в лены участникам завоевания имели своей обратной стороной уничтожение англосаксонской знати и разорение населения, порой граничившие с тотальным физическим истреблением (как, например, при подавлении восстания в Нортумбрии), а это вполне закономерно вызывало ответную реакцию со стороны англосаксов. Если с воцарением Кнута в Англии военные действия внутри страны прекратились и снова имели место лишь в начале 40-х гг. (восстание в Вустере на почве повышения налогов) и в начале 50-х гг. (смута с участием дома Годвинов), то есть, спустя много лет после смерти Кнута, то с воцарением Вильгельма Завоевателя они, наоборот, усилились и продолжались еще несколько лет, а отдельные их рецидивы — и позднее. Для многих представителей пришедшей франко-нормандской элиты, особенно высшей, Англия была чем-

то вроде колонии, поставлявшей финансовые и военные ресурсы для ведения дел на континенте, в прежних владениях. Это уже последующие поколения знати, выросшие в Англии, в условиях начавшейся англо-нормандской ассимиляции, стали воспринимать Англию как свою родину, но такая ситуация сложилась позднее, к рубежу XI–XII вв.

Церковная политика Вильгельма была подчинена задаче лучшего контроля над английской церковью, для чего Вильгельм насаждал в ней нормандские порядки и элиту из числа своих приближенных. Лишь немногие англосаксонские прелаты, вроде Вульфстана Вустерского, развившие поддержку новой власти, сохранили свои прежние позиции. Население, судя по всему, не питало особого расположения к клирикам-иноземцам, что видно, например, из убийства епископа Валькера в Дареме в 1080 г.

Можно также заметить, что отзывы современников о Кнute Великом куда более лестные, нежели о Вильгельме Завоевателе. Если фигура Кнута обрисовывается преимущественно в позитивных тонах, как своего рода «отца нации», миротворца и олицетворения справедливости и процветания, то, говоря о царствовании Вильгельма, средневековые авторы, признавая его выдающиеся качества полководца и государственного деятеля, то и дело упоминают о его жестокости, алчности, угнетении им своих подданных. По-видимому, эти свойства его характера способствовали не только вооруженному сопротивлению самим англосаксов, но и оппозиционным настроениям в среде нормандской знати, что видно из мотивации восстания эрлов 1075 г.

Таким образом, на основе сопоставления датского и нормандского завоеваний Англии и различных аспектов их последствий — военно-политических, социально-экономических, этнокультурных — можно сделать следующие выводы. Хотя нормандское завоевание открыло перед Англией долгосрочную перспективу развития по новому пути, оно же, одновременно, и свернуло ее с того пути, которым Англия развивалась и, по логике вещей, должна была бы развиваться, если только, как уже говорилось во вводной части данной работы, отбросить консервативную аксиому о том, что «история не терпит сослагательного наклонения», ограничивающую горизонты мышления историка. Между тем, датское завоевание Англии и включение ее в Империю Кнута вполне укладывалось в рамки этого традиционного пути исторического развития Англии, а потому было для нее гораздо меньшим катаклизмом, так как, помимо военных потерь, не вызвало коренной ломки устоявшихся общественных структур, традиций, существенных трансформаций языкового пространства, тотальной смены правящей элиты. Можно, конечно, согласиться с тем, что нормандское завоевание вывело Англию на более

динамичный путь развития, как это любят подчеркивать историки «англо-норманистского» толка. Но «сослагательное наклонение», тем не менее, может дать полезную пищу для размышлений о многообразии моделей и возможностей исторического развития.

Мы рассмотрели историю датского и нормандского завоеваний Англии, проанализировав ее различные аспекты: политический, этнический, социальный, культурный — те, которым в историографии, как правило, уделялось меньше места, чем социально-экономическому и правовому.

Датское завоевание Англии в начале XI в. логически продолжало собой предыдущую 200-летнюю экспансию норманнов, одним из излюбленных объектов которой Британские острова стали по причине своего мягкого климата, обилия плодородных земель и оптимальных природных условий для занятий сельским хозяйством, а также наличия богатых залежей полезных ископаемых, в том числе серебра, обеспечивавшего бесконечный поток контрибуций, взимавшихся викингами во все увеличивавшихся размерах. В XI в., в связи со складыванием у скандинавов ранней государственности, эта экспансия перешла на качественно новый уровень — уровень централизованных военных мероприятий скандинавских конунгов, демонстрировавших подчас «имперские» аппетиты, как, например, Кнут Великий или Харальд Суровый. Именно к этому новому типу экспансии (вполне уживавшемуся с традиционными набегами викингов) относилось завоевание Англии Свейном Вилобородым и Кнутом. Эволюционировав из обычных пиратских рейдов викингов в конце X — начале XI вв., имевших неожиданный успех в условиях ослабления власти в правление Этельреда Нерешительного, это завоевание привело к свержению уэссекской династии и включению Англии в состав англо-скандинавской империи Кнута (1017–1035).

Следует отметить, что подобный итог не был фатально предопределенным. Военный успех всегда являлся переменчивым фактором; до восшествия на престол Этельреда его предшественники, начиная с Альфреда Великого, вели успешную борьбу с викингами, что в меньшем масштабе удалось преемнику Этельреда — Эдмунду Железнобокому, в считанные недели поставившему под удар прежние завоевания датчан в Англии. И в 1014 г., после смерти Свейна Вилобородого, и в 1016 г., в кульминационный момент англо-датского противоборства, имелись предпосылки к разделению страны на англо-скандинавский Север, где население Денло представляло собой существенную опору для пришлых «королей-викингов», и англосаксонский Юг во главе с представителями уэссекской династии. Таким образом, ситуация складывалась аналогичная той, что имела место во времена Альфреда Великого. Однако внезапная смерть

Эдмунда Железнобокого и дипломатическая оперативность Кнута, в полной мере использовавшего представившуюся возможность для занятия английского престола, исключили эту альтернативу.

В значительной степени датское завоевание удалось благодаря неспособности англосаксонской администрации принимать адекватные меры на местах, что, в свою очередь, было обусловлено личными качествами короля и других представителей английской элиты, занимавших подчас откровенно предательские, сепаратистские, эгоистические позиции.

Результат этого завоевания был взаимовыгодным и для Англии, и для датско-норвежских владений Кнута. Кнут не случайно короновался именно в Англии и сделал ее политическим ядром новой державы, да и пребывал там большую часть времени. Англия была наиболее развитой частью последней в экономическом и культурном отношении. Английская монетная и административно-территориальная системы служили образцами для подражания в скандинавских странах; английские клирики, английские церковные традиции оказали влияние на процесс христианизации Дании и Норвегии. Вместе с тем, Англия оказалась в эпицентре оживленных торгово-экономических связей, охватывавших весь «мир викингов», что способствовало процветанию ее экономики, городов. Одним же из наиболее существенных факторов, цементировавших эту интеграцию, была «интернационалистская» внутренняя политика Кнута, оптимальная для успешного строительства империй. Сглаживание возможных этнических противоречий под эгидой сильной королевской власти и соответствующего законодательства обеспечило Империи Кнута внутреннюю стабильность, по инерции еще сохранявшуюся после его смерти, но в конце концов вновь сменявшуюся потрясениями. Думается, если бы Кнут прожил дольше или имел бы достойного преемника, у англо-скандинавской державы был бы еще немалый потенциал для развития и благополучного существования.

Нормандское завоевание тоже не было чем-то фатальным и неизбежным для Англии, как утверждали историки первой половины XX в. Это мероприятие, грандиозное по замыслу, удалось, во-первых, благодаря незаурядной политической воле, военно-организаторским и дипломатическим талантам Вильгельма Завоевателя, обеспечившего себе поддержку папства и континентальной Европы, а, во-вторых, вследствие политической и этнокультурной раздробленности Англии, что также было успешно использовано Вильгельмом в своих целях.

Завоевание отнюдь не исчерпывалось победой нормандцев в битве при Гастингсе в 1066 г. и последующей коронацией Вильгельма в Вестминстере. Оно длилось несколько лет и было сопряжено с жесточайшими боевыми действиями, поэтапно охватывавшими все новые

области страны, присоединяемые Вильгельмом. Активная военная поддержка, предоставляемая англосаксам — противникам Вильгельма соседними государствами (прежде всего кельтскими и скандинавскими), придавала конфликту еще более широкий масштаб.

После завоевания очередной области Англии начиналась ее франко-нормандская колонизация, постепенно охватившая всю страну. В результате этой колонизации, во-первых, иноземная элита, вытеснившая в ходе завоевания англосаксонскую, встала у руля управления английским государством и обществом, «впитав» в себя остатки англосаксонской знати и, вместе с тем, постепенно «растворившись» в англосаксонском этническом большинстве; новая, англо-нормандская знать, особенно ее средние и нижние слои, через два-три поколения была уже не столько нормандской, сколько английской по своему этническому самосознанию. Во-вторых, новая власть, опиравшаяся на эту элиту, продолжала решать те же задачи, что стояли и перед прежними англосаксонскими королями (централизация страны, борьба с внешними врагами, и т.д.), притом на качественно новом уровне. В недрах военизированного англо-нормандского государства, возникшего в результате завоевания и колонизации страны, вызрела новая система управления, отличавшаяся и от англосаксонских, и от нормандских прототипов. Сильная верховная власть, отсутствие феодальной анархии, служба всех феодалов королю и государству, с одной стороны, и сохранение англосаксонских традиций самоуправления, военной организации¹ — с другой; таким своеобразным путем начала развиваться Англия в результате англо-нормандского синтеза. Кроме того, политическое объединение страны способствовало этнической консолидации населения Англии в единую народность.

Вместе с тем, существовали и альтернативные варианты исторического развития, не реализовавшиеся из-за чисто случайных, субъективных факторов. Замысел Вильгельма мог не удалиться в чисто военном плане. Случайный шторм мог рассеять нормандский флот в Ла-Манше, случайная стрела — убить самого герцога на поле боя; исход битвы при Гастингсе мог сложиться не в пользу нормандцев; наконец, англосаксонская оппозиция, располагавшая значительными военными силами, имела реальную возможность препятствовать установлению нормандского

¹ Успехи английского оружия в войнах XII–XV вв., в том числе в Столетней войне, во многом были следствием сильной организации пехоты, базировавшейся на традициях прежнего англосаксонского ополчения, в свою очередь, являвшегося детищем хорошо развитой (по происхождению древнегерманской) системы самоуправления. Подробнее об этом см.: *Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М., 1937. Гнейст Р. История государственных учреждений Англии. М., 1885.*

контроля над обширными территориями на окраинах страны — прежде всего в Нортумбрии, а при более интенсивной поддержке со стороны союзников (кельтов, викингов) — и в Восточной Англии, и на крайнем Юго-Западе. Еще Стентон считал, что после Гастингса существовала возможность раздела страны, почти как во времена вторжений датчан — на Юг (Уэссекс, часть Мерсии), быстро покоренный Вильгельмом, и Север, оставшийся в руках англосаксов. Похожую идею высказывает Рассел, считающий, что даже Юг мог сопротивляться в случае, если бы Гарольд — признанный вождь Уэссекса — не погиб при Гастингсе¹.

Так или иначе, вариант с разделом страны кажется тем более возможным, что для этого существовали серьезные, глубинные предпосылки в виде политического и этнокультурного «регионализма». Раздел страны, думается, углубил бы в дальнейшем цивилизационные различия между областями Англии; «Юг» бы феодализировался, шел по пути англо-нормандского синтеза, а «Север» (окраины в широком смысле) следовал бы путем Скандинавии, кельтских государств, Руси — в общем, периферии Европы с ее местными особенностями. Во всяком случае, как верно замечает Ф. Барлоу, «останься королевство (Англия — *М.Г.*) англо-датским, в скандинавской орбите, оно развивалось бы в значительной степени иным путем»². В случае раздела страны к этой характеристике могли бы добавиться военные конфликты между «нормандской» и «англосаксонской» частями Англии, углубления этнокультурных различий между ними.

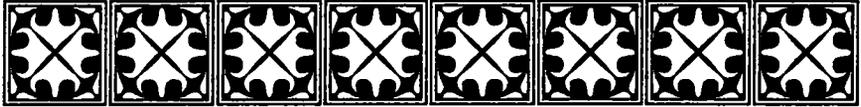
Впрочем, это тема уже другого исследования. Отметим лишь, что историческая альтернатива нормандскому завоеванию была реальной, а не осуществилась столь же случайно, сколь случайным был успех самого завоевания на начальном этапе. Однако, после коронации Вильгельма Завоевателя в 1066 г., с переходом инициативы в руки нормандцев, шансы англосаксов на осуществление исторической альтернативы стали уменьшаться. Им нечего было противопоставить нормандцам, выигрывавшим во многих отношениях. Народ, не осознававший еще себя как единое этнокультурное целое, не был способен на массовые патриотические выступления, и борьба с нормандцами для широких масс крестьянства исчерпывалась сугубо местными конфликтами. Силы знати — основного носителя этнического сознания — были раздроблены, интересы борьбы были узко локальными, лидер масштаба Вильгельма отсутствовал. В целом, недостаточная степень этнической и политической гомогенности Англии к XI в., преобладание в менталитете англосаксов локальных

¹ Stenton F.M. William the Conqueror... P. 214; Russell J. Op. cit. P. 3.

² Barlow F. The effects of the Norman Conquest. P. 160.

ценностей над принадлежностью к единому этносу и государству определили их неспособность к эффективному сопротивлению как датским завоевателям, так и нормандским.

Между тем, нормандский герцог, придав коронацией в Вестминстере легитимный статус своему режиму, проявил себя как продолжатель объединительных традиций государственного строительства, имевших место и в старой, англосаксонской Англии. Сплоченность и решимость нормандцев, талант их руководителя, поддержка общественного мнения и церкви, наконец, разгром англосаксов по частям (порой руками их же соотечественников, переходивших на сторону нового короля), гибель, вытеснение и ассимиляция прежней элиты — все это привело к тому, что нормандцы, как и в других странах (юг Италии, например), успешно «надстроились» над завоеванным народом, а потом и слились с ним, повернув ход исторического развития Англии в иное направление.



БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- The Anglo-Saxon Chronicle (Ed. by D. Whitelock). Oxford, Clarendon Press. 1964.
- The Anglo-Saxon Chronicle // English Historical Documents. Vol. I. L., Eyre & Spottiswood, 1953.
- Anglo-Saxon Charters (ed. by S.Keynes). L., Oxford Univ. Press, 1973.
- Adam von Bremen (Adamus Bremensis). Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover & Leipzig, Hahn, 1917.
- Eadmer. Historia novorum in Angliae, or History of Recent Events in England. L., Cresset Press, 1964.
- Encomium Emmae Reginae. L., Camden soc., 1949.
- Florence of Worcester. The Chronicle of Florence of Worcester. Oxford, Clarendon Press, 1968.
- Guy of Amiens. The Carmen de Hastangae Proelio. (Ed. by C. Morton & H. Muntz). Oxford, Clarendon Press, 1972.
- Ordericus Vitalis. The Ecclesiastical History (Historia Ecclesiastica) of Orderic Vitalis. Vol. 2. (Ed. by M. Chibnall). Oxford, Clarendon Press, 1969.
- Simeon of Durham. Historia Regum // Symeonis Dunelmensis opera et collectanea. Vol. 1. Durham, Andrews, Surtees society, 1868.
- Thietmar von Merseburg. Chronicon // English Historical Documents. Vol. 1. L., Eyre & Spottiswood, 1953.
- William of Jumieges. Gesta normannorum ducum // English Historical Documents. Vol. 2. (Ed. by D.C. Douglas). L., Eyre & Spottiswood, 1953.
- William of Malmesbury. Gesta regum anglorum. Vols. 1–2. Vaduz, Kraus reprint, 1964.
- William of Malmesbury. Chronicle of The Kings of England. L., 1904.
- William of Poitiers. Gesta Guillelmi ducis normannorum et regis anglorum, or Deeds of William Duke of the Normans and King of the English // English Historical Documents . Vol. 2. L., Eyre & Spottiswood, 1953.
- Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995.

ЛИТЕРАТУРА

- Abels R.P.* Lordship and military obligation in Anglo-Saxon England. Berkeley, 1988.
- Adam R.J.* A conquest of England: the coming of the Normans. L., Hodder & Stoughton, 1965.
- The Anglo-Saxons. Studies in some aspects in their history and culture (ed. by B. Dickins). L., Bowes & Bowes, 1959.
- Anglo-Scandinavian England. Norse-English relations before the Conquest. University Press of America, 1989.
- Arbman H.* The Vikings. L., 1961.
- Bates D.* William the Conqueror. L., 1989.
- Barlow F.* William I and the Norman Conquest. L., 1965.
- Barlow F.* The Norman Conquest and beyond. L., 1983.
- Barlow F.* The feudal kingdom of England, 1042–1216. L., 1955, 1992.
- Bernstern D.J.* The mystery of the Bayeux tapestry. Chicago, L., University of Chicago Press, 1986.
- Blair P.H.* An introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956.
- Brent P.* The Viking saga. L., 1977.
- Broendsted J.* The Vikings. L., 1965.
- Brown R.A.* The status of the Norman knight // War and government in the Middle Ages. Woodbridge, Boydell Press. 1984.
- Brown S.A.* The Bayeux tapestry: history and bibliography. Woodbridge. 1988.
- Carter J.M.* Feigned flight at the battle of Hastings: a case study in historiography // Social education. Vol. 58, 1994. Washington. 1994.
- Carter J.M.* The Norman Conquest in English historiography. L., 1980.
- Chibnall M.* Anglo-Norman England, 1066–1166. Oxford, NY, 1987.
- Clanchy M.T.* England and its rulers, 1066–1272: foreign lordship and national identity. New Jersey. 1983.
- Clover C.J., Lindow J.* Old-Norse Icelandic literature: a critical guide. L., Ithaca. 1985.
- Concepts of national identity in the Middle Ages. (Ed. by S. Forde). Leeds, 1995.
- Dalton P.* Conquest, anarchy and lordship: Yorkshire, 1066–1054. L., 1994.
- Davis R.H.C.* The Normans and their myth. L., 1976.
- Denny N.* The Bayeux tapestry: the story of the Norman Conquest 1066. L., 1966.
- Douglas D.C.* William the Conqueror. L., 1964.
- Douglas D.C.* The age of the Normans. L., Cambridge, 1958.
- Douglas D.C.* The Norman Conquest and British historians. Glasgow, Jackson, 1946.
- Fellows-Jensen G.* The Vikings in England: a review // Anglo-Saxon England. Vol. 4. L., 1975.
- Finberg H.P.* The formation of England, 550–1042. St. Albans, Paladin, 1977.

- Fisher D.J.V.* The Anglo-Saxon age c. 400–1042. L., Longman, 1973.
- Fleming R.* Kings and lords in Conquest England. L., 1991.
- Foot S.* The making of Angelcynn: English identity before the Norman Conquest // Transactions of the Royal Historical Society, 6, 1996, P. 25–49.
- Foote B., Wilson D.M.* The Viking achievement. L., 1970.
- Freeman E.* The history of the Norman Conquest of England, its causes and results. Vols. 1–6. L., 1877–1886.
- Furneaux R.* Conquest 1066. L., 1966.
- Garnett G.* Coronation and propaganda: some implications on the Norman claim to the throne of England in 1066 // Transactions of the Royal Historical Society, 5th series. Vol. 36, 1986.
- Gransden A.* Historical writing in England, c. 550 to c. 1307. Ithaca, NY, 1974.
- Gransden A.* 1066 and all that revised // History Today. Vol. 38, 1988.
- Gransden A.* Legends, traditions and history in medieval England. L., 1992.
- Green J.R.* The conquest of England. L., 1883.
- History and Theory, beiheft 26 (The representation of historical events). Middletown, 1987.
- Hollister C.W.* Anglo-Saxon military institutions on the eve of the Norman Conquest. Oxford, 1962.
- Hollister C.W.* The impact of the Norman Conquest. NY, 1969.
- Hollister C.W.* The making of England 55 BC to 1399. Lexington, 1983.
- Hollister C.W.* The military organization of Norman England. Oxford, 1965.
- Hollister C.W.* Monarchy, magnates and institutions in the Anglo-Norman world. L., 1986.
- Howarth D.* 1066: the year of Conquest. NY, Viking Press, 1977.
- Kapelle W.* The Norman Conquest of the North: the region and its transformation, 1000–1135. L., University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1979.
- Kirby D.P.* The making of early England. L., 1967.
- Kristensen A.K.G.* Danelaw institutions and Danish society in the Viking age // Medieval Scandinavia. Vol. 8, 1975.
- Lawson M.K.* Cnut: the Danes in England in the early XIth century. L.–NY, 1993.
- Le Patourel J.* The Norman Conquest of Yorkshire // Northern History. Vol. 6, 1971.
- Le Patourel J.* The Norman Empire. Oxford, 1978.
- Linklater E.* The conquest of England. NY, 1968.
- Longmate N.* Defending the Island: Caesar to Amada. L., Hutchinson, 1989.
- Loyn H.* The governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. L., Arnold, 1987.
- Loyn H.* Anglo-Saxon England and the Norman Conquest. L., 1962.
- Loyn H.* The Norman Conquest. L., 1967.
- Loyn H.* The Vikings in Britain. L., 1977.

- Matthew D.J.A.* The Norman Conquest. L., Batsford, 1966.
- Medieval Scandinavia. An encyclopedia. L., NY, 1993.
- Norman A.V.B., Pottinger D.* A history of war and weapons 499 to 1660. English warfare from the Anglo-Saxons to Cromwell. NY, Cromwell, 1966.
- Oman C.* England before the Norman Conquest, being a History of the Celtic, Roman and Anglo-Saxon periods down to the year AD 1066. L., Methuen, 1938.
- Peoples and places in Northern Europe 500–1600. Woodbridge, 1991.
- Pour une histoire politique. (Sous la dir. de R. Remond). Paris, 1988.
- The reign of Cnut: king of England, Denmark and Norway. (Ed. by A. Rumble). Leicester, 1994.
- Rigg A.G.* A history of Anglo-Latin literature, 1066–1422. L., 1992.
- Round J.H.* Feudal England. Historical studies on the XIth and XIIth centuries. L., Sonnenschein, 1895.
- Russell J.C.* Demographic aspects of the Norman Conquest // Seven studies in medieval English history and other historical essays. Jackson, 1983.
- Sawyer P.H.* The age of the Vikings. L., 1971.
- Sawyer P.H.* From Roman Britain to Norman England. L., Methuen, 1978.
- Sawyer P.H.* Kings and Vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100. L., 1982.
- Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart, 1970.
- Smith A.D.* The ethnic origins of nations. Oxford, 1986.
- Stafford P.* Unification and conquest: a political and social history of England in the X & XIth centuries. L., 1989.
- Stenton D.M.* English society in the early Middle Ages, 1066–1307. Harmondsworth, 1969.
- Stenton F.M.* The free peasantry of the Northern Danelaw. Oxford, 1969.
- Stenton F.M.* William the Conqueror and the rule of Normans. NY, 1966.
- Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1943, 1955
- Stenton F.M.* The first century of English feudalism, 1066–1166. Oxford, 1961.
- Stenton F.M.* Preparatory to Anglo-Saxon England. Oxford, 1970.
- Stubbs W.* The constitutional history of England in its origin and development. Vols. 1–3. Oxford, Clarendon Press, 1883–1884.
- Walker H., Brooks N.* The authority and interpretation of the Bayeux Tapestry // Proceedings of the Battle Conference on Anglo-Norman studies, 1978. Woodbridge, 1978.
- Whitelock D., Douglas D.C., Lemmon Ch., Barlow F.* The Norman Conquest: its setting and impact. L., Eyre & Spottiswood, 1966.
- Wilson D.M.* The Anglo-Saxons. Harmondsworth, 1978.
- Wise T.* Medieval warfare. L., Osprey, 1976.
- Wise T.* 1066: year of destiny. L., Osprey, 1979.
- Wormald P.* The making of England // History Today. Vol. 2, 1995.

- Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., Наука, 1992.
- Гимон Т.В.* Периодичность пополнения летописи: Англо-саксонское и древнерусское летописание // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения: XII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2000 г.: Материалы научной конференции. М., 2000.
- Гимон Т.В.* Палеография и кодикология в современных исследованиях англо-саксонского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тезисы докладов и сообщений XIII научной конференции. (Москва, 1–2 февраля 2001 г.). М., 2001.
- Гимон Т.В.* Перечни правителей как вид исторических источников: Англо-Саксонская Англия и Древняя Русь // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 11–13 апреля 2001 г.: Материалы научной конференции. М., 2001.
- Гимон Т.В.* Процесс работы средневековых летописцев: раннесредневековая Англия и Древняя Русь // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения акад. Л.В. Черепнина, Москва, 30 ноября — 2 декабря 2005 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2005.
- Гимон Т.В.* The Writing of Annals in Eleventh-Century England: Palaeography and Textual History // Writing in Anglo-Saxon England. Manchester, 2006.
- Гимон Т.В.* On the Eleventh-Century History of the Anglo-Saxon Chronicle // The Anglo-Saxon Chronicle: Proceedings of an Interdisciplinary conference, York, 28–30 July 2004. York, 2006.
- Гимон Т.В., Метлицкая З.Ю.* Хронологические формулы в Англосаксонской хронике // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2004.
- Гнейст Р.* История государственных учреждений Англии. М., 1885.
- Грин Дж.Р.* Краткая история английского народа. Вып. 1. М., 1897.
- Глебов А.С.* Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998.
- Гуревич А.Я.* История и сага. М., Наука, 1972.
- Гуревич А.Я.* Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.
- Гуревич А.Я.* Походы викингов // Избранные труды. Т. 1. М.-СПб., 1999.
- Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // Избранные труды. Т. 1. М.-СПб., 1999.
- Гуревич А.Я.* «Эдда» и сага. М., Наука. 1979.
- Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента (Из истории английского государства и общества XIII века). М., 1960.
- Данилов А.И.* Историческое событие и историческая наука // Средние века. Вып. 43. 1980.

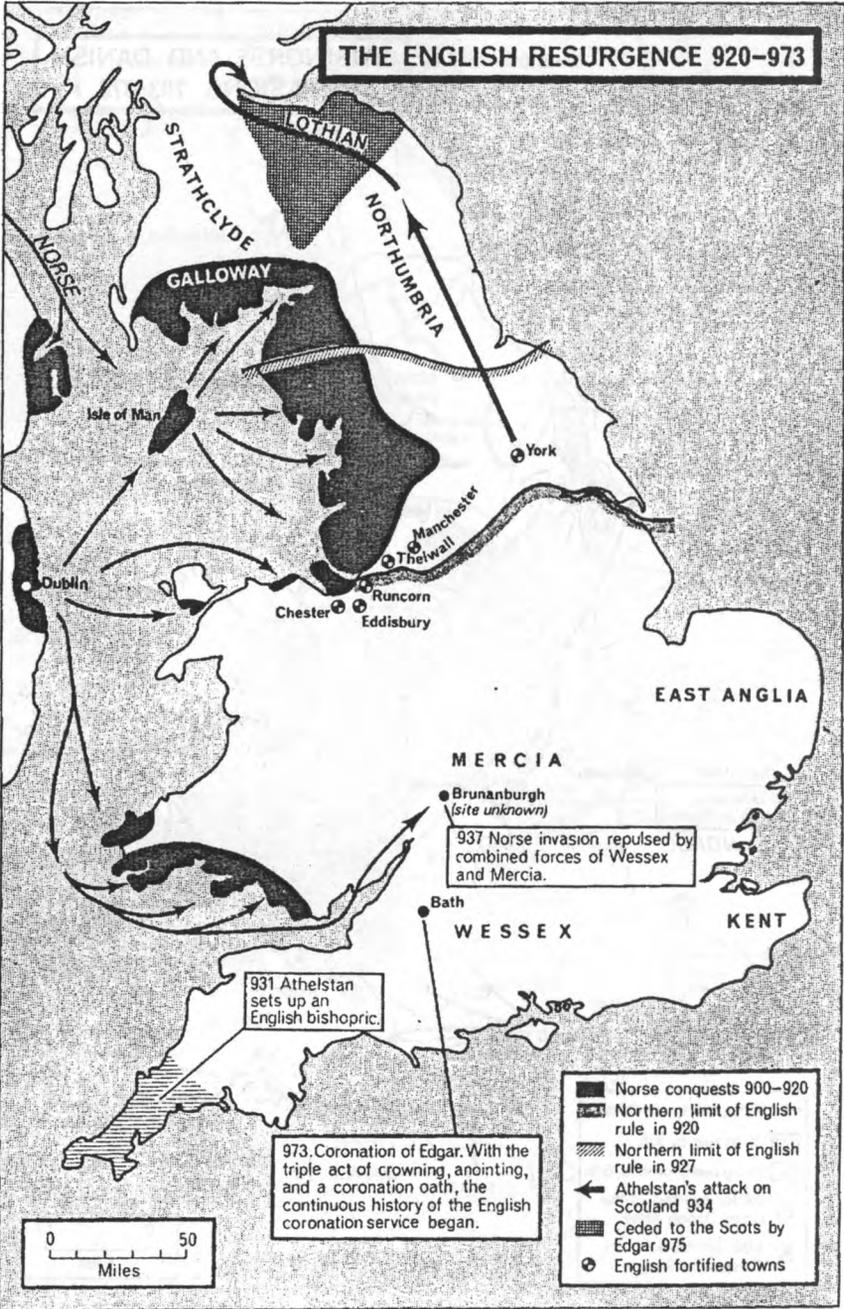
- История Европы. Т. 2 (Средневековая Европа). М., Наука, 1992.
- История крестьянства в Европе: эпоха феодализма. Т. 1 (формирование феодально-зависимого крестьянства). М., Наука, 1985.
- Кареев Н.И.* Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. СПб, 1909.
- Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. 1–3. М., 1906.
- Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологический очерк. Л., 1985.
- Левицкий Я.А.* Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.-Л., Наука, 1960.
- Левицкий Я.А.* Город и феодализм в Англии. М., Наука, 1987.
- Мельникова Е.А.* Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
- Мельникова Е.А.* Тени забытых предков // Родина. № 10. 1997.
- Метлицкая З.Ю.* Битва при Гастингсе: история и легенда // Историческая память и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции ИВИ РАН. Москва, 4–6 декабря 2001 г. М., 2001.
- Метлицкая З.Ю.* Харальд — последний король англосаксов (человек и символический образ) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.
- Метлицкая З.Ю.* Погодная статья 1066 г. рукописи «D» Англосаксонской хроники: голос автора // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2003.
- Метлицкая З.Ю.* Погодные статьи 1066 г. Англосаксонской хроники // Атлантика. Записки по исторической поэтике. М., 2004. Вып. 7.
- Метлицкая З.Ю.* Англосаксонская Англия и нормандское завоевание (научно-аналитический обзор). М., 2004.
- Метлицкая З.Ю.* Два способа описания прошлого в Англосаксонской хронике: две традиции во взаимодействии и единстве // Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы научной конференции. М., 2003.
- Метлицкая З.Ю.* Сюжетные и хронологические границы в Англосаксонской хронике // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2004.
- Метлицкая З.Ю.* Божественное Провидение, знаки и знамена в Англосаксонской хронике // Вестник РОИИ. М. 2004.
- Мило Д.* За экспериментальную, или веселую историю // THESIS, NS'94.
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993.

- Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937.
- Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995.
- Пти-Дютайи Ш.* Феодалная монархия во Франции и в Англии X–XIII вв. М., 1938.
- Репина Л.П.* Феодалные элиты и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Элиты и этнос (сб. статей). М., 1996.
- Савело К.Ф.* Раннефеодалная Англия. Л., 1977.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
- Свонтон М.* Гобелен из Байе: эпическое сказание не в стихах, но в вышивке // *Arbog mundi* (Мировое древо). Вып.4. М., 1996.
- Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Становление литературы. Л., Наука, 1984.
- Тьерри О.* Завоевание Англии норманнами. Киев–СПб–Харьков, 1904.
- Федосов Д.Г.* Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. М., 1996.
- Хук С.* «Если бы» в истории // THESIS, NS'94.
- Шервуд Е.А.* От англосаксов к англичанам. К проблеме формирования английского народа. М., Наука, 1988.
- Штокмар В.В.* История Англии в Средние века. Л., 1973.
- Экштут С.А.* В поиске исторической альтернативы. М., 1994.
- Якуб А.В.* Нормандское завоевание Англии и проблема сциентизации исторической науки в современной английской немарксистской медиэвистике // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 20. Томск.
- Якуб А.В.* Проблема нормандского завоевания в английской исторической мысли XVII — начала XX вв. // Исторический ежегодник, 1996. Омск, 1996.
- Якуб А.В.* Проблема нормандского завоевания Англии в современной английской буржуазной медиэвистике. Томск, 1988.



England 1066

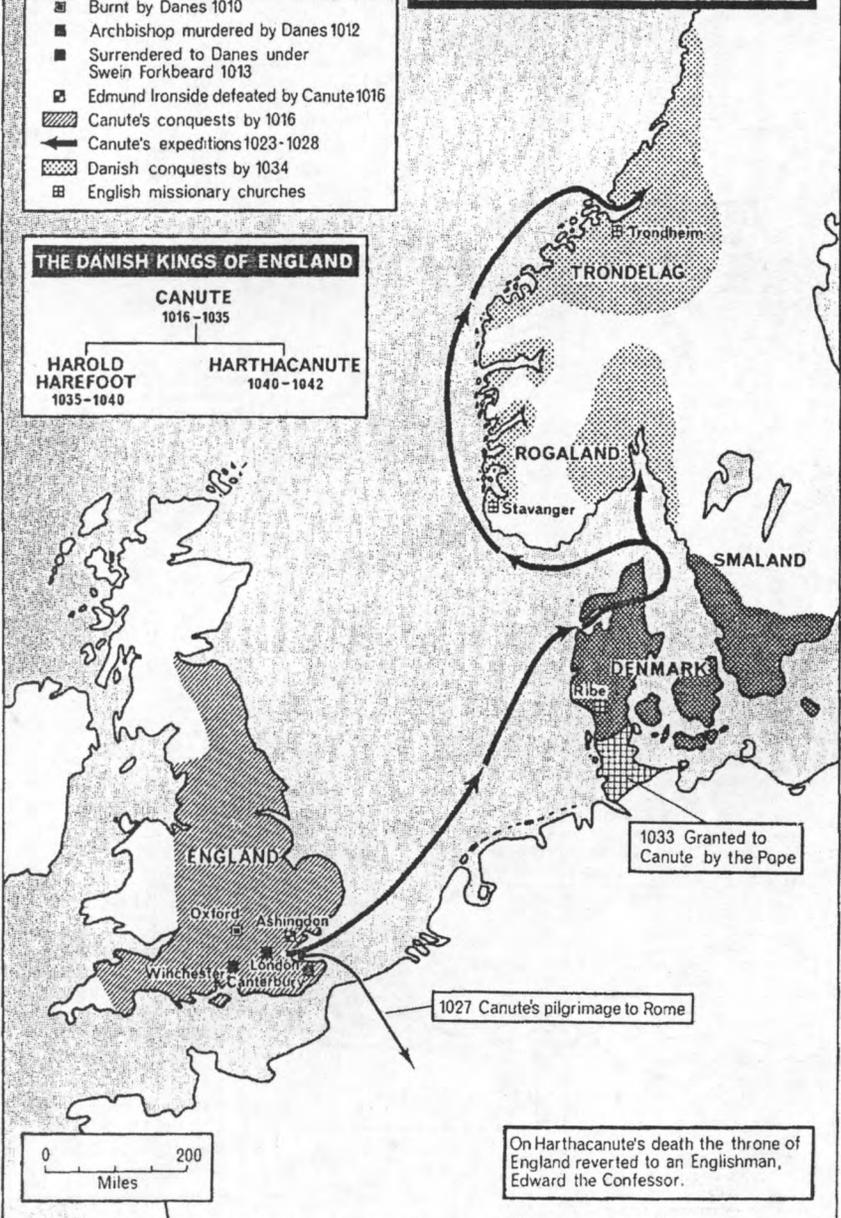
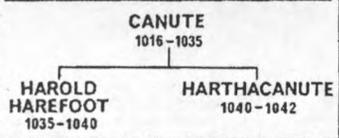
THE ENGLISH RESURGENCE 920-973



THE DANISH EMPIRE 1000-1034

-  The Danish Kingdom in 1000
-  Burnt by Danes 1010
-  Archbishop murdered by Danes 1012
-  Surrendered to Danes under Swein Forkbeard 1013
-  Edmund Ironside defeated by Canute 1016
-  Canute's conquests by 1016
-  Canute's expeditions 1023-1028
-  Danish conquests by 1034
-  English missionary churches

THE DANISH KINGS OF ENGLAND

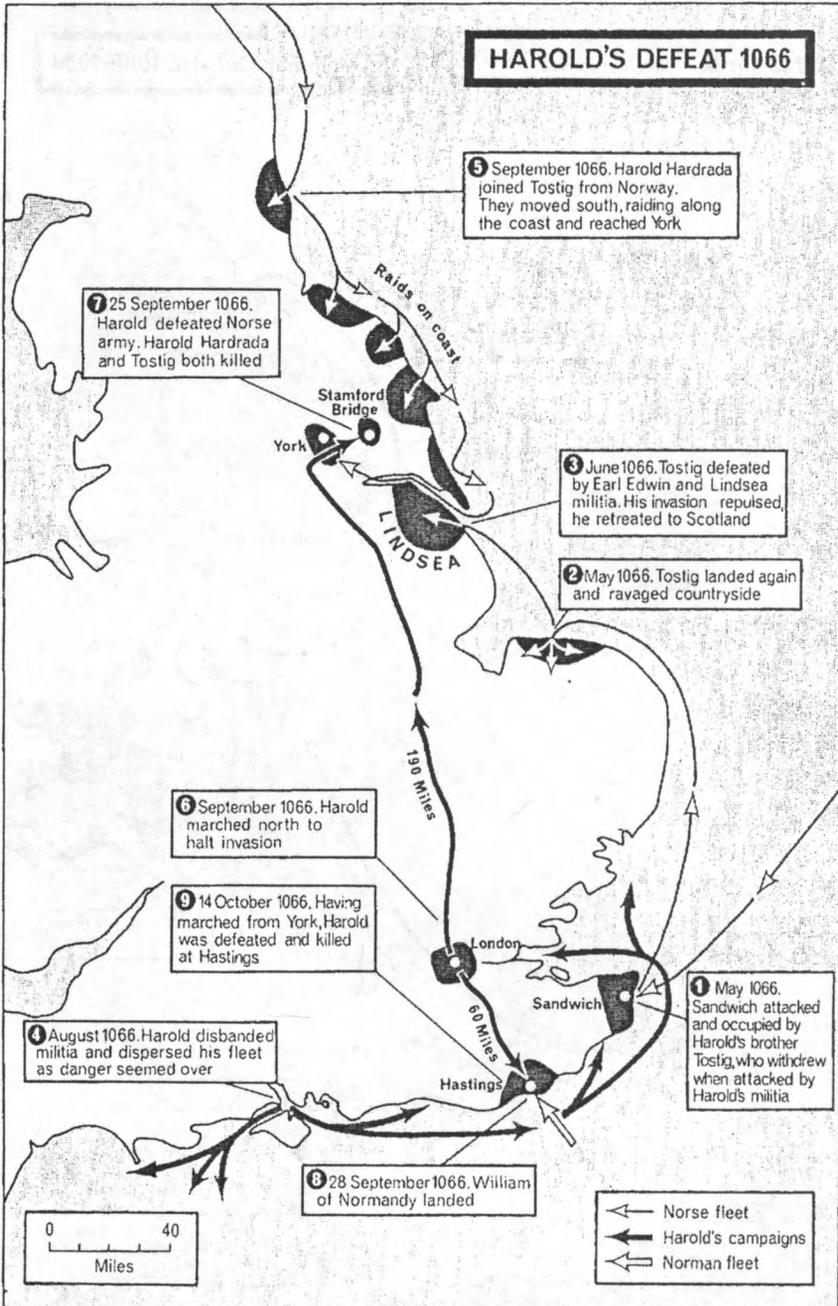


1033 Granted to Canute by the Pope

1027 Canute's pilgrimage to Rome

On Harthacanute's death the throne of England reverted to an Englishman, Edward the Confessor.

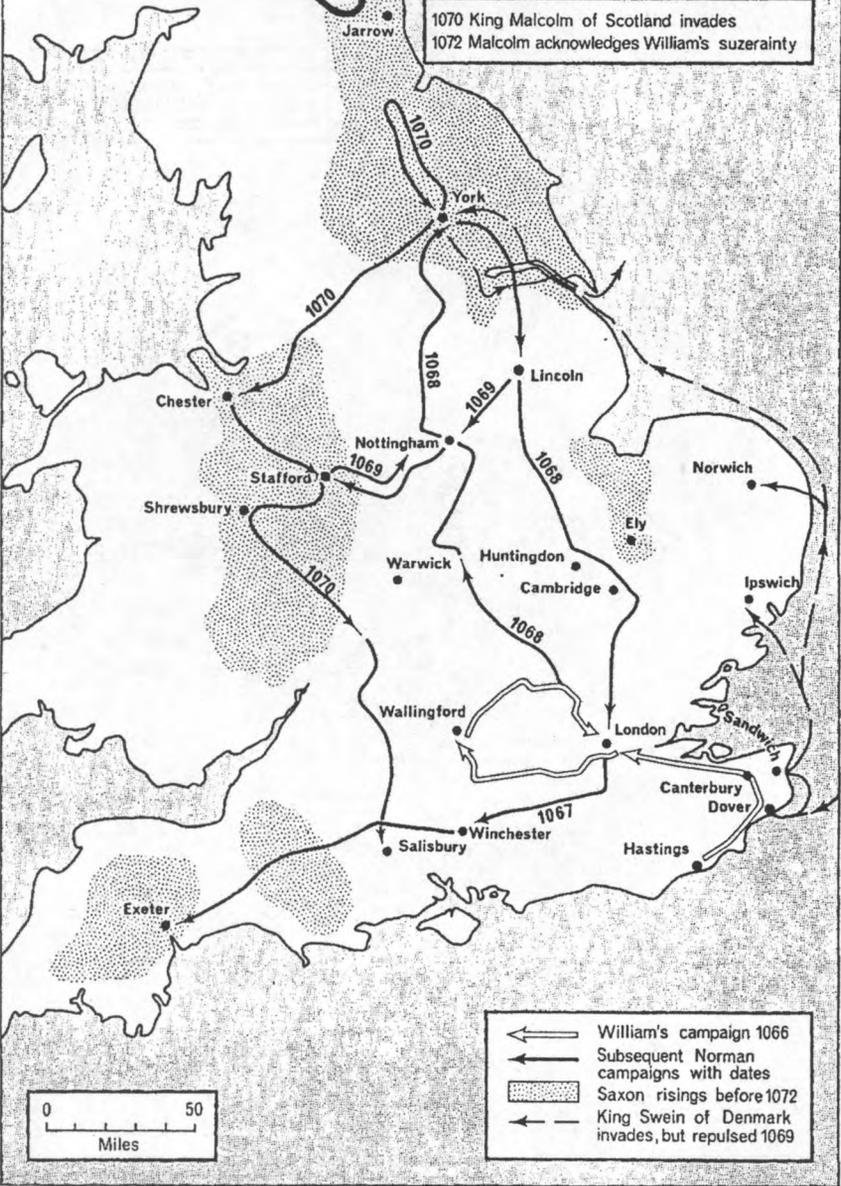
HAROLD'S DEFEAT 1066



SCOTLAND

THE NORMAN CONQUEST 1066-1072

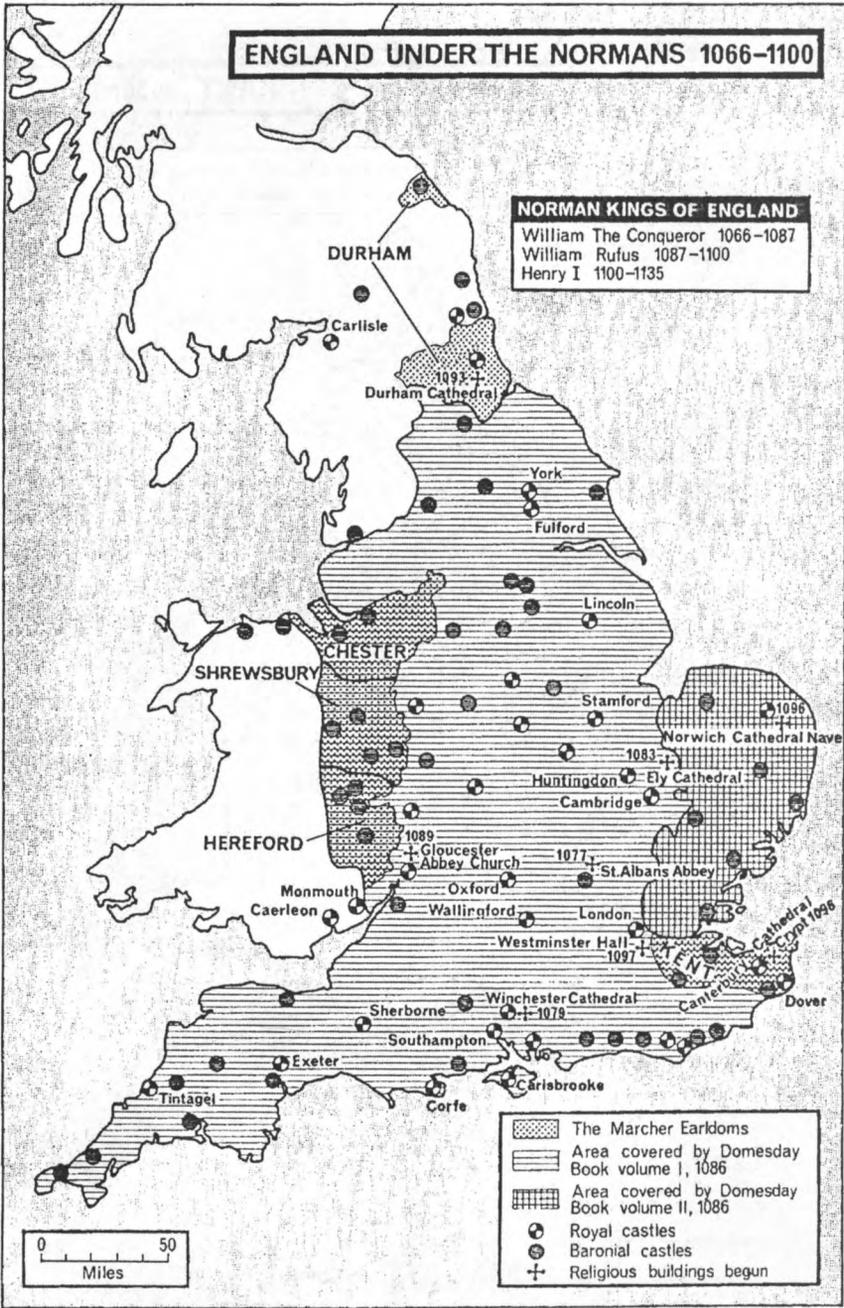
1070 King Malcolm of Scotland invades
1072 Malcolm acknowledges William's suzerainty



ENGLAND UNDER THE NORMANS 1066-1100

NORMAN KINGS OF ENGLAND

William The Conqueror 1066-1087
 William Rufus 1087-1100
 Henry I 1100-1135



-  The Marcher Earldoms
-  Area covered by Domesday Book volume I, 1086
-  Area covered by Domesday Book volume II, 1086
-  Royal castles
-  Baronial castles
-  Religious buildings begun



ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Историография</i>	10
<i>Источники</i>	32
<i>Глава I. Датское завоевание Англии и его последствия. Империя Кнута</i> ...	44
Основные тенденции политической истории Англии в X–XI вв.	44
Англия накануне датского завоевания. Возобновление экспансии скандинавов	46
Англо-датский конфликт и завоевание Англии датчанами (1003–1017 гг.)	55
Образование Империи Кнута: внешнеполитические реалии	64
Социально-демографические последствия датского завоевания Англии ..	65
Внутренняя политика Кнута: «национальное примирение» и создание смешанной элиты	68
Империя Кнута: экономическое и культурное развитие	76
Датское завоевание и царствование Кнута в отзывах современников ...	80
<i>Глава II. Политическая история Норманского завоевания Англии</i>	83
Особенности внутренней и внешней политики Англии накануне норманского завоевания	83
Проблема престолонаследия и борьба за престол (1064–1066 гг.)	89
Военные события 1066 г. и норманское вторжение	97
Начало англосаксонского сопротивления (1067 г.)	106
Эскалация вооруженной борьбы (1068 г.)	112
Северное восстание 1069 г. — кульминация англо-норманского противостояния	116
Последние крупные очаги англосаксонского сопротивления. Укрепление норманнского режима	125
От этнического конфликта к феодальным смутам	131
<i>Глава III. Социальные и этнокультурные последствия Норманского завоевания Англии</i>	136
Норманское завоевание глазами современников	136
Норманское завоевание и англосаксонское сопротивление: этносоциальная характеристика конфликта	145
Демографические и социокультурные последствия норманнского завоевания	148
<i>Глава IV. Датское и Норманское завоевания Англии: Сравнительный анализ</i>	152
<i>Библиография</i>	161

Максим Михайлович Горелов
ДАТСКОЕ И НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ
в XI веке

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *А. И. Азаров*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 504-47-95, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 16.08.2007. Формат 60×88¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,8. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1103.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Береста»,
196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

